

# Социология



**ЖУРНАЛ  
РОССИЙСКОЙ  
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ  
АССОЦИАЦИИ**

**3  
2012**

## Содержание

### Семья и здравоохранение

<i>Голиков Н.А.</i> Здоровье и качества жизни детей в условиях социальной турбулентности .....	4
<i>Грудина Т.Н.</i> Ювенальная юстиция как механизм разрушения института семьи .....	23
<i>Жилкин В.В., Жилкина Н.В., Идрис О.М.</i> Спортсмены-инвалиды как фактор реабилитации ценностей социума .....	30
<i>Немова О.А., Свадьбина Т.В.</i> Семейное воспитание в условиях общества потребления .....	35

### Девиантное поведение

<i>Бубнов Ю.М.</i> Социальная проекция преступности в Белоруссии (на примере Могилёвской области) .....	42
<i>Журавлева Л.А.</i> Наркогенность городского пространства: методология исследовательского проекта .....	51
<i>Клочкова А.В.</i> Деформация ценностно-нормативных ориентаций старшеклассников .....	62
<i>Макаренкова Н.Ю.</i> Профилактика безнадзорности и правонарушения несовершеннолетних в Волгоградской области .....	70
<i>Трофимова И.Н.</i> Насилие в молодежной среде .....	75

### Международный молодежный научный форум «Ломоносов-2012» ... 83

Алдабергенова А.С. Экологическое сознание как духовно-нравственные ценности студенческой молодежи г. Астрахани	
Артемова Т.С. Понятие «доступ» в социологической теории Джереми Рифкина	
Гайдт А. Ю. Социальные механизмы власти и влияния Григорьева А.А. Социальные предпосылки распространения суицида в молодежной среде	
Грищенко Е.В. Социальные аспекты коммуникации в концепциях Юргена Хабермаса и Никласа Лумана	
Грудина Т.Н. Ценность многодетной семьи	
Грызунова Е.А. Социология кризисного управления	
Гуськов Д.В. Социокультурные основания возникновения экстремизма	

- Мартинкевич А.В. Информент, или как белорусские работники защищают свои трудовые права
- Монахов Д.Н. Визуализация информации как компонент информационной культуры
- Симонов А.А. Взятничество как институциональный механизм социального взаимодействия
- Титова Е.Н. Средства и барьеры в социальной адаптации сельских тружеников Республики Беларусь (на примере Могилевской области)
- Шашков Д.А. Проблемы рекрутирования политической элиты современной России
- Яковлева А.А. Причины успешного ведения семейного малого бизнеса в Алтайском крае.

### **Зарубежные социологи**

*Шарович Р.*

- Сельская местность в Черногории – миграционные движения и тенденции ..... 140

*WoŹniak Mariola*

- Zaborowski Tadeusz. Sens spoleczestwa obywatelskiego ..... 146

### **На разные темы**

*Батаева Е.В.*

- Социально-иконографический подход в визуальной социологии ..... 157

*Каневский П.С.*

- Российской корпоративный лоббизм в ЕС ..... 172

*Матвеева Н.Ю.*

- Смысловой подход к изучению общества как русская социологическая парадигма ..... 183

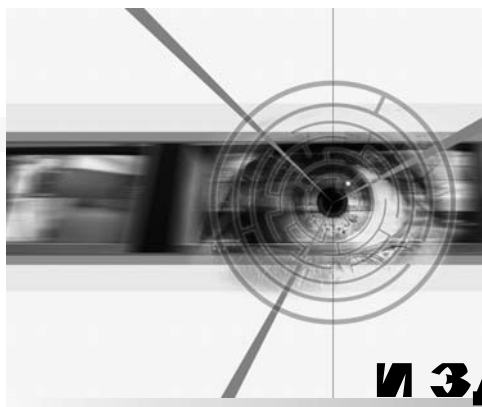
*Филатова Н.Г.*

- Категориальная матрица «содержание-форма» и ее роль в философии искусства Гегеля ..... 197

*Хафизатуллина Э.Р.*

- Этническая идентичность: методологические основания исследования ..... 203

- Рецензии** ..... 209



# СЕМЬЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

## Здоровье и качества жизни детей в условиях социальной турбулентности

Голиков Н.А.

В статье представлен материал о здоровье детей и подростков России и такого экономически благополучного региона страны, как Тюменская область в период от 2000 до 2010 года. Показано влияние школьных факторов на состояние здоровья детей и качество их жизни. Предложены социальные технологии сохранения и наращивания здоровья, оптимизации качества жизни обучающихся.

*Ключевые слова:* здоровье, качество жизни, культура здоровья, социальное проектирование, полифункциональное образовательное учреждение.

Golikov N.A

Health and quality of life for children in social turbulence. In the article the material, concerning children and teenagers' health in Russia and in Tyumen region, as an economically safe area of the country, is introduced up to the period from 2000 till 2010. School factors influence on a level of children's health and their life quality is shown. Social technologies of preserving and escalating of health and life quality optimization of school children are offered. *Key words:* health, life quality, health culture, social designing, multifunctional educational institution

Современные исследователи, причём разных специальностей и научных направлений (медики, социологи, педагоги и психологи), вполне обоснованно обозначают влияние школы на здоровье детей как кризисное, катастрофическое. Это вступает в противоречие с положениями «Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развитии детей (Нью-Йорк, 2000)», в которых подчёркивается, что образование должно быть здоровьесберегающим. Президент Российской Федерации Д.А.Медведев в основных положениях Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» (2010) акцентировал внимание «...к каждому ученику должен быть применён индивидуальный подход, минимизирующий риск для здоровья в процессе обучения». Сейчас же школа и система отношений в ней представляют существенную опасность для здоровья детей и подростков. «Здоровье – по мнению Г.И.Царегородцева (1983), – это не только отсутствие болезни, но и способность организма, личности быстро и своевременно приспосабливаться к из-



меняющейся социально-психологической и природно-экологической обстановке, к выполнению различных социально-биологических и социально-трудовых функций» [1; с.16]. Это определение подходит и в отношении детей и подростков, а учебную деятельность можно вполне отнести к трудовой деятельности.

Поскольку главным для индивида является проживание активной жизни на приемлемо качественном уровне, то было предложено определение здоровья как формы жизнедеятельности, которая обеспечивает необходимое качество жизни и достаточную её продолжительность (Гундаров И.А., 1989). Особая значимость сохранения здоровья определяется в отношении детской популяции, поскольку этот процесс – основа благополучия, безопасности нации и государства. «Здоровье ребёнка – главная проблема ближайшего и отдалённого будущего нашей страны, так как весь потенциал – и экономический, и творческий, все перспективы социального и экономического развития, обеспечение обороноспособности, высокого уровня жизни, науки и культуры – всё это будет итогом достигнутого здоровья детей, их физической и интеллектуальной работоспособности» [2; с.27].

Декларирование необходимости сохранения здоровья детей на всех уровнях власти и тотальное игнорирование этого процесса в реальной образовательной практике, выхолащивание идей здоровьесбережения на фоне навязанного педагогическим коллективам, детям и их семьям императива подготовки к ЕГЭ и оценивания качества образования по единственному признаку – поступенно и верно приводят нашу страну в «бездну невозвращения». Главы муницип-

пальных администраций не предъявляют претензий администрации и педагогическим коллективам школ за факты деструктивного влияния образовательного процесса на здоровье учеников, включая социальное, но держат на жесточайшем контроле вопрос сдачи ЕГЭ, отслеживая рейтинги образовательных учреждений по качеству обученности выпускников.

Формальность подхода к сохранению здоровья детей в образовательных учреждениях проявляется буквально во всём: от несоответствия учебной мебели и отсутствия тщательного проветривания учебных помещений до применения образовательных технологий, несообразных детской природе, индивидуальным психофизическим особенностям конкретного ребёнка. Поражает неумение педагогов конструктивно выстраивать отношения с учащимися, безответственность и отсутствие профессиональных знаний в области здоровьесбережения и школьной гигиены, социологии образования, социологии детства, педагогической и возрастной психологии. Почему студенты инженерных специальностей так основательно изучают сопромат и не освоивший эту дисциплину не перейдёт на следующую курс? Ответ очевиден – знание сопромата – это база инженерии. Все будущие специалисты в области образования также должны изучать дисциплину «своеобразный сопромат», раньше её называли «педология» – комплексная наука о ребёнке. Каждый ученик имеет «сопротивление своего материала» – особенности органики и психики. Это различные компоненты здоровья: соматический, психический, социальный, духовно-нравственный. Без учёта состояния здоровья, предела учебных

возможностей конкретного ребёнка невозможно решить поставленные перед учительством задачи «Нашей новой школы».

Здоровье детей и подростков России просто удручающе. С начала XXI века медики наблюдают увеличение количества врождённых пороков органов детей вследствие неблагоприятных экологических характеристик окружающей среды – фактора, всё более угрожающе воздействующего на здоровье детской популяции. По данным Н.В.Седых (2006), уже в дошкольном возрасте 15-20% детей имеют хронические заболевания затяжного характера. В 6-7-летнем возрасте у половины детей отмечается стойкое повышение артериального давления [3]. Среди детей, поступающих в первый класс, у 70-80% отмечаются различные отклонения в состоянии здоровья – от функциональных до хронических заболеваний. Ежегодно регистрируется около 50 тысяч инвалидов с детства (Чимаров В.М., 2000). 35-40% детей-инвалидов стали инвалидами вследствие перинатальных поражений нервной системы [4; с.410]. 70-75% от общего количества детей относятся к группе часто и длительно болеющих [5; с.35].

По мнению З.И.Тюмасевой (2006), не менее чем 80% учеников, организм которых воспринимает образование как неадаптивное воздействие, живут под постоянным стрессовым воздействием [6; с.50]. Хронизация стресса, отсутствие своевременной социально-психологической поддержки и адресной помощи нуждающимся детям усугубляют течение деструктивных процессов, снижают качество их жизни. Мои многолетние наблюдения и нахождение «в проблеме» убедили – школа становится для детей просто небезо-

пасной. Психосоматические заболевания не являются прерогативой взрослых людей, а имеют большое распространение во все периоды жизни человека. «Психосоматические нарушения у школьников составляют более 70% вновь поставленных диагнозов» [7; с.73]. Дети, так же как и взрослые, могут стать жертвами хронических стрессов ограничения во времени, ожидания неудачи и попыток быть лучше!

Про детские суициды умолчать просто нет возможности. Дети как киты, выбрасываемые на берег. И причины этих явлений установить непросто. Здесь и влияние интернета, и непонимающее безразличие со стороны взрослых, и непереносимое одиночество. Подросток испытывает затруднения в осознании истинной причинности своих переживаний. Эмоциональная палитра чрезвычайно ярка, взрослые не успевают адаптироваться к смене его настроений. То, что раньше радовало подростка, сейчас вызывает равнодушие или раздражение. Застревание на негативных переживаниях, отсутствие копинг-поведения (совладающего поведения) побуждают ребёнка к принятию кардинальных решений – вплоть до суицидов. Казалось бы, фраза, сказанная подростку, обыденно банальна, а она способна запустить аутодеструктивный механизм. Детское мировоззрение не справляется с негативной информацией. Для подростка любая ссора может восприниматься как личная катастрофа. Создаётся ситуация, из которой подросток не видит иного выхода. Институт школьных психологов дискредитирует себя отсутствием профессиональных знаний оказания конкретной качественной помощи нуждающимся детям. В лучшем случае эти «специалисты» ов-

Таблица 1  
Динамика заболеваний  
\* Данные Российского статистического ежегодника – 2011.

Зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни	Дети от 0 до 14 лет		Подростки от 15-17 лет*	
	2000	2010	2000	2010
	38225,7	40903,5	6621,0	6266,8
из них:				
инфекционные и паразитарные болезни	2689,4	1765,4	304,3	183,8
Новообразования	59,5	96,2	16,9	17,8
болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	392,4	357,3	162,4	116,4
болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм	316,4	389,9	36,2	38,5
болезни нервной системы	713,9	928,5	153,2	176,9
болезни системы кровообращения	174,4	184,6	70,9	81,1
болезни органов дыхания	22952,2	25507,7	3217,4	3023,8
болезни органов пищеварения	1709,2	1807,5	326,0	326,7
болезни мочеполовой сферы	539,1	674,8	284,7	284,0
болезни кожи и подкожной клетчатки	1889,6	1980,5	419,2	392,3
болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	759,1	825,7	272,0	280,6
врождённые аномалии (пороки развития)	172,4	255,5	17,9	16,8
травмы и отравления	2390,9	2294,9	727,5	716,3

ладели диагностическими методиками, но что делать дальше, как использовать совокупность всей полученной информации, как сделать её востребованной учителями, как стать эффективным посредником между родителем, ребёнком и школой – этому, к сожалению, они не научились (моя точка зрения основывается на собственном опыте работы деканом психологического факультета). Разочарованная несоответствием ожиданий администрация школ выводит из штатного расписания должность педагога-психолога, заменяя её более востребованным специалистом, работающим с документами или, «в лучшем случае», использует вакансию для увеличения фонда экономии заработной платы для стимулирования учителей и компенсации их нищенской оплаты труда. Нуждающиеся

же дети остаются с проблемами «один на один».

Проанализировав данные регистрации больных по Российской Федерации в возрасте от рождения до 14 лет и подростков в возрасте 15–17 лет с диагнозом, установленным впервые в жизни, за период с 2000 по 2010 годы установили значительный рост заболеваемости по основным классам, группам и отдельным болезням (табл. 1).

Динамика заболеваемости детей от 0 до 14 лет по основным классам болезней за указанный период в Российской Федерации характеризуется следующим образом: больных с диагнозом, установленным впервые в жизни увеличилось на 7%; новообразованиями – на 61,3%; болезнями крови, кроветворных органов и отдельных нарушений, вовлекающих иммунный

Таблица 2

Состояние здоровья детей Тюменской области, 2001 – 2010 гг. (на 1 000 детей)

\* Информация в таб. 2 представлена по Здравоохранение в Тюменской области 2010 - с. 64, 100 и данным Российского статистического ежегодника – 2011.

\*\* Информация по подросткам 15–17 лет представлена по данным: Здравоохранение в Тюменской области 2006 - С. 100; Здравоохранение в Тюменской области 2010 - с. 64, 100.

Зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни	Дети от 0 до 14 лет*		Подростки от 15-17 лет**	
	2001	2010	2001	2009
	1703,6	2004,3	1077,4	1255,8
из них:				
инфекционные и паразитарные болезни	112,6	94,2	48,3	38,6
Новообразования	2,4	4,0	2,7	3,8
болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	14,0	9,3	29,2	19,0
болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм	11,3	13,4	3,2	6,0
болезни нервной системы	45,2	44,2	37,7	37,3
болезни системы кровообращения	8,3	13,4	12,2	14,2
болезни органов дыхания	1013,4	1287,5	473,3	656,9
болезни органов пищеварения	94,6	82,5	81,3	57,0
болезни мочеполовой сферы	23,9	28,8	40,9	52,7
болезни кожи и подкожной клетчатки	91,4	101,1	76,0	73,5
болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	39,1	36,0	56,3	59,5
врождённые аномалии (пороки развития)	5,1	7,8	2,7	1,6
травмы и отравления	84,6	102,3	99,9	124,8

механизм – на 23,2%; нервной системы – на 30,0%; системы кровообращения – на 5,8%; органов дыхания – 11,1%; мочеполовой сферы – на 25,2%; кожи и подкожной клетчатки – на 4,8%; врождённых аномалий (пороков развития) – на 48,2%; костно-мышечной системы и соединительной ткани – на 8,8%, органов пищеварения – 5,7%.

В то же время за указанный период произошло и снижение заболеваемости по следующим классам болезней: инфекционные и паразитарные болезни – на 34,3%; эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ – на 8,9%; травмами и отравлениями – на 4%.

Количество подростков 15 – 17 лет больных новообразованиями

увеличилось на 5,3%; эндокринной системы, расстройств питания и нарушениям обмена веществ – на 39,8%; крови, кроветворных органов и отдельными нарушения, вовлекающими иммунный механизм – на 6,3%; системы кровообращения – на 14,4%; костно-мышечной системы и соединительной ткани – на 3,2%; травмами и отравлениями – на 5,9%.

В то же время за указанный период у этой группы подростков произошло снижение заболеваемости с диагнозом, установленным впервые в жизни на 5,6%; инфекционными и паразитарными болезнями – на 35,1%; органов дыхания – на 6,4%; кожи и подкожной клетчатки – на 6,8%; врождёнными аномалиями (пороки развития)











населения этими инфекциями и их широкое распространение во всём мире определяют не только медицинскую, но и огромную социальную значимость этой проблемы, связанной с далеко идущими демографическими последствиями. Определяя у переносчиков этой заразы наличие синдрома «нравственного иммунодефицита», автор утверждает, что заболевания, передающиеся половым путём, являются чутким барометром биосоциальных процессов. Для России проблема инфицирования «неприличными» болезнями в последние десятилетия стала невероятно актуальной. Высокий уровень социальной патологии в детской среде является мощным дестабилизирующим фактором длительного действия, содержит в себе исключительную опасность для общества.

Многолетнее исследование автора статьи (1995–2011 гг.) подтверждает позицию Российского детского фонда, высказанную в докладе (2001 г.) с опорой на данные специальных исследований РАМН РФ, что за год обучения в наших школах здоровье каждого ребёнка ухудшается минимум в 5 раз и позволяет выделить факторы повреждающего воздействия образовательной среды на здоровье учащейся молодёжи. Нами выявлены следующие факторы и их индикаторы.

**На соматическое здоровье негативно влияют факторы:** нарушение режима жизнеобеспечения: освещения, теплового, воздушного, шумоизоляции и организации питания; интенсификация учебных занятий; несоответствие форм, методов, системы обучения возрастным и индивидуальным психофизиологическим особенностям, состоянию здоровья обучающихся; перегрузка учащихся, в том числе при выполнении домаш-

них заданий; ограничение двигательной активности, монотония; наличие источника распространения сезонных респираторных, инфекционных заболеваний.

**Признаки повреждения соматического здоровья:** 1) истощение психофизиологических ресурсов организма: а) повышенная утомляемость; б) снижение уровня умственной и физической работоспособности; в) снижение резистентности организма от агрессивной интервенции вирусов, бактерий; 2) вегетативные симптомы: нарушение сна; головная боль напряжения; боли в животе и т.д.; 3) обострение хронических заболеваний.

**На психический компонент здоровья негативно влияют следующие факторы:** утрата жизненных смыслов; превышение уровня допустимой информационной нагрузки; функционирование в хроническом стрессовом режиме (стресс ограничения во времени, стресс ожидания неудачи и т.д.); авторитарный стиль педагогов; принудительный характер обучения; акты насилия в образовательной среде (включая ажитацию слухов о них); предъявление уровня образовательных требований без учёта предела учебных возможностей и состояния здоровья обучающихся; чрезмерная zorganizованность всей школьной жизни; игнорирование образовательных и иных потребностей обучающихся; отсутствие учёта сензитивности возрастного периода развития; технократизм в содержании образования, исключение или минимальность эмоциональной компоненты в обучении; некорректная критика в адрес обучающегося и продуктов его деятельности; препятствие развитию индивидуальности ребёнка; несоответствие способа подачи учебного

материала продуктивным каналам восприятия; отсутствие у учащихся личной заинтересованности в большинстве нормативных, т.е. предусмотренных программами учебных курсов знаний.

**Признаки повреждения психического здоровья:** 1) неадекватность реакций на окружающий мир, себя в этом мире: а) отсутствие интереса к внешнему миру; б) повышение чувства страха и степени выраженности тревожности; в) снижение уровня самоуважения, самооценки; г) нарушение самовосприятия и отрицательное самоотношение; 2) нарушения в функционировании эмоциональной сферы: а) снижение эмоционального благополучия; б) снижение уровня фрустрационной устойчивости личности; в) проявление апатии; г) пониженный фон настроения, уныние; д) утрата нервно-психической устойчивости; 3) снижение способности к самоуправлению поведением, разумному планированию жизненных целей и поддержанию активности в их достижении (по Б.С.Братусю): а) снижение способности индивида контролировать своё поведение; б) снижение способности планировать и осуществлять свою деятельность, отсутствие целедостижения; в) снижение или отсутствие чувства когерентности (положительное ожидание успешности своей деятельности); г) гратификация (неудовлетворённость результатами своей деятельности, разочарование, снижение мотивации деятельности); д) появление признаков отклоняющегося поведения, уход от реального мира (увлечение компьютерными играми, интернет, просмотром телевизионных программ и т.п.); е) агрессивные формы поведения, включая аутоагрессию; ж) протестное поведение; 4) неадекватность выпол-

нения социально-значимой функции ученика: а) снижение качества познавательных процессов; б) угасание интереса к учебной деятельности; в) отчуждение от школы; 5) снижение субъектности личности: а) снижение восприятия целостности своей личности; б) снижение переживания своей тождественности («Я» в прошлом, будущем и настоящем); в) утрата самоидентичности; г) утрата самостоятельности и инициативности; д) потеря субъективного благополучия; е) трудновоспитуемость; ж) личная беспомощность; з) жёсткий рационализм; и) инертность; к) снижение рефлексивных способностей.

**На социальное здоровье** разрушающее воздействие оказывают: социальный вакуум, отсутствие альтернатив во внешкольной и внеклассной деятельности; неадекватное микро и макро социальное пространство; игнорирование интересов и потребностей; агрессивная среда, «социальное выдвигание» микрогруппой; жёсткое регламентирование моделей поведения, тотальное неприятие инакомыслия, ограничение проявления самостоятельности.

**Признаки повреждения социального здоровья:** 1) нарушение социального функционирования: а) снижение или утрата коммуникативных способностей (установление, поддержание, сохранение продуктивных контактов); б) снижение качества выполнения личностью социальных ролей; в) утрата навыков социального партнёрства; г) неспособность к взаимосвязанной активности; 2) снижение качества приспособляемости при взаимодействии индивида со средой: а) сепарация в микро и макросреде: одиночество, стагнация отношений со значимыми социальными общностями, чувство



ненужности; б) неправильное распознавание и интерпретация сигналов (знаков) окружающих; в) невнимательность (индифферентность) к интересам и потребностям окружающих; г) социальная дезориентация; д) социальная инфантильность; е) социальная апатия; ж) неадекватность реагирования на социальные раздражители-стимулы; з) неверие в свои силы, возможность успеха; и) чувство страха перед новым; к) действия во вред себе; л) неспособность к совместной деятельности; 3) низкая толерантность к восприятию социальной среды: а) повышенная конфликтность; б) деструктивность взаимоотношений; в) неспособность принять точку зрения другого; 4) снижение регуляции и ауторегуляции: а) отношение к человеку как средству; б) эгоцентризм и неспособность к самоотдаче и любви; в) отсутствие или слабая внутренняя естественность перед собой и другими; г) ощущение незащищённости; д) повышение преднамеренных конфликтов.

**На духовно-нравственное здоровье** деструктивно влияют: массовая культура, пропагандирующая жестокость, человеческие страсти, ложные ценности; формализм в отношениях; несоответствие программ обучения учебным возможностям школьников; неблагоприятный микроклимат в классном коллективе; поощрение высоких результатов деятельности при игнорировании стратегии их достижений; суперориентация значимых окружающих на потребительство; миграция или размытость духовно-нравственных ориентиров.

**Признаки повреждения духовно-нравственного здоровья:** 1) отчуждение от общепринятых нравственности и морали: а) демонстрация безнравственных форм

поведения; б) отсутствие уважения ко всему общественно ценному; в) лживость; г) отсутствие нравственной рефлексии своих поступков; д) отсутствие нравственной рефлексии поступков других; ж) игнорирование устойчивых нравственных установок, убеждений и ценностей – позитивных идей, духовных принципов, нравственных позиций; з) культивирование в окружающем социуме безнравственных форм и моделей поведения; 2) искажённая направленность нравственных установок «на себя»: а) расслабление воли; б) проявление самодеструктивного поведения; в) отсутствие валеоустановок на целесообразный образ жизни и настроенности на саморазвитие; 3) искажённая направленность нравственных установок «на других»: а) отсутствие сострадания; б) неуважительное отношение к взрослым (родителям, учителям и т.п.); в) потребительское отношение к окружающим; г) конфликтность, агрессивные формы поведения; д) преднамеренное проектирование сложных ситуаций у других, препятствие личностному развитию окружающих.

При совокупности указанных выше факторов, их хронизации и непрерывном длительном воздействии процесс деструкции здоровья школьников может принять необратимый характер. В.П.Каценко ещё в начале прошлого столетия замечал, что атмосфера школы с её непривычным для ребёнка укладом в физическом и духовном отношении производит неизбежный перелом всей жизни даже на вполне здорового нормального ребёнка. По данным З.И.Тюмасевой (2006), затратность образования выражается в том, что 90–99% (по разным регионам России) выпускников имеют хронические забо-

левания.

Общество и государство не могут игнорировать процесс повреждения школой здоровья учащейся молодёжи. «Забота о будущих поколениях – это самые надёжные, умные и благородные инвестиции. Общество, в котором на деле защищают права ребёнка и уважают его личное достоинство, не только доброе и человеческое, это общество быстрее и лучше развивается, имеет благоприятную, предсказуемую перспективу» (из Послания Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному собранию). Общество с высоким человеческим капиталом (капитал здоровья, капитал образования, капитал культуры) – гарант высокого качества жизни сограждан, политической стабильности, независимости и обороноспособности страны. Больное же детство – низкое качество жизни, растроченный психофизиологический потенциал, невосполнимый ресурс, малопродуктивная взрослая зависимость.

Под качеством жизни детей мы понимаем совокупность социальных показателей степени развитости жизненных сил и уровня организации жизненного пространства. Это определённый образ и уровень жизни, который характеризуется объективными показателями и субъективными ощущениями, основными составляющими которых является уровень социально-психологического благополучия и здоровья (соматическое, психическое, социальное, духовно-нравственное). Качество жизни – это субъективная удовлетворённость, выраженная или испытываемая индивидуумом в физических, ментальных и социальных ситуациях. В качестве индикаторов качества жизни детей выступают: уровень социально-психо-

логического благополучия (отношение ребёнка к себе и окружающей действительности – стратегически важным для развития его личности средам: семье, школе, классному коллективу, неформальной группе сверстников); состояние здоровья и уровень физической подготовленности; направленность активности личности; благополучие семейного положения; удовлетворённость социальным статусом среди сверстников; удовлетворённость своими учебными успехами [16; с.66]. Необходимо отметить, что сам ребёнок в силу возрастных особенностей неадекватно оценивает значимость различных показателей его жизни с точки зрения ее качества, как в настоящий момент, так для будущих жизненных периодов. Таким образом, разработка модели качества жизни детей и включение ее в программно-целевое управление развитием образовательного учреждения становится чрезвычайно актуальной. Специально следует оговорить, что в определенном смысле взрослый авторитарно берет на себя инициативу по определению главного критерия качества жизни ребенка – здоровья в силу недостаточного понимания ребенком жизни как таковой и его определенной интеллектуальной (рефлексивной) незрелости. Соматический, психический, социальный и духовно-нравственный компоненты здоровья детей, несомненно, являются основой их качества жизни.

Это выводит проблему сохранения соматического, психического, социального и духовно-нравственного здоровья в ранг общенациональных проблем, связанных с национальной безопасностью. Необходимо отметить, что на правительственном уровне существует понимание чрезвычайности ситу-





ации. Уже в 1997 г. Указом Президента РФ №1300 от 17 декабря была утверждена Концепция национальной безопасности РФ, которая определяла «здоровье населения основой национальной безопасности страны». Был принят ряд федеральных программ по реализации данной концепции, укреплению здоровья населения. Значимость охраны здоровья как «структурообразующего фактора социальности» (Сайко Э.В., 2000) подчёркивается положением, содержащимся во всех редакциях Закона РФ «Об образовании». Особая роль здоровья отмечалась и в других базовых документах, регламентирующих деятельность системы образования. В Национальной доктрине развития образования до 2025 г. предусмотрено безотлагательное решение проблем образования физически ослабленных и хронически больных детей и подростков. В Национальном проекте «Здоровье» (2005) предлагается система мер, направленных на решение проблемы сохранения здоровья нации. В национальной образовательной инициативе «Наша новая школа» (2010), предложенной Д.А.Медведевым, сохранение здоровья школьников является одним из приоритетных направлений деятельности системы образования.

В сложившейся ситуации со здоровьем детей образовательное учреждение обязано взять на себя ранее несвойственные функции – функции лидера осуществления комплексной заботы о ребёнке и под «одной крышей» в школе обеспечить процессы образования, оздоровления, реабилитации, помощи и поддержки, социальной защиты, формирования культуры здоровья и т.д. Системе образования необходимо выйти за свои профессиональные границы, создать

новую образовательную предметность – качество жизни субъектов образовательного процесса, основой которого является здоровье. Качество жизни может и должно выполнять функцию комплексного показателя качества образования, поскольку охватывает все аспекты жизнедеятельности обучающегося. Однако на старой предметности новой деятельности не бывает, необходима интериоризация идеи оздоровления детей (учащейся молодёжи), оптимизации их качества жизни каждым педагогом, менеджером системы образования, представителем школьных общественных организаций, включая попечительские, управляющие советы.

Оптимизация качества жизни ученика – это комплексный процесс системной стабилизации функционирования индивида во всех сферах обитания и жизнедеятельности, извлечение наилучшего результата из возможных с учётом состояния здоровья и реальных условий жизнеобеспечения. Даже у ребёнка, отнесённого к категории детей-инвалидов, можно оптимизировать качество жизни, т.е. при сохранении медицинского статуса, создать условия для стойкой ремиссии основного заболевания, успешной самореализации во внеклассной, внешкольной, общественной деятельности, признания окружающими, повышения самооценки и самоуважения.

Педагогический коллектив, конкретно каждый учитель не имеют права приступать к образовательной деятельности без сдачи «санитарно-гигиенического минимума» – знания индивидуального состояния здоровья и психологических особенностей вверенных ему детей. Это побуждает педагогов неформально, а тщательно и всесторонне изучать ребёнка, вза-

имодействовать с психологом и социальным педагогом, специалистом медицинского профиля, совершенствовать систему отбора и использования психолого-педагогических стратегий, тактик, образовательных технологий с целью проектирования образовательного маршрута, оптимизации учебно-воспитательного процесса конкретных учеников, групп учащихся. Учитель становится социальным проектировщиком развития воспитанников. Такой подход успешно решается на наших опытно-экспериментальных площадках: МДОУ ЦРР №7 «Ёлочка» (зав. И.В.Ярманова) и МОУ СОШ №2 г.Ханты-Мансийска (дир. А.Н.Лобанов), общеобразовательном лицее Тюменского государственного нефтегазового университета, ряда школ Ялуторовского района Тюменской области (нач. Комитета по образованию Л.Н.Цыганкова), АНО ДООЦ «Алые паруса» (ген. дир. А.Ю.Мясников).

Приоритет сохранения здоровья, повышения качества жизни подрастающего поколения – это императив времени, неоспоримая ценность для научного анализа и практической деятельности современной школы. Несомненно, и государство, и общество должны быть заинтересованы в развитии здоровьесберегающей системы образования, повышении качества жизни воспитанников как комплексного индикатора качества образования, реализации инновационных проектов, всемерной помощи процессу расширения палитры образовательных функций и преобразованию школ в полифункциональные образовательные учреждения.

Полифункциональное общеобразовательное учреждение – это сложная социально-педагогическая система, в которой наряду с

инвариантными традиционными функциями обучения, воспитания и развития с целью удовлетворения образовательных и иных потребностей субъектов образовательного процесса комплексно реализуются вариативные амплификативные функции. К ним относятся сервисная, здоровьесберегающая, здоровьесформирующая, валеологического и социально-педагогического сопровождения, персоналогическая, социальной защиты, коррекционная, реабилитационная, социально-педагогической поддержки, правозащитная, психологической безопасности, координационная, культурологическая и интеграционная функции [17; с. 66].

Полифункциональное образовательное учреждение (школа) является наилучшим полем для разработки и осуществления комплексного оздоровления обучающихся, оптимизации качества их жизни, развития у учащихся навыков самостоятельного управления качеством своей жизни, так как:

- школу посещают почти все дети, включая детей-инвалидов. Они находятся здесь ежедневно в течение длительного периода, что даёт возможность системно, пролонгированно наблюдать за состоянием здоровья, личностным развитием, обучаемостью и обученностью, прогнозировать и проектировать их развитие, своевременно осуществлять социально-педагогическую поддержку, в случае необходимости – коррекцию и реабилитацию;

- школа – управляемая функциональная система со своей структурой, выстроенной иерархией, соподчинённостью компонентов. При условии чёткой организации и управлении активностью элементов системы приводит



к достижению ожидаемого полезного результата как для отдельного субъекта деятельности и общения, так и для всего школьного сообщества;

· это не только место для овладения учащейся молодёжью суммой академических знаний, школа – это пространство их полноценного взросления, становления жизнеспособных, жизнеутверждающих субъектов деятельности и общения, способных гармонично адаптироваться к изменяющимся условиям среды, преодолению сложных жизненных ситуаций с минимальным риском для себя и окружающих;

· работают профессионалы, способные достаточно точно определять предел учебных возможностей учащихся [18], регулировать учебную, эмоциональную, интеллектуальную, физическую нагрузку, исключать факторы, наносящие ущерб их соматическому, психическому, социальному и духовно-нравственному здоровью;

· в большей степени реализуется вероятность формирования у учащейся молодёжи валеоустоек, благоприятного отношения к развивающим средам, приобщению обучающихся к культуре здоровья, созданию индивидуальных образовательно-оздоровительных маршрутов, осуществлению патронажа их оптимального индивидуального развития;

· большие возможности развития у учащейся молодёжи социально-психологической компетентности, жизненно необходимых навыков: оптимального социального функционирования, социального партнёрства, стрессоустойчивости, жизнестойкости, конструктивного разрешения конфликтов, ведения здорового образа жизни;

· выше шанс сформировать у воспитанников понимание своего

качества жизни, позитивной картины мира, ощущение удовлетворённости, поддержания и стимуляции личной продуктивной деятельности, которая приносит наибольшее удовлетворение и генерируется как внутренняя потребность и созидательная активность преобразования себя и окружающего мира;

· в большей степени реализуется возможность управления процессом оптимизации качества жизни воспитанника, поскольку образовательная среда предоставляет условия для педагогического манёвра создания прецедентов использования потенциала транспозиции вариативных амплификативных образовательных функций с целью осуществления социально-педагогического проектирования максимального удовлетворения потребностей и запросов обучающегося и его родителей, сбалансировать самооценку, повысить позитивность самовосприятия.

В основе идеи преобразования школ в полифункциональные образовательные учреждения лежит позиция – «по отношению к школе учащаяся молодёжь выступает «заказчиком» на «изготовление» собственной индивидуальности. Выполнить такой «заказ» можно через сотворчество со школьником как с социальным партнёром по самопроектированию, «самофутурированию» субъекта деятельности и общения, правильному комплектованию образовательных вариативных ампликативных функций под конкретные задачи. Например, для ученика с повышенной тревожностью и мнительностью, не уверенного в своих силах, что является препятствием социальному благополучию, усвоению учебного материала, собранности при устных и письменных ответах, проявлению активности в образо-

вательной среде, наряду с функциями обучения, развития и воспитания, необходимо активизировать функции психологической безопасности и социально-педагогической поддержки. Это проект развёртывания своеобразного «поля возможностей» для манёвра становления личности и максимального получения позитивных эмоций в учебно-воспитательном процессе, удовлетворение образовательных и иных потребностей школьника, повышения уровня его самоотношения. При позитивном самоотношении и положительной социальной перцепции оптимизируется процесс саморазвития личности. При этом индивид полнее развёртывает природой заложенный потенциал, направляет активность исключительно в созидательное, конструктивное русло, избегая психотравмирующих для себя и окружающих ситуаций. Нас, кстати, неоднократно удивляло, как дети, поражённые «ржавчиной» хронических неудач (выученная беспомощность), некорректного оценивания взрослыми недоверчиво относятся даже к собственному успеху! И сколько нужно усилий, терпения и чуткости, специальных знаний педагогам, чтобы понять особенности личности такого ребёнка, научить его мыслить позитивно, видеть первые победы над самим собой, затем закрепить это состояние, разорвав порочный круг негативизма в самовосприятии. Трагедия современного подростка – незнание адресата, который способен оказать реальную помощь. К сожалению, немногие взрослые обладают репутационным капиталом, способным вызвать у подростков доверие.

Для обеспечения сохранения и наращивания здоровья учащейся молодёжи, повышения качества

жизни, необходимо как можно раньше приобщить её к культуре здоровья. Под культурой здоровья личности понимается совокупность ответственного отношения субъекта к своему здоровью и здоровью окружающих, стремление не только сохранить заложенный природой потенциал, но и приумножить его за счёт волевых качеств, нахождения внутренних и внешних ресурсов, направленных на укрепление своего здоровья, гармонизацию личности с самим собой и окружающим миром [19]. Мы убеждены, что человек является инициатором собственного поведения в отношении здоровья и качества жизни, и эти процессы носят глубоко субъектный характер, поэтому педагог-наставник и должен целенаправленно создавать такие условия образования, в которых каждый ученик может стать субъектом своего развития, созидания своего здоровья.

Составляющими этого процесса являются: установка на ценность собственного здоровья; приобретение знаний о своём здоровье и технологиях его индивидуального накопления; овладение способами поведения, сохраняющими и приумножающими здоровье; умение применять общие формы накопления здоровья к особенностям своего организма; создание ситуации успеха в овладении навыками накопления собственного здоровья.

Нами определён механизм приобщения детей как субъектов этой деятельности к созиданию, проектированию своего собственного здоровья. Он заключается в следующем: интериоризация ценности собственного здоровья как уникальной и непреходящей; самостоятельный поиск школьником средств для достижения поставленной цели – сохранить и нако-

пить собственное здоровье; определение препятствий при реализации поставленной цели; самостоятельный поиск резервов в преодолении препятствий на пути со-зидания здоровья, включая стимулирование и т.д.

Важнейшей задачей современного образования должно стать обучение детей (учащейся молодёжи) управлению качеством своей жизни. В качестве социальных «инструментов» управления используются: разумная предприимчивость в самостроительстве, саморегуляции; определение оптимальной стратегии поведения в конкретной ситуации; эффективная (уточняем – не эффективная, а именно эффективная для восприятия окружающих) самопрезентация личности; выстраивание социально-партнёрских отношений; позитивное преобразование мира вокруг себя и себя в этом мире; управление конфликтами, минимизация или исключение их деструктивности. Указанные выше социальные «инструменты»-навыки обеспечивают оптимальность функционирования личности в социуме, нивелируя физические и иные недостатки, продуцируя позитивное самовосприятие и чувство удовлетворения результатами своей деятельности, наращивание самоуважения, оптимум качества своей жизни. Грамотное социальное проектирование качества жизни учащейся молодёжи (уточняем – при непосредственном участии школьника как субъекта этого процесса) выступает в качестве гаранта безопасной социализации, фактора позитивного самовосприятия, «наращивания» самоуважения.

Таким образом, представленный выше материал даёт возможность расширить границы восприятия и понимания дефиниции «здоровье». Здоровье имеет смысл рас-

сматривать не только как феномен медицинских знаний и предмет деятельности специалистов в области здравоохранения, но и как предмет социологии образования, общей педагогики. Следовательно, в рамках новой профессиональной предметности – здоровье, расширяется и профессиональная деятельность педагога. Учитель осуществляет поиск способов решения медицинских проблем образовательными средствами. Наряду с обучением, развитием и воспитанием детей посредством использования здоровьесберегающих технологий, педагог в образовательном процессе проявляет неформальную заботу о сохранении, приобретении, приумножении здоровья вверенных ему учеников, наращиванию качества их жизни. Он обучает школьников проектированию своего здоровья, качества жизни, приобщает к культуре здоровья, ведению здорового образа жизни. Интеграция образовательной, оздоровительной деятельности, профессиональное взаимодействие специалистов, предметом профессиональной деятельности которых является ребёнок – эффективная стратегия решения проблемы современного детства.

### Литература

1. Царегородцев Г.И. Социально-гигиенические проблемы научно-технического прогресса // Динамика в науках о природе и человеке: человек, общество, природа в век НТР. М.: Наука, 1983;
2. Тихвинский С.Б. Социальные и медико-биологические проблемы здоровья. В кн. под ред. Сизова С.С., Ершова Г.Г. «Методология и социология педиатрии». СПб., 1991. – С. 27 – 42;
3. Седых Н.В. Педагогическая система формирования основ здо-

рового образа жизни детей в дошкольных образовательных учреждениях: Автореф. дис. на соискание уч. степ. д.п.н.- Волгоград, 2006.

4. Психология здоровья/ Под ред. Г.С.Никифорова.СПб.: Питер, 2003 - 607с.;

5. Кожевникова Л.А. Реабилитация часто болеющих детей. // Педиатрия/ Тюменский научно-практический журнал. 2002. №2. С. 34 - 38;

6. Тюмасева З.И. Экология, образовательная среда и модернизация образования: монография. Челябинск: Изд-во Чел.гос.пед.ун-та. 2006. -322с.;

7. Дзятковская Е.Н. Здоровьесберегающее образовательное пространство //Педагогическое образование и наука. 2002. №3. С.72 - 75;

8. Журавлёва И.В. Здоровье подростков: социологический анализ. - М.: Издательство Института социологии РАН, 2002. -240с.;

9. Дубровский А.А. Открытое письмо врача учителю. М.: Просвещение, 1988;

10. European report on preventing violence and knife crime among young people / ds. Sethi D., Hughes K., Bellis M., and all. - World Health Organization, 2010. - 102 p.

11. Селиванова О.А. Уличная социальная работа: теория и практика. Монография. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005;

12. Гаврилук В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальных трансформаций (поколенческий подход) // СоцИС. 2002. № 1;

13. Здоровье детей России/ Под ред. А.А.Баранова. М., 1999;

14. Брынза, Н.С. Возрождение семейных ценностей и здоровье нации. //Духовность и здоровье нации. Православные традиции в медицине: М-лы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения святителя Луки (В.Ф.Войно-Ясенецкого). - 2007. - Тюмень: ТюмГНГУ, 2008. - 362с.

15. Гуськова Т.Ю. Обобщение и вывод по фильму «Растление» // Духовность и здоровье нации. Православные традиции в медицине: М-лы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения святителя Луки (В.Ф.Войно-Ясенецкого). - 2007. -Тюмень: ТюмГНГУ, 2008. С.117-121.

16. Голиков Н.А. Качество жизни детей: социально-педагогические детерминанты //Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2009. №4.- С.66 - 69;

17. Голиков Н.А. Оптимизация качества жизни учащейся молодёжи в условиях полифункционального образовательного учреждения // Теория и практика общественного развития. 2010. №4. - С. 64-68;

18. Голиков Н.А. Междисциплинарный комплекс здоровьесберегающих образовательных технологий как способ улучшения качества жизни школьников // Человек и образование. 2006. № 6. - С. 19 - 23

19. Голиков Н.А. К вопросу о культуре здоровья и качестве жизни студентов как субъектов современного образования //Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 6. - С. 77 - 81

## Ювенальная юстиция как механизм разрушения института семьи

Грудина Т.Н.

В настоящее время в обществе активно обсуждается идея введения в России ювенальной юстиции, которая подразумевает ряд законопроектов, направленных на создание системы судов для несовершеннолетних. Однако, механизм ювенальной юстиции не исчерпывается себя только на уровне законодательства. Бурная дискуссия развернулась вокруг вопроса, связанного с вмешательством государства и общества в процесс родительского воспитания.

*Ключевые слова:* ювенальная юстиция, единство семьи, воспитательный процесс, государственный контроль, защиты прав несовершеннолетних, семейные ценности.

Belly T.N.

Juvenile Justice as a mechanism for the destruction of the family

Currently the enactment of juvenile justice is being discussed in Russia. The project consists of a series of laws aimed at introducing a system of courts for the under-aged. The introduction of the project affects family structure, bringing society and government presence in private family affairs. This topic has also brought up a discussion among the parents as well as government officials.

*Key words:* juvenile justice, family unity, upbringing process, state control, protection of under-aged children, family values

Вопрос о возможности введения в России ювенальной юстиции обсуждается активно на различных уровнях: органами власти, СМИ, интернет-сообществами, а также представителями религиозных организаций. Однако каждый понимает под термином ювенальная юстиция что-то своё. Для одних, за этими словами скрывается некая новая сила, которая повсеместно станет вламываться в семьи, отбирать детей и разрушать сложившийся семейный уклад путем вынесения приговора недобросовестным родителям, для других – незначительное изменение правовой системы, для третьих – некий призрак глобализма, уверенно проникающий в российское общество.

Прежде всего, необходимо определить, что включает в себя термин «ювенальная юстиция». Данное понятие подразумевает: 1) особый, более гуманный, подход к малолетним правонарушителям, учитывающий, что они ещё не являются взрослыми; 2) особый порядок судопроизводства для лиц, не достигших совершеннолетия. С ювенальной юстицией во втором

смысле связано более широкое понятие – «ювенальные технологии», означающее особые законодательные и административные методы «защиты прав ребенка» [5].

В целом, ювенальная юстиция – это широкая социально-правовая практика, помимо собственно правосудия для несовершеннолетних включающая в себя профилактику подростковой преступности, преступлений против детей и социально-психологическую реабилитацию несовершеннолетних, как совершивших преступление (в том числе осужденных и отбывающих наказание в местах лишения свободы), так и несовершеннолетних жертв преступлений [3]. Опираясь на зарубежный опыт можно утверждать, что система ювенальной юстиции состоит, как минимум, из трех основных блоков: специализированные суды; система органов социального контроля и социальной реабилитации несовершеннолетних; служба социальных ювенальных работников [4].

На протяжении последних лет в РФ ведутся непрекращающиеся дискуссии о целесообразности возврата системы судов для несовершеннолетних, которая существовала на территории России с 1910 по 1918 годы [1]. Необходимо уточнить, что полного освобождения от наказания, а тем более о принудительном изъятии государства детей из семьи, ставших камнем преткновения в практике современной ювенальной юстиции, российская ювенальная система начала XX века не знала.

С 2000 года в России лоббируется несколько законопроектов, которые являются, по сути, калькой западных образцов. Последний раз законопроекты слушались в Государственной Думе в 2006 году, где были представлены Комитетом по вопросам семьи, женщин и де-

тей. Проекты были отклонены. На Парламентских слушаниях 12 ноября 2009 г. рассматривался вопрос о том, что законопроекты по ювенальной юстиции надо предлагать во второе слушание. Однако в дальнейшем были сделаны некоторые уточнения: в условиях мирового кризиса, отсутствия поддержки общества стали говорить о ювенальных технологиях.

По поводу рассматриваемой концепции следует сделать небольшие уточнения. Изначально, смысл ювенальной юстиции закладывался несколько в иной плоскости. Вот что пишет о происхождении системы ювенальной юстиции доктор Роберт Эпстайн: «Американская система ювенальной юстиции, а в действительности и почти все системы ювенальной юстиции в тех странах, в которых они есть, были введены в действие в 1899 году, в округе Кук штата Иллинойс, Джейн Аддамс и её богатыми, принадлежащими к высшему классу, коллегами по Халл-Хаус – чикагскому учреждению, занимавшемуся социальной реформой. Из документов этого периода, включая собственные текст Аддамс, ясно, что планы по поводу новой судебной системы не были всецело благими. Одной из главных причин к её существованию была возможность дать властям практически неограниченное право забирать отпрысков бедных переселенцев с улиц крупнейших городов, где они были досадной неприятностью для морально превосходящих их американских богачей. Дюжинами изобретались новые преступления для молодежи, которые никогда не считались преступлениями в случае взрослых: игра в мяч на улице, позднее пребывание вне дома, общение со старшими людьми, прогулы в школе и на работе, аморальность и





всеохватывающая «неисправимость» - всё это, в основном, преступления против себя, а не против других – и они часто кончались стандартными приговорами на лишение свободы на три года и более» [10]. Можно говорить о том, что основными мотивами, на которых базировалась ювенальная юстиция на раннем этапе своего зарождения, было не исправление общества, а обеспечение спокойствия и безопасности определённого класса людей в этом обществе. Фактически, система ювенальной юстиции – это мощный рычаг управления людьми. Государство пытается присвоить себе монополию на воспитание детей, отнимая у семьи её естественные права.

Практика применения данного механизма на Западе скорее предостерегает нас от введения этого института. Статистика по «ювенальным» государствам говорит о том, что ювенальная юстиция не способствует снижению преступности. Наоборот, во многих странах прослеживается тенденция роста «взрослой» преступности среди тех, кто в несовершеннолетнем возрасте прошел через ювенальную систему. В своих отчетах Министерство юстиции Великобритании сообщает: за три года (2003 – 2006) детская и подростковая преступность возросла на 21%, а по тяжёлым преступлениям – подскочила на 43%. Преступность среди взрослых увеличилась только на 1% (один процент). Больше половины несовершеннолетних преступников даже не предстают перед судом – они признают свою вину, выслушивают предупреждения и отправляются разбойничать дальше. Число задержанных с ножами и огнестрельными оружием за десять лет выросло в два раза [13].

Об этом же свидетельствует исследование, проведенное в Канаде. Данные, опубликованные в августе 2009 года, показывают: система ювенальной юстиции имеет отрицательное влияние на малолетних правонарушителей и их последующую жизнь, уменьшая их шансы на возвращение в нормальное общество. В исследовании, проведенном Уберто Гатти из Генуэзского Университета (Италия), Ричардом Тремблэ и Фрэнком Витаро (Монреальский университет), было проведено сравнение «взрослой» криминальной статистики двух категорий взрослых, бывших малолетних правонарушителей: тех, кто прошел через «ювенальную систему» и тех, кого она миновала. В сравнении с теми, кто имел в юности схожую историю противоправного поведения, но не стал «пациентом» ювенальной системы:

- те, кто получил мягкие «ювенальные» приговоры (принудительное консультирование, общественные работы, возмещение ущерба), – в 2,3 раза чаще совершали преступные деяния во взрослом возрасте.

- те, кто получил «ювенальный» испытательный срок, – в 14 раз чаще совершали преступные деяния, став взрослыми.

- те, кто был в юности помещен в ювенальные исправительные заведения, – в 38 раз чаще становились преступниками, повзрослев. «Чем более серьезным было вмешательство ювенальной системы, тем большим было его негативное воздействие», указывают исследователи[6].

Результаты европейских исследований позволяют сделать вывод об отрицательном влиянии системы ювенальной юстиции на криминальную ситуацию в тех странах, где этот механизм существует давно и активно действует.

Как показывает европейский опыт, у ювенальной юстиции есть и ещё одна составляющая – это «защита детей от родителей», иначе говоря, изымание детей из семьи за реальные, а чаще мнимые родительские прегрешения.

Попытки следования западным стандартам приводят к негативным последствиям вмешательства в дела семьи со стороны государства. В этом случае ювенальные инициативы посягают на права родителей, зафиксированные в Семейном Кодексе РФ (ст. 63 и 64), прямо указывающем на то, что именно родители представляют интересы своих детей и защищают эти интересы от возможных нарушений. Об этом свидетельствуют и иные нормативные акты. Кроме того, защита интересов детей – прямая обязанность родителей. Это вытекает из ст. 38 Конституции, гласящей: «Забота о детях, их воспитание – равно право и обязанность родителей». И право это преимущественное перед любыми лицами, как физическими, так и юридическим. Вызывает тревогу проблема подрыва авторитета института семьи как социального фундамента общества, излишнее и бесполезное гиперправовое вмешательство в частно-семейные отношения[11].

Уже сейчас, хотя ювенальная юстиция в России еще не введена (ювенальные суды в пилотном режиме работают в нескольких областях России), мы видим много вопиющих случаев разлучения родителей и детей, помещения их в интернаты, заключение одного из родителей под стражу. Член Московской коллегии адвокатов Лариса Павлова отметила активность в СМИ: на фоне изменений в законодательстве, касающихся ответственности родителей, неожиданно всплыли случаи насилия

над детьми (причем проблема показывается однобоко). Павлова негативно относится к намерению скорректировать законы под нормы международного права. «Правозащитники лукавят, когда говорят, что в России нет законодательства, защищающего права ребенка от физического и психического насилия», – утверждает Павлова. Российская широта норм защиты прав ребенка и суровость ответственности за их нарушение имеет мало аналогов в зарубежном законодательстве, отметила адвокат. По ее мнению, замечания российским законам о правах ребенка делают люди либо некомпетентные, либо ангажированные. В то же время Павлова заметила, что в России идет «грубое, жесткое наступление на права родителей». «Надо ликвидировать репрессивные по отношению к родителям нормы закона», – убеждена адвокат. С данной точкой зрения согласен председатель Общества «Радонеж» Евгений Никифоров. На его взгляд, сегодня в России с помощью законодательства «последовательно уничтожается институт семьи». Е. Никифоров крайне негативно отнесся к попыткам признать приоритет международного права по отношению к национальному. О недостатках зарубежной ювенальной юстиции, по его мнению, свидетельствуют десятки тысяч детей, которые отторгаются от семей в Великобритании и Франции.

В свою очередь, еще более категорично по данному высказался директор Института демографических исследований Игорь Белобородов в своем интервью «Народам России». «Система ювенальной юстиции в ее современной сущности (подлинной, а не декларативной) представляет собой сильнейший удар по детско-роди-



тельским отношениям и всему социальному укладу. Этот процесс невероятно деструктивен, он беспощадно уничтожает традиционный институт семьи», – заявил он. По словам Белобородова, если ювенальной юстиции дадут в России «зеленый свет», то это будет новым витком наступления государства на семью. А далее он заявляет: «Во всех странах, где действует подобный правовой беспредел, наблюдается ухудшение демографической ситуации и распространение социальной патологии».

Исходя из вышесказанного, возникает правомерный вопрос: какую цель преследует создание новой системы ювенального правосудия? Ведь прежняя – далеко не исчерпала себя и обладает необходимыми ресурсами.

Идея ввести ювенальную юстицию в России требует еще очень большой проработки, заявил министр юстиции РФ Александр Коновалов, выступая в рамках «правительственного часа» в Государственной Думе. «Чрезмерное продвижение тематики отбора детей (у родителей) в стране, где и так огромное количество детей находятся без попечения родителей, на мой взгляд, совершенно недопустимо», – сказал министр. По его мнению, идея введения в России ювенальной юстиции пока еще слишком «сырая» и никто толком не понимает, что она из себя представляет.

Как видится, государство через механизм ювенальной юстиции пытается установить монополию на воспитание детей, отнимая у семьи её естественные права. Этот вывод подтверждает американский консервативный социолог А. Карлсон в своей книге «Общество-семья-личность: Социальный кризис Америки»: «Прямая атака властей на единство семьи велась под ви-

дом «спасения детей», и в рамках движения за реформу школы. Стремление «спасти» детей от «не отвечающих требованиям» родителей получило широкое распространение. Например, в 1839 г. Верховный суд штата Пенсильвания благословил кампанию за «государственное родительство». Но могут ли родители действительно, если они неспособны или недостойны задачи образования, вытесняться *parens patriae*, или опекой государства? Выйдя за рамки отдельных случаев жестокого обращения родителей с детьми, доктрина *parens patriae* быстро превратилась в механизм общественного контроля, нанеся удар в самое сердце семьи. Родители из ирландских и итальянских семей первыми столкнулись с решениями судов и оказались совершенно беспомощными, неспособными защитить своих детей от захвата представителями штата. В 1899-1920 гг. по всей стране развернулось движение за создание судов по делам несовершеннолетних. Самый преданный пропагандист этого движения Мириам Ван Уотерс в своей книге с очень точным названием «Родители на поручах» писала, что «едва ли найдётся в Америке семья, которая не совершала бы тех же ошибок, которые присущи находящимся под судом семьям». По мнению А. Карлсона, «психологическое руководство» детьми со стороны родителей должно стать предметом пристального внимания государства. В будущем каждый родитель будет передан в терапевтические руки государственных социальных работников, чтобы с охотой участвовать в создании собственного благополучия, оказавшись лицом к лицу с «суперродителем – человечеством». Современная кампания против насилия в семье лежит в русле насильственных попыток госу-

дарства разорвать единство семьи. Чем больше случаев «жестокости» обращения с ребёнком, тем шире проводится кампания в духе Ван Уотерс» [2].

Действительно, ювенальная юстиция, в том варианте, как она преподносится в настоящее время, разрушает принцип независимости семьи, ставит под сомнение авторитет родителей, традиционные семейные ценности. Дело в том, что ювенальная юстиция как система закладывает в свою основу верховенство прав ребенка, которые часто толкуются в либеральном ключе. В странах, где ювенальная технология имеет реальную силу, для того чтобы попасть на «крючок» социальной службы, достаточно звонка или доноса соседей. Грамотно раскрытая жалоба часто заканчивается тем, что ребенка просто отбирают. Ребенок, изъятый у своих родителей, в большинстве случаев оказывается несчастным. Безусловно, в обществе существует проблема семей, в которых дети подвергаются недостойному обращению со стороны родителей. По мнению председателя Отдела Московского Патриархата по взаимодействию Церкви и общества протоиерея Всеволода Чаплина, о таких детях должно заботиться государство вместе с обществом, но механизмы такого контроля над состоянием ребенка в семье должны быть тщательным образом обсуждены, а не должны быть слепо скопированы с того или иного зарубежного опыта.

В свою очередь, председатель Синодального информационного отдела Владимир Легойда также подчеркнул необходимость тщательного и всестороннего обсуждения проблемы ювенальной юстиции, поскольку, по его словам, она «действительно касается тем,

затрагивающих ценностное основание правового поля». «Даже в условиях сложившейся сегодня системы правового нигилизма мы должны понимать, что многие проблемы не разрешаются только в правовом поле. Наивно полагать, что если мы принимаем какой-то действительно хороший закон, он автоматически обеспечивает нам искоренение какого-то явления», - считает В. Легойда.

В условиях глобальной социальной турбулентности встает достаточно актуальный и очень сложный вопрос: до какого предела допустимо вмешательство государства в частную жизнь семьи?

#### Ссылки:

1. Борисова Н.Е. Ювенальная юстиция в России: проблемы становления. М., 1998. С. 83
2. Карлсон А. Общество-семья-личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход/ Перевод с английского под ред. Профессора А.И. Антонова. М.: 2003, С.165
3. Лежникова И.М. Нотариус в России может стать медиатором в рамках ювенальной юстиции // Российская юстиция. 2010. № 10, С. 41.
4. Мельникова Э.Б. «Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии». М.: Дело, 2001, С. 27
5. Попаденко Е.В. Ювенальная юстиция: зарубежный опыт и проблемы становления в России // <http://jurlugansk.ucoz.org/publ/9-1-0-18>
6. Умберто Гатти, Ришар Трэмблэ и Фрэнк Витара «Ятрогенный эффект ювенальной юстиции» (Uberto Gatti, Rachard E. Tremblay and Frank Vitara, Iatrogenik effect of juvenile justice). Journal of Child Psychology and Psychiatry 50:8 (2009), с.991-998

7. «Физическое наказание возвращают в британские школы». РИА Новости 2.09.2011. <http://ria.ru/society/20110901/428570025.html>

8. См. подробнее: Что такое ювенальная юстиция? // <http://www.juvenaljustice.ru/index.php/component/content/article/38-glavnaia/122-chtotakoejuvenalnayausticiya>

9. См. подробнее: Сергей Миرون: «Принятие закона о ювенальной юстиции может окончательно добить нацию»

[http://www.ruskline.ru/news\\_rl/2012/02/07/sergej\\_mironov\\_prinyatie\\_zakona\\_o\\_yuvenalnoj\\_yusticii\\_mozhet\\_okonchatelno\\_dobit\\_naciyu/](http://www.ruskline.ru/news_rl/2012/02/07/sergej_mironov_prinyatie_zakona_o_yuvenalnoj_yusticii_mozhet_okonchatelno_dobit_naciyu/)

10. Dr. Robert Epstein, Juvenile Injustice: The Scandal in

Pennsylvania Is the Tip of an Ugly (March 10, 2009, The Citizen's Voice, Wilkes Barre, PA) (пер. П.Парфентьева).

11. См. подробнее: Ювенальная юстиция: исторический опыт и современные проблемы

[http://www.ruskline.ru/monitoring\\_smi/2011/7/01/yuvenalnaya\\_yusticiya\\_is\\_toricheskij\\_opyt\\_i\\_sovremennye\\_problemy/](http://www.ruskline.ru/monitoring_smi/2011/7/01/yuvenalnaya_yusticiya_is_toricheskij_opyt_i_sovremennye_problemy/)

12. См. подробнее: Плоды и корни ювенального дерева

<http://www.juvenaljustice.ru/index.php/statji-yuvenalnaya-yusticiya/590-pavel-parfentev-juridicheskij-praktik-predsdatel-moo-za-prava-semi-plody-i-korni-yuvenalnogo-dreva>

13. См. подробнее: <http://nicic.gov/Library/023947>

## Спортсмены–инвалиды как фактор реабилитации ценностей социума

Жилкин В.В., Жилкина Н.В., Идрис О.М.

В статье анализируется проблема формального и неформального отношения общества к социальной адаптации инвалидов. Авторы рассматривают спорт как сферу реабилитации и адаптации инвалидов и социума. Предлагается формирование нового социокультурного тренда – успешности инвалида как показателя возможности преодоления пределов, доступного всем членам социума.

Ключевые слова: инвалид, спортсмен-инвалид, социальная адаптация, реабилитация, здоровье, спорт.

Zhilkin V.V., Zhilkina N.V., Idris O.M.

Athletes with disabilities as a factor in rehabilitation values of society

This article examines the problem of formal and informal attitude toward social adaptation of persons with disabilities. The authors consider sport as the rehabilitation and adaptation with disabilities and society. Proposed the formation of a new socio-cultural trend - the success of a disabled person as a measure to overcome the limits available to all members of society.

Key words: disabled person, an athlete disabled, social adaptation, rehabilitation, health, sport.

Пропаганда здорового образа жизни, спорта как его основы, как показывает практика, не производит ожидаемого эффекта. Спорт высших достижений, не впечатляя болельщиков своими результатами, также оказывается неспособным заинтересовать молодежь настолько, чтобы повернуть вектор культурной и физической деградации вспять. А необходимость подобного поворота с каждым годом становится все более актуальной. Реалии демонстрируют нам, что уже к началу школы только 70% детей можно отнести к категории «условно» здоровых, а к концу одиннадцатого класса их остается всего 3%. Число курящих детей обоих полов в возрасте до 18 лет непрерывно растет. У 30% детей до пятого класса имеется ожирение. Все чаще в статистику инсультных больных попадают люди в возрасте до 30 лет. Подавляющее большинство болезней в последнее время заметно помолодело. Кроме того, появление новых болезней и других причин, приводящих к возникновению различных нарушений жизнедеятельности, привело к тому, что в настоящее время около 10% населения Земли (примерно 650 миллионов человек) – люди с той или иной степенью инвалидности. И по прогнозам экспертов эта цифра будет постоянно расти.

В то же время, на X зимних Паралимпийских играх, прошед-



ших с 12 по 21 марта 2010 года в Ванкувере, сборная команда паралимпийцев России добилась уникального результата – по общему количеству медалей она опередила все сборные мира в неофициальном командном зачете. 33 инвалида собрали больше медалей, чем 175 абсолютно здоровых спортсменов. В 2011 году российские паралимпийцы регулярно привозили на родину золотые медали с мировых первенств, то есть показали в битве за честь страны результаты лучше, чем физические здоровые спортсмены. Инвалиды-колясочники становятся неоднократно чемпионами Европы и призерами Кубка мира по бальным танцам. Другими словами, в современном кризисном обществе именно инвалиды как никто другой замотивированы к нормальной, здоровой жизни, к победам и преодолению невзгод. Хотя, по определению, инвалид – это человек, у которого возможности его жизнедеятельности в обществе ограничены из-за его физических, умственных, сенсорных или психических отклонений, что влечет за собой признание инвалидности. Согласно поговорке, человек начинает ценить что-либо, лишь когда это потеряет. Ощущение ценности своего здоровья у этих людей намного сильнее, нежели у «здоровых» людей.

Природа определила так, что в противовес дефицитарному у инвалидов включается компенсаторное развитие – именно оно является «двигателем успеха» у людей с ограниченными возможностями. Компенсируя физические недостатки включением морально-волевых качеств, инвалиды начинают достигать высот, которых они возможно никогда бы не достигли, не имея каких-то отклонений в здоровье. Более того, спортив-

ная карьера, а также мотивация к участию в Паралимпийских играх, для человека с ограниченными физическими возможностями – один из немногих шансов доказать самому себе свою дееспособность и успешность несмотря ни на что. Сам факт победы становится важным во всех видах деятельности.

Таким образом, готовность большинства инвалидов жить полноценной жизнью в современном обществе среди здоровых людей очевидна. Проблема заключается в том, что современное российское общество оказывается не готово жить бок о бок с инвалидами. Сложившийся стереотип взаимоотношений с лицами с отклонениями в состоянии здоровья, предполагает различные способы социализации инвалидов и адаптации социальных структур к ним. На практике десятки людей проходят мимо нуждающегося в помощи человека и не только не пытаются ее оказать, но зачастую просто отводят в сторону взгляд, как бы стыдясь увиденной беспомощности или увечья.

В ноябре 1995 года Советом Федерации был одобрен Федеральный Закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», в котором социальная защита этой категории граждан предполагает, в том числе, и принятие мер, направленных на создание инвалидам равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества. Посредством Закона государство гарантирует реабилитацию инвалидов, целью которой являются восстановление социального статуса инвалида, его социально-средовая ориентация и социально-бытовая адаптация. Последняя включает в себя, в том числе и введение системы субтитрования или сурдоперевода телевизионных программ, оборудование специальны-

ми приспособлениями транспортных средств, позволяющими инвалидам беспрепятственно пользоваться их услугами, а также «проведение мероприятий по приспособлению объектов социальной и производственной инфраструктуры для доступа к ним инвалидов. В случаях, когда действующие объекты невозможно полностью приспособить для нужд инвалидов, собственниками этих объектов должны осуществляться меры, обеспечивающие удовлетворение минимальных потребностей инвалидов» [5]. Законом предусматривается и государственное стимулирование участия предприятий и организаций в обеспечении жизнедеятельности инвалидов, и ответственность за неисполнение обязанностей по обеспечению доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры.

Другими словами, формально общество принимает все необходимые меры для обеспечения полноценной жизни инвалидов среди, так называемых, здоровых людей. Однако в сфере неформального отношения к этой категории граждан наблюдаются тенденции минимализации исполнения и законов, и этических норм. Как показывает практика, в рамках средних и малых городов России, бюджет которых не располагает возможностью финансирования реабилитацион-

ных мероприятий для инвалидов в необходимом объеме, создание условий для адаптации имеющейся инфраструктуры к их потребностям целиком и полностью возложено на собственников тех учреждений, доступ к которым необходим. В данной ситуации степень адаптированности этого доступа зависит не столько от финансовых возможностей, сколько от гуманности их владельцев – от духовной культуры общества в целом. В качестве иллюстрации можно привести пример с обязательной пристройкой пандусов или их имитаций, большая часть которых, во-первых, абсолютно не пригодна для использования владельцами инвалидных колясок, а, во-вторых, представляет угрозу для жизни, как инвалидов-колясочников, так и здоровых людей (см. рис. 1). Перед пандусом у входа в Центр детского творчества «Алексеевский» в Москве расположен канализационный колодец,



Рис.1. Центр матери и ребёнка «ИНВАПРОМ», аптека, г. Тамбов (угол наклона и расстояние между ржавыми уголками – пандусом, ширина двери не позволят инвалиду-колясочнику в принципе попасть в помещение центра-аптеки)



препятствующий проезду инвалидной коляски, а зал, выделенный для занятий инвалидов спортом, находится на пятом этаже здания, в котором нет лифта.

В данной статье авторам не представляется целесообразным анализировать причины деградации и подмены социальных ценностей и искать ответ на вопрос как русский народ от исторически сложившегося сурового и уважительного отношения к увечным дошел до формализованного и пренебрежительного. Современное общество нуждается в решении возникшей проблемы – в реабилитации его ценностей. Одним из факторов, на наш взгляд, способна стать успешность инвалида (в нашем случае – спортсмена-инвалида) как следствие преодоления им собственных пределов, в не меньшей степени доступного здоровым людям.

Нельзя не согласиться с утверждением, что статус «инвалид» – это своеобразный ярлык, который присваивается человеку обществом, определяет принадлежность человека к социальной группе и схему взаимодействия с ним. При этом ощущение собственной инвалидности у каждого человека индивидуально [1]. Однако социальное самочувствие, формируемое, прежде всего, за счет восприятия инвалидом отношения к нему общества, может, с одной стороны, усугубить его ощущение собственной неполноценности, а с другой – определить стратегию и характер социальной интеграции в процессе достижения поставленных целей. В первом случае, человек теряет социальную полноту жизни, ограничивает количество и качество связей с обществом, порой самоизолируется от социального окружения, ощущает полную невостребованность, несмотря на наличие родных и близких людей,

так как срабатывает механизм психологической защиты, позволяющий человеку организовать временное душевное равновесие. Применительно к конкретной ситуации такая защита обладает отрицательным эффектом, так как приводит к стремлению избежать новой информации, новых обстоятельств жизни, ломки стереотипов [2]. Практика свидетельствует о том, что, в отличие от здоровых людей, столкнувшихся с критической жизненной ситуацией, человек с инвалидностью в большинстве случаев выбирает второй вариант.

Осознав и проанализировав свои перспективы по сравнению с людьми, не имеющими инвалидности, в рамках горизонтальной или вертикальной социальной мобильности, человек с инвалидностью приступает к реализации жизненной стратегии, в том числе с целью улучшения социального самочувствия, что опять-таки подтверждает односторонность процесса адаптации инвалидов и общества. Именно «активность, направленная на обеспечение оптимальной самореализации и существования в социуме» определяет достижение личностью конкретных результатов деятельности [4]. А спорт, как пространство преодоления пределов, является мощнейшим способом реабилитации для людей с инвалидностью. Сама возможность участия в соревнованиях или в танцевальных конкурсах, которые казались недоступными в сложившихся обстоятельствах, дает мощный заряд позитивных эмоций и стимулирует к дальнейшим успехам.

Следует отметить, что социальная компонента существования крайне важна не только для людей с инвалидностью, но и для тех, у кого ее нет. Уникальность биосоциальной сущности человека предполагает, что даже отсут-

ствии признаков соматических нарушений не позволяет ему считаться здоровым, если он по каким-либо причинам не вписался в социум. В этом случае рано или поздно переживаемый психологический дискомфорт приведет к проявлению тех или иных заболеваний. Физическое и психическое здоровье человека разрушается за счет утраты идеалов, социальной несправедливости и неравенства, боязни будущего. Учитывая тот факт, что последние пятнадцать лет в России наблюдается ухудшение практически всех демографических показателей, что дает специалистам основания говорить о депопуляции населения, необходимо особое внимание уделить, прежде всего, оздоровлению морального климата общества. Поскольку общественное здоровье складывается из суммы индивидуальных показателей, уважительное отношение к личному здоровью, под которым подразумевается сохранение и развитие биологических и психических функций человека, оптимальной работоспособности и социальной активности при наибольшей продолжительности активной жизни, должно снова стать социальной ценностью.

В настоящее время Лабораторией прикладной культурологии и медиакультуры совместно с отделением адаптивной физической культуры Института физической культуры и спорта при ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» разрабатывается инновационный проект «Успешность инвалида как фактор реабилитации общества» [3]. Целью проекта является организация продуктивных интеракций на микро- и макросоциальном уровне инвалидов и «здоровых» людей, чтобы инвалиды через активную социальную позицию, на

примере собственной успешности (на уровне спорта) транслировали свое отношение к здоровью и полноценной жизни. Реализация проекта, на наш взгляд, должна обеспечить рост мотивации к занятию спортом у жителей Тамбовской области; решение проблем адаптации социума к инвалидам на уровне этических норм и выполнении дефицита общения; разработку нового социокультурного тренда – успешности инвалида как показателя возможности преодоления пределов, доступного всем членам социума.

### Литература

1. Дарган А.А. Критерии социального самочувствия людей с инвалидностью. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – Майкоп: изд-во АГУ, – 2011. – Вып. 4(88). – С. 200-206.
2. Жилкина Н.В., Жилкин В.В. Реинкультурация как фактор повышения качества жизни людей третьего возраста // Социально-экономические явления и процессы, 2011. – № 11.
3. Идрис О.М., Жилкин В.В. Спортсмены-инвалиды в реабилитации общества // Глобальная социальная турбулентность и Россия: Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2011»: Сборник тезисов / Под ред. В.И. Добренькова. – М.: Университетская книга, 2011. – С. 233-234.
4. Симонович Н.Е. Социальное самочувствие как социально-психологический феномен в изменяющемся российском обществе: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1999.
5. Федеральный Закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Российская газета. – 21.12.95. – № 234.



## Семейное воспитание в условиях общества потребления

Немова О.А., Свадьбина Т.В.

Современная семья в условиях общества массового потребления столкнулась с проблемой поиска нравственных ориентиров в вопросах воспитания. Мы полагаем, что рост асоциального и девиантного поведения среди современной российской молодежи связан с распространением в последние два десятилетия ценностей эгоцентризма, индивидуализма и потребительства. Семья, как уникальный социальный институт, обладающая необходимым воспитательным потенциалом, должна оказывать активное сопротивление навязыванию данных ценностей. Ориентация на потребительство, эгоцентризм и индивидуализм могут обречь человечество на деградацию и вымирание.

Ключевые слова: семья, общество потребления, духовно-нравственные ценности, менталитет, семейное воспитание, воспитательный потенциал семьи, межпоколенческий кризис.

Nemova O.A. Svadbina T.V.

Family education in modern consumer society

Modern family deals with the problem of searching new moral educational standards in admass society. We believe that asocial and deviant behaviour growth among modern youth is connected with contemporary egocentric individualism consumer values. Family as a unique social institute has the necessary educational potential to resist intrusion of the values. Consumer egocentric individual orientation can cause degradation and extinction of mankind.

Key words: family, consumer society, intellectual values, mentality, family education, educational potential of the family, inter-generational crisis.

Семья в условиях модернизации российского общества оказалась перед сложной проблемой выбора: чему и как воспитывать современное подрастающее поколение? Обострение межпоколенческого кризиса в 1990-е годы – это прямое следствие данного вопроса.

В российской ментальной культуре испокон веков доминировало духовно-нравственное начало над материальным. Данная специфическая особенность отражена в русском фольклоре, а также отмечена в сочинениях российских и зарубежных философов, религиоведов, литераторов и обществоведов. В СССР в духовно-нравственном воспитании молодежи предпочтение отдавалось альтруистическому и коллективистскому началу. Повсеместному осуждению подвергалось проявление меркантилизма, эгоцентризма, мещанства и т.д.

Современные российские СМИ через всевозможные каналы ведут активную политику по навязыванию индивидуалистических психологии общества массового потребления. Научные исследования в

области манипулирования сознания вышли на передовой план. Маркетологи, например, не считают зазорным влиять на потребительское поведение индивида, потакая естественным человеческим порокам: жадности, склонности к лести, потакании лени и разжигании любопытства. Искусно поиграв на этих четырех струнах, можно приблизить потребителя к мнению, что лучше выгодного нам выбора для него и быть не может. [6; с.91] «Экономический человек» Адама Смита, с его эгоистической природой, в эпоху общества «массового потребления одержал сокрушительную победу над всеми противоположными проявлениями человеческой природы (альтруизму, нравственности, коллективизму). Противостоять массивной атаке навязыванию гедонистических и эвдемонистическим ценностям общества потребления крайне сложно даже взрослому образованному человеку и практически невозможно детям, чья система духовно-нравственных ценностей находится на стадии становления.

Основными агентами формирования духовно-нравственного иммунитета человека являются семья и ближайшее социальное окружение, а также школа и СМИ. Семье и семейному воспитанию в этой цепочке мы отводим важнейшую роль, так как никто кроме неё так кровно не заинтересован в благополучном и счастливым будущем ребенка. Перед российской семьёй как никогда ранее стоит сложнейшая задача по защите подрастающего поколения как от нежелательного манипулирования их сознанием, от насильственного навязывания чуждых российской ментальной культуре ценностей, так и от информационного насилия в целом.

Семья обладает специфической самоценностью. Благодаря семье, особому семейному бытию человек обретает защищённость от негативного воздействия внешнего мира. Семья - это способ личностного бытия человека: это субстанциональная гарантия индивида, социума, всей человеческой цивилизации.

Перечислим 6 специфических черт воспитательного потенциала семьи, которые, как нам представляются, обрели особую актуальность именно в эпоху массового потребления:

В семье наличествует система бытийных ценностей человека, которые не способен заменить или представить ни один другой социальный институт. Дети, родительство, родство уникальная бытовая и культурная атмосфера семейного общения, традиции, обычаи, праздники, семейная уединенность, когда весь мир словно исчезает при гармоничном соединении всех членов семейной группы;

Семья является единственной формой человеческих связей и коммуникаций, в которых не возможен в принципе формализм, бюрократизация, стандартизация и имитация в создании и культивировании ценностей. Здесь нет «стандарта» для всех, в каждой семье эти ценности будут проявляться со своим своеобразием, с множеством оттенков и переживаний;

Семья - в отличие от других социальных институтов (школы, армии, СМИ и т.д.) - достаточно автономна по отношению к государству. Это самовоспроизводящаяся система. Она способна сама генерировать и удерживать ценности, традиции, нормы и одновременно защищаться, «пропускать через сито» семейно-поведенческих стереотипов любые «нова-



ции», отвергая те, которые выглядят «инородными», чуждыми и грозят её целостности. В присутствии семьи консерватизм содержит её спасение. Н.Д. Шимин эту важнейшую функцию современной семьи назвал как *экологию человеческого духа*. Таким образом, семья сегодня - это резервуар, накопитель, сберегающий ресурс человеческой духовности, это НЗ цивилизации - на фоне катастрофически нарастающего аморализма, растления и морального убожества;

Семья с её реальными, зримыми достижимыми ценностями способна удержать поведение человека в рамках хотя бы здравого смысла; уберечь от того, чтобы он оказался пленником мнимых ценностей «виртуальной реальности», игры «слепого случая», манипулирования сознанием столь разнообразно и изощрённо представленными в СМИ.

Семья является специфическим видом «социального творчества» (термин введен Н.Д. Шиминым и А. Дахиным), ибо здесь создается «эксклюзив», неповторимость двоякого рода: первый - это родившийся, растущий, раскрывающийся новыми гранями человек (из родового качества «*homo sapiens*» превращается в личность; второй - это вся семейно-бытийная обстановка, где рождаются «маленькие шедевры» - на ваших глазах и превращаются в ценности - от особого убранства комнаты, уникальной библиотеки, семейных реликвий, до собственных традиций, норм, обрядов, заведённых правил и порядков - «как бабушка делала», «как дед любил». Эти семейные реликвии хранят тепло рук близких родственников и память рода;

Семья представляет собой особый род, тип коммуникации, об-

щения. В отличие от школы, где традиционно «любят» только «отличников и активистов», в отличие от секции, где «растят» «чемпионов», в отличие от фирмы, где уважают только удачливых, преуспевающих, приносящих прибыль, в семье любят всякого. И до последнего вздоха ты нужен двум самым близким людям - матери и отцу. Ты нужен им и бедный, и глупый, и хромой, и больной, и некрасивый, и неуспешный и т.д. Словом, это чудо семейной любви, своеобразной психологической защищённости. В семье можно быть самим собой, не бояться, не стесняться, не играть роли «сильного и преуспевающего». Здесь можно и «поплакаться» и «растеряться» - попросить материальной помощи или просто совета.

В каждой семье набор духовно-нравственных ценностей и ценностных ориентиров, способов и приёмов воспитания, может широко варьироваться, создавая как в калейдоскопе самые разнообразные картинки. Варианты передачи духовно-нравственных ценностей в каждой семье также различно, но сходны в одном - семья является важнейшим и самым эффективным институтом в процессе формирования, сохранения и передаче ценностей. В.П. Козырьков, изучая роль повседневного бытия в жизни человека, в частности пишет, что первый фундаментальный социокультурный опыт человек приобретает в семье, в общении со своими близкими и родными, окруженный их вниманием и любовью. Внимание и любовь к ребенку формируют первичные структуры пробуждающегося сознания и элементарного представления о человеке вообще, которые сохраняются на всю жизнь. Они носят неосознанную форму, неотделимы от психичес-

кой структуры ребенка в целом, так как их субъектом является не сам ребенок, а вся семья. Детское сознание, формируемое семьей, есть изначальная целостная форма, в которую затем внедряются, «монтируются» другие элементы и над которой «надстраиваются» новые «этажи», «подвалы», «чердаки» и прочие блоки обывденного сознания» взрослого человека, оставаясь устойчивым остовом самосознания, оценки других людей и особым детерминирующим фактором поведения [2; с.75].

Действительно в раннем детстве ребенок осуществляет титанический труд по освоению языка, основных норм социально-ролевого поведения, в частности через сказки на ночь, потешки, поговорки и пословицы впитывает ментальные основы родной культуры. Детское восприятие окружающего мира крайне специфично по своей природе. Детские образы обладают высокой яркостью, стойкостью запоминания. Не случайно, что во взрослом состоянии детские образы воспроизводятся легко и почти всегда вызывают приятные эмоции. Эгоизм присущ в той или иной мере каждому человеку.

Мир ребёнка эгоцентричен от природы. Это подтверждено исследованиями многих ученых с мировым именем. Так Ж. Пиаже в частности писал, что характерной особенностью детского мышления является эгоцентризм - «состояние, когда ребенок рассматривает весь мир со своей точки зрения» [4; с.184]. Эту же идею с позиций социальной антропологии развивает В.П. Козырьков. Однако он понимает идею эгоцентричности ребенка несколько шире, чем Пиаже и Выготский. «Мир (ребенка ?Т.С., О.Н.) эгоцентричен и ребенок - центр его. Эгоцентричность проявляется во всем - в физическом,

психическом, эмоциональном, интеллектуальном, нравственном планах [2; с.277]. В детстве, кажется, что все делается для тебя, ради тебя, во имя тебя. Ребёнок искренне считает, что родительские ссоры и радости происходят только из-за него. Весь мир вращается, по мнению детей, вокруг них.

Учитывая, явную восстребованность индивидуализма, эгоцентризма в современных условиях, возникает перед родителями вопрос, а стоит ли перевоспитывать ребёнка? Для того чтобы закрепить в ребенке и развить эгоизм в гипертрофированный эгоцентризм, есть все необходимое - невероятное количество развлечений, игрушек, дорогой шикарной детской одежды, развитой структуры услуг для детей и т.д. На сайтах для мам, например «Бэби.ру», разворачиваются бурные дебаты относительно того, можно ли вашему чаду донашивать одежду после кого-то или одевать в дешевую одежду. Причем среди посетителей данных сайтов немало сторонниц точки зрения, что ребенок должен быть одет всегда во все самое новое, самое лучшее, исключительно «брендовое».

Рекламные слоганы (к примеру, компании Heinz «Тратьте время на любовь») становятся прямым руководством к действию, жизненными принципами. Действительно проще купить в магазине полуфабрикат, чем готовить еду по-старинке своими руками; легче приобрести фабричную игрушку, чем сделать её самому. Таким образом получается следующее, если хочешь иметь свободное время, то купи своему ребенку все необходимое, созданное другими промышленным способом. Однако пироги, приготовленные руками матери, или игрушка, которую сма-



стерил твой отец, никогда не сравнится по значимости с фабричной, домашнее всегда лучше. Многие родители искренне убеждены, что, если они своего карапуза с раннего возраста будут одевать во все лучшее и дорогое, покупать лучшие игрушки, то он вырастет полноценной личностью, не будет чувствовать себя обездоленным, несчастным, у него выработается чувство вкуса.. Это типичное заблуждение, присущее людям эпохи потребительства, что якобы с помощью покупки нужного товара или услуги можно стать счастливым и решить все свои проблемы.

Практика работы с детьми из высоко обеспеченных семей показала, что ребенок, «упакованный» с ног до головы всем лучшим, но не получающий элементарного родительского тепла, внимания и любви, чувствует себя крайне одиноким и потому несчастным. Дети интуитивно понимают, что родители, по большому счету, откупаются от них дорогими подарками, целым штатом гувернанток, нянечек, воспитателей, репетиторов и т.д. Данная категория детей становится заложниками экономической состоятельности своих родителей. Эгоцентричность данная ребенку от природы быстро трансформируется в извращённый эгоизм, жадность, цинизм, с которыми он уже не расстается в течение всей своей жизни. У данной группы детей мало настоящих друзей среди сверстников. Во-первых, потому, что круг их общения крайне ограничен в принципе (как бы чего не украли и не сломали, ведь все такое дорогое); во-вторых, они с детства привыкают к общению с взрослыми, которые находят при нем ежеминутно, быстро осваивая навыки манипулирования ими. Со сверстниками

в игре приходится считаться, учиться коммуникации, улаживанию конфликтов, умению уступать. Играть ребенку со взрослым гораздо проще, чем со своим ровесником. Взрослый, играя с ребенком, всегда уступит, пойдет на примирение, постарается сгладить противоречие, уйти от конфликта. В итоге ребенок с детства привыкает, что все ему должны уступать в силу его высокостатусного положения, все можно купить и даже «сговорчивую» гувернантку. Прежде чем выбрать данную модель воспитания, давайте посмотрим на суть процесса социализации ребенка.

Согласно теории Ж. Пиаже, в процессе социализации изначально присущий ребенку эгоцентризм постепенно уступает коллективизму, как говорится, жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Малыш в дошкольном возрасте активно учится общению со сверстниками, через игру осваивает социальные роли и нормы поведения. Важнейшую роль в процессе социализации ребенка в этой связи играет наличие родительской любви. Ребенку действительно все равно, какую одежду рвать - дорогую или не очень. В раннем детстве ему хочется все изучать и познавать через разрушение, коверканье, «отгрызание» всего, что попадет в поле зрения. В этом проявляются его исследовательские, творческие навыки. Запрещая ребенку ломать игрушки, мы убиваем в нем на всю жизнь творческое начало. Конечно, приучать к порядку, бережливости, аккуратности необходимо, но делать это надо мягко, постепенно, своевременно, со знанием детской возрастной психологии и педагогики.

Полноценное воспитание ребенка в современном обществе потреб-

ления - задача крайне сложная. Объективно складываются условия, при которых процесс социализации ребенка естественным образом затормаживается. Следствие этого мы видим по результатам статистики. По данным современной статистики все чаще молодые люди репродуктивного возраста сознательно отказываются от вступления в брак, создания семьи, рождения и воспитания подрастающего поколения. Инфантилизм среди современной молодежи - это достаточно распространенное явление. Вместо того, чтобы идти к намеченной цели, добиваться социального, карьерного, интеллектуального, материального роста многие молодые люди целыми днями просиживают за компьютерными играми, в чатах, социальных сетях на форумах, т.д.

Анализируя проблемы роста среди современной молодежи асоциальных, аберрантных и девиантных видов поведения таких, как алкоголизм, наркомания, проституция, суицид, компьютерная и прочая игромания, приходишь к выводу, что причина кроется в нежелании элементарно трудиться на благо общества и свое, в том числе. Мир детства радостен и прекрасен, ребенок привыкает жить весело и беззаботно, а мир взрослых полон забот, проблем, ответственности и обязанностей. Частое обращение ребенка к миру фантазий - явление нормальное. Ребенок еще не имеет достаточных сил противостоять внешнему миру и в фантазиях мечтах он «улетает» от насущных проблем. В детстве это выглядит нормально и органично. По мере взросления человека, обращение к фантазии, как средству защиты, становится значительно более редким явлением, чем это было в детстве. Современные исследователи отмеча-

ют, что рост эскапизма (желание убежать от реальности) среди молодежи все более возрастает [3; с.103]. Часть современной молодежи, включая ее элитарную часть, привыкшие только «брать от жизни лучшее», совершенно не приучены отдавать хоть что-то полезное обществу.

Эгоизм (себялюбие), безмерный гедонизм (стремление к удовольствиям), эвдемонизм (стремление к блаженству и счастью) стали в современном обществе потреблением своеобразным религиозным культом, средством решения всех проблем, признаком особой продвинутой, атрибутом модного поветрия [3; с.103]. Между тем еще Л.С. Выготский предупреждал, что слишком частое обращение к миру фантазии способно привести к негативным последствиям: «Удовлеть себя в воображении чрезвычайно легко, и уход в мечтательность, бегство в воображаемый мир часто отвращают чувства и волю подростка от мира действительности [1; с.31]. М.В. Медкова провела интересное в этом плане социологическое исследование детской литературы XX века [3; с.92-137]. На примере качественного анализа только литературных текстов исследователь наглядно показала, что в современной литературе обращение авторов к миру фантазий и воображаемой нереальной действительности встречается гораздо чаще, чем когда-либо. Популярнейшие литературные герои XX века Гарри Поттер, Пеппи Длинныйчулок, Питер Пен, Карлсон и т.д. все они большие фантазеры и мечтатели. Данный феномен не случаен. Дети в условиях однодетной семьи, превалировании материальных ценностей над духовными вынуждены уходить в мир грез и фантазий. Складывается впечатление, что



век альтруистов, подвижников, патриотов на наших глазах под натиском всепоглощающего эгоизма уходят в прошлое. И уже анахронизмом выглядят для современных школьников пушкинские строки:

Пока свободою горим.

Пока сердца для чести живы.

Мой друг, отчизне посвятим,

Души прекрасные порывы!

Рост аберрантного, девиантного и асоциального поведения среди молодежи общества потребления - это пример своеобразного бегства от реальности. Неприученные с детства к созидательному труду во благо общества, часть современной молодежи, выбирают жизненные маршруты с наименьшим сопротивлением. Нужно констатировать тот факт, что массовый инфантилизм - это беда современного общества потребления. Еще испанский философ Ортега-и-Гассет дал точный образ содержания характерных черт человека XX века. В своем сочинении «Восстание масс» он сравнивает современного человека с «избалованным ребенком», «самодовольным недорослем» [5; с.179].

Воспитать полноценную личность в современных условиях общества риска и повсеместной неопределённости - задача крайне сложная. Однако у семьи, как уникальной социальной группы есть необходимые средства и мощ-

ный потенциал для этого. Родители должны ребенка вооружить, через каждодневное общение, совместную деятельность, игру и творчество, необходимой для взрослой жизни шкалой общечеловеческих ценностей, опираясь при этом на историко-культурные, этноментальные ценности, идеалы и традиции, сложившиеся за многовековой опыт российского воспитания подрастающего поколения.

### Литература

1. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. СПб, 1997. С31

2. Козырьков В.П. Освоение обыденного мира. Социокультурный анализ: Монография. Н.Новгород. Изд-во ННГУ, 1998.

3. Медкова М.В. Образ ребенка и детства в литературной сказке XX века (результаты социологического исследования) // Фамилистические исследования. Том 1. Социологический анализ литературных и фольклорных текстов: сборник / Отв. ред. А.И. Антонов. - М.: КДУ 2009.

4. Обухова Л.Ф. Возрастная психология М.: 1999.

5. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры: М.: 1991

6. Ростовцева Л.И. Потребительская культура: между гедонизмом и аскетизмом // Вестник МГУ, Сер. 18, 2002, №4.- С. 87-101.



## ПОВЕДЕНИЕ

### Социальная проекция преступности в Белоруссии (на примере Могилёвской области)

**Бубнов Ю.М.**

В статье представлены социальные оценки уровня преступности в Белоруссии (на примере Могилёвской области). Социологическими средствами измерена потенциальная криминальная активность населения. Рассмотрены готовность, а также формы и методы содействие граждан различным правоохранительным органам в их борьбе с преступностью.

Ключевые слова: преступность, криминальный пресинг, потенциальная криминальная активность населения, содействие граждан борьбе с преступностью.

Bubnov Yu. M.

Social view of crime in Belarus (based on Mogilev region data)

Social estimates of crime in Belarus (based on Mogilev region data) are presented in the article. Potential criminal activity of population has been determined by sociological means. Willingness as well as forms and methods of citizen's assistance to law-enforcement bodies in crime prevention are considered.

Key words: crime, criminal pressure, potential criminal activity of population, crime prevention citizen's activity

Одной из задач, стоящих перед социологами, является определение социальной оценки состояния преступности во всей стране или в её отдельном регионе. Оценивать уровень преступности можно, опираясь на различные методики. Чаще всего основой для определения уровня преступности выступает статистика зафиксированных органами внутренних дел правонарушений или количество правонарушителей в абсолютном или относительном исчислении. На статистических данных базируется целый ряд методик определения уровня криминогенности. При всей ценности этих методик у них есть один общий недостаток, состоящий в зависимости от качества работы правоохранительных органов. Причём, связь эта обратно пропорциональная. Суть этой зависимости заключается в том, что хорошо работающее ведомство покажет более высокий уровень преступности, по сравнению с тем органом, который выявит меньше преступников. Этим противоречием обусловлены время от времени имеющие место в правоохранительной системе искажения ста-

тистической отчётности, направленные на снижение количества регистрируемых правонарушений. Поэтому целесообразно дополнять статистические показатели уровня преступности в регионе социологическими индикаторами, построенными на основе анонимных опросов населения. У этой методики есть свои недостатки, о которых у нас будет повод поговорить ниже. Однако у социологического метода нельзя отнять очевидного преимущества, состоящего в том, что он построен на оценках непосредственных потребителей услуг правоохранительных органов. И никто другой, кроме самого населения, живущего на определённой территории, не может дать более точной оценки уровня общественной безопасности в данном регионе или поселении.

Определённую сложность при использовании социологического метода вызывает тот факт, что

одна часть населения является жертвой преступных деяний другой части сограждан. И те, и другие, попав в выборочную совокупность респондентов, участвуют в социологическом опросе. Разумеется, они по-разному относятся к правоохранительным и судебным органам. Учитывать эту разницу необходимо, корректируя итоговые данные опросов населения по поводу оценки деятельности правоохранительных, контролирурующих и судебных органов. В дальнейшем мы намерены такую корректировку производить, когда речь пойдёт об оценочных суждениях.

Тот факт, что население одновременно является и жертвой, и виновником правонарушений, обязывает нас рассмотреть криминальные риски в обеих проекциях.

### Криминальный прессинг на население

Самое общее представление о том, как население оценивает криминальные риски по месту своего жительства, даёт круговая диаграмма, представленная на рис. 1.

На этой диаграмме можно убедиться в том, что жители, в целом, благоприятно оценивают криминальную ситуацию в регионе. Около 40% участников опроса считают криминальные риски низ-

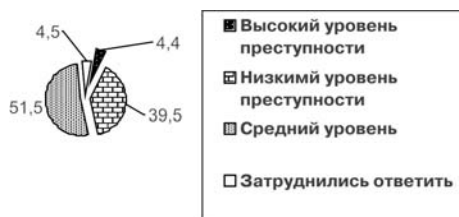


Рис. 1. Оценка населением уровня преступности по месту жительства, в процентах

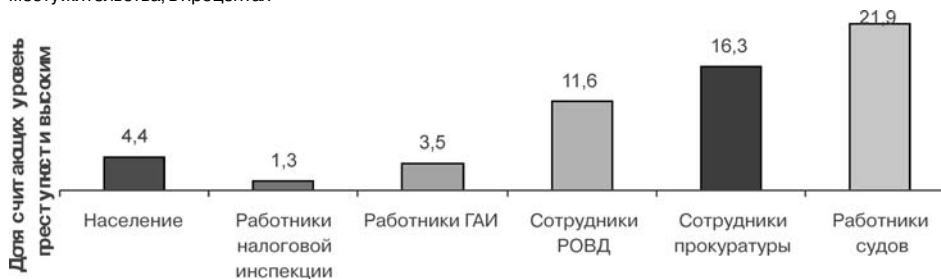


Рис. 2. Доля населения, а также сотрудников различных правоохранительных, контролирующих и судебных органов, считающих, что уровень преступности в регионе высокий

кими. Каждый второй (51,5%) наш земляк определил уровень преступности по месту жительства как «средний», т.е. приемлемый, не вызывающий особого беспокойства. И только 4,4% респондентов высказали опасение по поводу высокого риска стать жертвой правонарушения.

О том, насколько мнение простых граждан соотносится с мнением специалистов из различных правоохранительных, контролирующих и судебных органов, свидетельствует рис. 2, на котором отображены процентные доли населения области, а также сотрудников милиции, налоговой инспекции, прокуратуры и судов, считающих, что уровень преступности высокий.

Легко заметить, насколько заметно отличаются оценки специалистов, непосредственным образом занимающихся криминальной проблематикой, и тех, чья сфера деятельности напрямую не

соприкасается с криминалом. Самую большую тревогу по поводу высокого уровня преступности высказали работники судебной системы, среди которых каждый пятый (21,9%) участник опроса отметил в анкете именно этот вариант ответа. К ним присоединились 16,3% сотрудников прокуратуры, каждый десятый (11,8%) милиционеров оперативной службы. Население на их фоне выказало совершенное благодушие, когда лишь 4,4% забеспокоились по поводу высокого уровня преступности. Столь большие различия в оценках уровня криминогенности со стороны широкой общественности и со стороны специалистов вполне логичны и вписываются в следующую объяснительную модель. Основной удар со стороны криминала принимают на себя сотрудники правоохранительной и судебной системы, а простым гражданам остаётся фиксировать снижение криминальных рисков.

Таблица 1

Распределение респондентов, ответивших на вопрос: «Каким противоправным действиям Вы подвергались в течение последних трёх лет?» (в %)

Примечание: сумма процентов в столбце превышает 100%, так как участники опроса могли отметить несколько вариантов ответа.

Противоправные действия	Среди всех опрошенных	Среди мужчин	Среди женщин
Никаким противоправным действиям не подвергались	55,9	50,4	59,9
Обман потребителя	20,5	22,9	18,7
Оскорбление	14,3	12,8	15,5
Кража личного имущества	9,7	11,3	8,6
Нарушение трудового законодательства	9,1	11,6	7,3
Дорожно-транспортное происшествие	5,3	7,3	3,9
Хулиганство	4,9	6,1	4,1
Необоснованное задержание	3,5	7,0	0,9
Насилие со стороны начальников	2,8	4,1	1,9
Насилие или оскорбление на улице	2,6	4,3	1,3
Мошенничество	2,1	3,2	1,3
Сексуальное насилие	1,0	1,4	0,6
Вымогательство взяток	1,8	2,0	1,7
Нанесение телесных повреждений	1,1	1,2	1,1
Грабёж, разбой	1,0	1,4	0,6

Однако не всё в социальной практике так благостно, как может показаться на первый взгляд. До сих пор мы просили участников опроса дать обобщённую оценку уровня преступности по месту жительства. Абстрактная постановка вопроса должна быть дополнена конкретикой социальной бытности. Следующий фрагмент статьи будет касаться личного опыта граждан, ставших жертвой криминала.

Основная общественная задача государственной правоохранительной системы, как известно, заключается в защите населения от противоправных действий. О том, насколько успешно она справляется с этой задачей, можно судить по количеству жертв криминала. Мы спросили респондентов, каким противоправным действиям они подвергались на протяжении последних трёх лет. Ответы участников опроса сведены в табл. 1.

Основным показателем криминального давления на население приходится признавать долю граждан, подвергавшихся противоправным действиям. По нашим данным, каждый второй взрослый житель области в течение последних трёх лет подвергался тем или иным противоправным действиям. Причем, далеко не всегда со стороны уголовного элемента. В качестве субъектов противоправных деяний фигурируют, помимо криминальных элементов, обманывающие покупателей торговцы, злоупотребляющие своим положением начальники и даже «оборотни в погонах» - работники правоохранительных органов, вымогающие взятки и незаконно задерживающие граждан.

Понятно, что представленный в таблице индикатор криминального давления на население следует принимать с поправками на

субъективизм респондентов, которые далеко не всегда в состоянии юридически квалифицировать то или иное деяние, например, степень обоснованности задержания. С другой стороны, именно этот показатель, даже с учётом его несовершенства, следует признать наиболее адекватно отражающим степень эффективности функционирования всей правоохранительной системы, призванной защищать население от противоправных действий.

### **Потенциальная криминальная активность населения**

Население, к сожалению, является не только основной жертвой преступности, но и, в большинстве случаев, источником криминальной опасности. Об этой, криминогенной части населения мы до сих пор ещё не говорили. А зря. Она заслуживает даже большего внимания исследователей, политиков и правоохранителей, чем законопослушные граждане. Определим для начала, какая часть населения должна быть причислена к криминогенной её части. Конечно же, существуют различные статистические показатели криминогенных рисков, разработанные криминологией, начиная с уровня преступности и кончая её структурой. Нам здесь пригодятся такие показатели, как преступная активность населения и коэффициент концентрации преступности. Первый критерий фиксирует отношение выявленных преступников к численности населения из расчёта на 1000 или 10 тысяч населения. А второй показатель отражает долю преступников в отдельных социальных слоях с учётом удельного веса этих страт в социальной структуре общества. Дополним эти статистические показатели социологической

проекцией криминогенности населения, построенной на основе самооценки участников анкетного анонимного опроса жителей области. Для пущей конкретики результаты опроса 811 взрослых жителей Могилёвщины представлены на рис. 3 с дифференциацией по полу.

В целом по области 3,1% граждан старше 16 лет привлекались к уголовной ответственности, а 16,4% – к административной. Такова общая картина, характеризующая криминогенную активность белорусского населения. При

подключении возрастного фактора картина, иллюстрирующая криминогенность населения, станет ещё интереснее. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на рис. 4, на котором представлены данные, характеризующие распределение граждан, привлекавшихся к уголовной или административной ответственности, в разных половозрастных группах.

По данным нашего социологического опроса, к уголовной ответственности привлекались 5% тинэйджеров, 4% граждан в возрасте от 20 до 40 лет, ещё на один

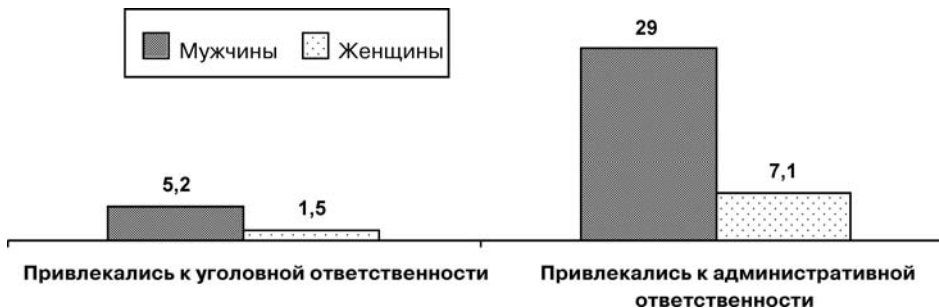


Рис. 3. Процентные доли мужчин и женщин, привлекавшихся к уголовной или административной ответственности

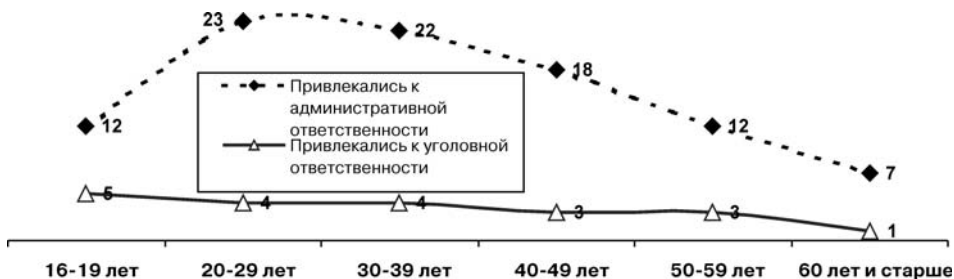


Рис. 4. Распределение представителей населения, привлекавшихся к уголовной или административной ответственности, в разных возрастных группах, в процентах

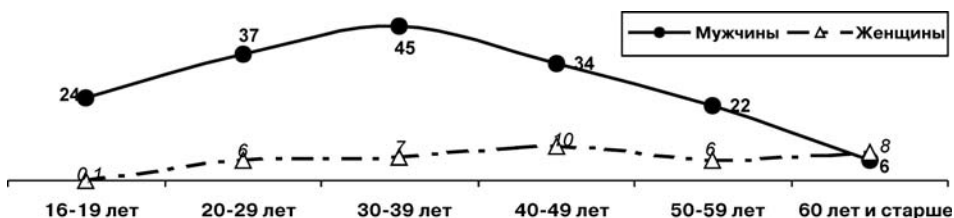


Рис. 5. Распределение мужчин и женщин, привлекавшихся к административной ответственности, в разных половозрастных группах, в процентах



процент меньше в возрастной группе от 40 до 60 лет и примерно один из каждой сотни граждан преклонного возраста. Как видим, различия в преступной криминогенности граждан разных возрастов незначительны. Чего не скажешь о тех наших соотечественниках, которые лично познакомились с административным законодательством с неприятной для себя стороны. Рискуют совершить административное правонарушение около четверти (23%) граждан в возрасте от 20 до 40 лет, каждый пятый в возрасте от 40 до 50 лет, 12% пятидесятилетних жителей области и 7% лиц старшего возраста.

Однако эта картина станет ещё более интересной, если учесть полные различия участников опроса. В среднем по всей выборке участников опроса гендерная дифференциация криминогенности различается более чем в три раза, касается ли дело уголовной или административной ответственности. Напомним данные, представленные на рисунке 4, что к уголовной ответственности, по их собственным словам, привлекались 52 мужчины из каждой тысячи граждан старше 16 лет, а женщин 15 на каждую тысячу. О своей административной ответственности вспомнили 290 мужчин и 71 женщина из каждой тысячи взрослых жителей области. Уровень мужской девиантности в последнем случае оказался более чем в четыре раза выше женского. Это если не учитывать вместе с половым ещё и возрастной фактор. Давайте рассмотрим криминогенную активность мужчин и женщин в разных возрастных группах. На рис. 5 визуальны даны процентные доли представителей «сильного» и «слабого» полов, привлекавшихся к административной ответственности, в различных возрастных когортах.

Теперь хорошо видно, насколько велики гендерные различия девиантного поведения мужчин и женщин в разных возрастных когортах. В период социализации и активной деятельности мужчины более чем в шесть раз чаще женщин попадают под действие административного законодательства. В возрастном диапазоне от 40 до 60 лет эти различия сокращаются до трёхкратного значения. А в самой старшей возрастной группе за 60 лет женщины оказались даже более девиантными, чем их ровесники мужчины. Вероятно, это связано с биологическими, психологическими и социально-ролевыми различиями полов. В период социального становления и в активной фазе общественной деятельности эти различия между мужчинами и женщинами максимальные, когда женщины больше заняты в семье, а мужчины завоёвывают социальное пространство, утверждаясь в новом статусе и обеспечивая семью материально. В этом возрасте криминогенные риски у мужчин самые большие, поскольку девиантное поведение в известных субкультурах является одним из факторов их группового статуса. А в преклонном возрасте, когда образ жизни мужчин и женщин в значительной степени нивелируется, эти полоролевые различия сходят к минимуму. Вместе с ними сокращаются и криминогенные риски мужчин до женского уровня.

### **Содействие граждан борьбе с преступностью**

Как бы хорошо ни работала правоохранительная система государства, она неспособна сколько-нибудь эффективно противодействовать преступности без активного участия в этой борьбе широких слоёв населения. Эту акцию мы попытаемся облечь в форму соци-

ологической конкретики на основе результатов опроса 811 взрослых жителей и 374 сотрудников правоохранительных, контролирующих и судебных органов Могилёвщины.

Для начала справимся у простых граждан и специалистов о том, какие формы участия населения в борьбе с преступностью они считают целесообразными? В табл. 2 их ответы мы разместили рядом для того, чтобы можно было сравнить общественное мнение с оценками специалистов.

Таковы возможные и желательные формы участия населения в работе правоохранительных органов по противодействию преступности. До сих пор мы спрашивали респондентов о том, что напрямую могло не иметь никакого отношения к их собственному социально значимому поведению. А теперь спросим наших земляков об их личной готовности сотрудничать с правоохранительными органами, борющимися с преступностью. На рис. 6 степень этой готовности можно увидеть вочию.

Социальная база действенного общественного содействия правоохранительным органам в их борьбе с преступностью образовалась солидная. Однако далеко не всенародная. Почти четверть (23,1%) наших сограждан напрочь отказалась оказывать какое бы то ни было содействие правоохранительным органам. Да к тому же более трети (36,4%) участников опроса вообще уклонились от прямого ответа на этот вопрос. Их можно понять. В нашем обществе исстари сложилось отрицательное отношение к сотрудничеству граждан с правоохранительными органами. В этом видится влияние двух историко-культурных факторов. Во-первых, приходится признать большое влияние на общественное сознание

Таблица 2

Распределение ответов представителей населения области и сотрудников правоохранительных, контролирующих и судебных органов на вопрос: «Каким образом население может оказывать содействие в работе правоохранительной, контролирующей и судебной систем?» (в %)

Примечание: сумма процентов в столбцах может превышать 100%, поскольку участники опроса имели право отметить несколько вариантов ответа.

Формы участия населения в борьбе с преступностью	От- веты жите- лей	От- веты специ- алистов
Сообщать о подозрительных личностях, готовящихся и совершённых преступлениях	38,3	73,5
Участвовать в судебных заседаниях в качестве народного заседателя	27,7	12,6
Участвовать в судебных заседаниях в качестве присяжного	24,3	8,6
Вести правовую просветительскую работу по месту работы, учебы, жительства	20,3	43,9
Быть внештатным сотрудником милиции	14,2	32,1
Участвовать в судебных заседаниях в качестве мирового судьи	7,2	2,9

■ Готовы сотрудничать при первой возможности  
 ■ Сотрудничество возможно  
 ■ Сотрудничать с правоохранительными органами не будут  
 □ Затруднились ответить

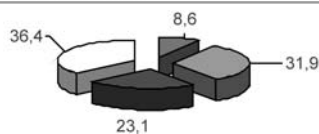


Рис. 6. Готовность жителей сотрудничать с правоохранительными органами в борьбе с преступностью, в %

норм уголовного мира, одной из фундаментальных норм которого является запрет на любое сотрудничество с государственными органами. «Стукач» в эзковском мире – самый последний человек, место которому отводится около от-



Таблица 3  
Распределение ответов жителей на вопрос: «С какими органами Вы готовы сотрудничать с целью искоренения преступности и коррупции?» (в %)\*  
\*Примечание: сумма процентов в столбцах может превышать 100%, т.к. респонденты имели право отмечать несколько вариантов ответа.

Объекты сотрудничества	Все участники опроса	От-веты муж-чин	От-веты жен-щин
С милицией	31,3	31,9	30,9
С КГБ	16,3	24,9	9,9
С Комитетом государственного контроля	12,9	17,1	9,9
С прокуратурой	11,5	14,8	9,0
С судом	8,1	9,9	6,9
С налоговой инспекцией	5,5	9,3	2,8
<b>Ни с кем сотрудничать не будут</b>	<b>45,4</b>	<b>38,6</b>	<b>50,4</b>
Затруднились ответить	3,8	3,5	4,1

Таблица 4  
Распределение ответов жителей на вопрос: «Если Вы не уверены в своём желании сотрудничать с правоохранительными органами, то почему?» (в %)\*  
\*Примечание: сумма процентов в столбцах может превышать 100%, т.к. респонденты имели право отмечать несколько вариантов ответа.

Причины отказа от сотрудничества	От-веты пред-стави-телей насе-ления	От-веты сот-руд-ников правоох-ранитель-ной системы
Не думают, что преступность можно устранить	30,0	13,1
Не доверяют правоохранительным органам	15,5	16,0
Опасаются мести со стороны преступников	15,2	28,6
Не считают необходимым с этим бороться	3,8	7,8
Не считают, что с коррупцией нужно бороться	2,6	1,9

хожего угла. Причудливым образом эта норма подкрепилась укоренившимся в советской идеологии большевистским презрением к «сексотам». Невинное сокращение наименования секретных сотрудников царской охраны стало именем нарицательным самого низкого пошиба. Массовое сознание наших современников никак не может избавиться от этих рудиментов прошлых эпох. Правда, справедливости ради следует отметить и собственный вклад некоторых сотрудников правоохранительных, контролирующих и судебных органов нынешнего белорусского общества, которые своими злоупотреблениями подливают масло в огонь народного недоверия к правовой системе и государству в целом. Об этом у ещё будет повод поговорить подробно. А сейчас вернёмся к теме народного участия в борьбе правоохранителей с преступниками. С какими конкретно органами готовы сотрудничать наши земляки? Этот вопрос мы адресовали 811 представителям взрослого населения Могилёвщины. И вот какие ответы получили. Изучим табл. 3.

Стоит обратить внимание на то, что при ответе на этот достаточно конкретный вопрос отказались от сотрудничества с правоохранительными органами намного больше респондентов, чем в предыдущем вопросе (45,4%, а не 23,1%). Будем считать эти данные более точно отражающими общественный нигилизм по отношению к сотрудничеству с официальными органами правопорядка. Что же стоит на пути широкого народного участия в противодействии преступности совместно с правоохранительными органами? Мы решили узнать это из первых рук, задав простым гражданам следующий вопрос: «Если Вы не уверены



в своём желании сотрудничать с правоохранительными органами, то почему?». А у сотрудников правоохранительных, контролирующих и судебных органов мы спросили, почему, по их мнению, не все граждане готовы сотрудничать с государственными структурами, борющимися с преступностью? Посмотрим на их ответы, в ранжированном порядке представленные в табл. 4.

Помимо исторических и культурологических причин нежелания населения сотрудничать с правоохранительными органами, о которых здесь не место рассуждать, наши респонденты указали на следующие мотивы отказа от помощи государственным структурам в борьбе с преступностью и коррупцией. Около трети (30,0%) простых граждан и 13,1% специалистов обратили внимание на неверие

людей в то, что преступность и коррупцию можно устранить. И простые респонденты, и специалисты синхронно (по 16%) указали на недоверие граждан правоохранительным органам как на основную причину их нежелания сотрудничать с ними.

\*\*\*

Приведённые в статье социологические факты демонстрируют некоторые социальные корни преступности и соционормативные препятствия на пути её искоренения. Социологический метод позволяет перевести эпицентр противодействия преступности с инструментально-правового русла в социокультурный контекст массового поведения людей. В этом, на наш взгляд, и состоит перспектива эффективной борьбы не с преступниками, а с преступностью как таковой.



## Наркогенность городского пространства: методология исследовательского проекта

Журавлева Л.А.

В статье автор представляет методологические основания исследовательского проекта «Город как наркогенное пространство». Приводится разработанная автором типология наркопрактик. Доказывается, что наркомания — это преимущественно молодежная проблема. Опираясь на методологический арсенал идей представителей Чикагской школы в социологии, автором анализируется девиантогенная природа крупных городов.

Ключевые слова: социальные отклонения, типология наркопотребления, урбанизм, виктимизация, виктимологический опрос, социальная картография, зонирование города, наркотизация, наркоситуация, латентность процесса наркотизации, социальный контроль.

Zhuravliova L.A.

Narkogennost' of urban space: the methodology of the research project

The article presents the methodological basis of the research project «The City as narcogens space.» An narkopraktik typology developed by the author. We prove that the drug - it is predominantly a youth problem. Based on the methodological arsenal of ideas of representatives of the Chicago school of sociology, the author analyzes the nature of deviantogennaya major cities.

Key words: social rejection, types of drug use, urbanism, victimization, victimological survey, social mapping, zoning of the city, drug addiction, drug situation, the latency of the process of drug addiction, social control.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ в рамках научно-исследовательского проекта РФГФ «Город как наркогенное пространство» № 11-13-66012а/у

Среди негативных социальных явлений наиболее опасной для общества является, наряду с преступностью, наркотизация населения. Глобальный масштаб наркотизации вызывает потребность в создании новых методологических подходов, объяснительных схем, выходящих на проблему профилактики катастрофических последствий распространения данного явления в обществе.

В сентябре 2009 г. на заседании Совета безопасности были обнаружены неутешительные данные: за последние 10 лет число людей с диагнозом «наркомания» выросло на 60%, причем преимущественно за счет молодежи, а общее число наркоманов достигло 1,5 млн чел.[15]. И это только официальные данные, показывающие нам верхушку айсберга данной латентной, трудноконтролируемой проблемы.

По данным экспертов, количество наркопотребителей с учетом латентной составляющей достигло в 2010 году 2,5 миллиона человек, или почти 2% населения нашей страны [6].

Негативный тренд наркотизации населения вывел Россию на

третье место в мире по числу наркозависимых (после Афганистана и Ирана) [15]. За год в результате употребления наркотиков погибает больше россиян, чем за десять лет войны в Афганистане и обе чеченские кампании вместе взятые [15].

Особенно обострилась в последние годы проблема распространения наркомании среди таких социальных групп, как молодежь и несовершеннолетние. Именно эти категории населения наименее устойчивы и более всего страдают от потребления наркотиков.

На состоявшейся в сентябре 2009 г. коллегии Федеральной службы контроля за оборотом наркотиков Виктор Иванов привел последние статистические данные о распространении наркомании в нашей стране. Он, в частности, отметил, что ежегодно в России умирают около 30 тыс. чел. вследствие приема наркотических средств. Каждый год в стране выявляются 80 тыс. новых наркозависимых. Общее количество наркоманов – от 2 млн до 2,5 млн чел. В возрасте от 18 до 39 лет, из них более 140 тыс. дети и подростки [12].

Сложившаяся ситуация является сегодня одной из наиболее серьезных угроз национальной безопасности страны, ее генофонду, нравственному и физическому здоровью населения. Именно этими обстоятельствами, важностью и актуальностью для общества указанной проблемы определяется объективная значимость проводимого нами исследования «Город как наркогенное пространство». Методологической основой исследования стали социокультурный, институциональный, социально-экологический и системный подходы.

Ретроспективный социокультурный анализ процесса наркотизации

общества, позволяет сделать вывод о сходстве в употреблении наркотических веществ людьми разных культур. С одной стороны, длительность потребления человеческим обществом наркотиков свидетельствует о том, что они выполняют определенные, иногда жизненно важные социальные функции: анестезирующую (снятие или снижение боли); седативную, успокаивающую (снятие напряжения); психостимулирующую (подобно чаю или кофе); интегративную (объединяющую людей в определенных целях); идентификационную (принадлежность к определенной субкультуре).

С другой стороны, имеются значительные различия в процессе наркопотребления, что предопределяет существование разных типов наркотизма. Обобщенный материал анализа различных наркопрактик позволил выработать следующие критерии типизации данного явления:

1. Характер потребляемых наркотиков (легкие или тяжелые, данные природой, как маковый сок, или созданные в лаборатории путем переработки или химического синтеза).

2. Социальный статус наркопотребления в социально-культурной среде, т. е. социальное одобрение или осуждение, принятие за норму или, напротив, признание отклоняющимся поведением.

3. Социальная среда, социальная база, которая охватывает определенный тип наркотизма. Есть наркотизм богатых, есть наркотизм бедных, молодежный наркотизм, восточный наркотизм, западный наркотизм и т. д. Естественно, что каждый социальный слой, который образует основу того или иного типа наркотизма, привносит нечто своеобразное и в характер наркомании.



4. Функции, которые выполняют наркотики в социально-культурной среде или культурно-исторической эпохе. Набор этих функций каждый раз весьма специфичен, начиная от ритуальных обрядов и вплоть до содействия политической карьере, политическому лидерству, как это было у Гитлера.

На основе предложенных критериев можно выделить следующие *типы* наркопотребления.

Первый тип наиболее древний – это **религиозно-ритуальный (патриархальный) наркотизм**. Он существовал еще у древних индейских племен – ацтеков и инков. Сегодня он используется у некоторых племен Африки, и главная его функция – помочь избранным, которые употребляют наркотик, достичь состояния психического транса и таким образом приобрести некие сверхспособности, помогающие поддерживать религиозность соплеменников и свою власть над ними, «зомбировать» и наказывать девиантов [10, с. 11-12]. Этот тип основан на возможности наркотиков приводить к изменению состояния сознания, хотя оно может достигаться и другими способами. Религиозно-ритуальный наркотизм особенно широко был развит и до сих пор существует на Востоке, хотя его модификации встречаются по всему миру.

Второй тип – **бытовой (восточный) наркотизм**. В Средней Азии, как и во многих странах Востока, употребление наркотиков (в основном растительного происхождения – гашиша и марихуаны) является элементом культуры (курение кальяна – ритуально-бытовое действие, разрешенное для старейшин) в ситуации запрета приема алкоголя Кораном. Курение кальяна на Востоке –

давняя традиция; это часть образа жизни, и хотя оно носит бытовой характер, однако не приводит к массовой наркомании. Следует подчеркнуть, что этот ритуал доступен только относительно обеспеченным, духовно развитым людям, достигшим зрелого возраста, совершившим паломничество. Бытовое употребление наркотиков среди этой группы воспринимается как норма. Основные функции употребления наркотика в данном случае – ритуальная и престижно-статусная (выделение престижной группы, которой культурной средой разрешено употребление данного наркотика), и лишь вторичное значение носят расслабление, получение удовольствия, увод человека в мир грез и фантазий (гедонистическая функция).

Третий тип – **медицинский («лечебный») наркотизм**. Начало медицинского применения опиума можно вести от Гиппократ (440–377 гг. до н. э.). В его трудах упоминаются свойства 300 лекарственных растений, в том числе там есть ссылка на вещество, называемое меконином, которому приписывается наркотическое действие. Более определенное упоминание о млечном маковом соке можно найти у Теофраста (около 350 г. до н. э.). В его работе слово «меконин» обозначает опиум и рекомендуется при глазных болезнях и психических расстройствах.

Еще в древности люди распознали обезболивающие свойства многих наркотиков, а врачи экспериментировали при лечении тяжелых заболеваний, используя эти свойства. В Средние века и затем в Новое время врачи всерьез заинтересовались наркотическими средствами в качестве обезболивающих, но получили наркотики массовое распространение в медицине только в период Первой ми-

ровой войны. Впоследствии это породило волну морфинизма и кокаинизма у демобилизованных военных. Странно то, что врачи долгое время не замечали опасного побочного действия наркотиков.

Четвертый тип – *элитный наркотизм* (богемное употребление наркотиков). Богемное употребление наркотиков – это наркотизм элиты, наркопрактики склонных к девиациям художественных, творческих слоев общества. Но это в основном наркотизм одиночек. Само по себе творчество уже выступает своеобразным отклонением от нормы, являясь позитивной формой девиантного поведения. Богемное употребление основано на использовании возбуждающего, повышающего умственную и физическую энергию эффекта от приема наркотиков. Употребление наркотиков для стимулирования творчества стало своего рода традицией, модой в среде художественной интеллигенции.

В отечественной истории также немало фактов употребления наркотиков известными литераторами. Ими «баловались» и Михаил Булгаков, и многие поэты Серебряного века (речь в основном идет о морфии и кокаине). Известно, что Владимир Высоцкий в последние годы жизни употреблял наркотики, как и многие современные поп- и рок-звезды. В книге «Anti/ФАБРИКА Flirt-Time. Анатомия одного реалити-шоу, или История про живых людей» Милы Мичевой – радиоведущей, продюсера клубных вечеринок, знающей изнутри реалии элитных тусовок, описан богемный стиль употребления наркотиков как образ жизни и неотъемлемая часть «светской» жизни и общения сильных мира сего [9].

На Западе картина аналогичная, но там богемное употребле-

ние наркотиков получило новый стимул во время молодежной революции 1960–70-х гг., когда была провозглашена психоделическая революция и употребление наркотиков как форма достижения измененного состояния сознания, психического транса было обосновано идеологически (главным идеологом был Т. Лири). Исследования психоделических препаратов Станиславом Грофом открыли возможности описания трансперсональных переживаний человека, расширили поле исследований бессознательного и позволили осознать необходимость изучения межкультурных и ценностных связей людей [4]. Поэтому мы считаем возможным выделить особый – пятый – тип употребления наркотиков – *протестный наркотизм* (как элемент контркультуры). Психоделическая революция тех времен была очень тесно связана с молодежными «революциями» в области секса, рок музыки и социального неприятия всех основных ценностей стандарта буржуазного существования.

Шестой тип наркотизма – это *маргинальный наркотизм*, преобладающий в «пограничных» социальных группах и среди социальных аутсайдеров. Наиболее ярко он проявился во время вооруженных конфликтов между Великобританией и Китаем в середине XIX в., получивших название «опиумные» войны в связи с тем, что английские торговцы ввозили в Китай опиум для массового потребления бедными слоями. Доступность, дешевизна наркотиков, тяжелые условия труда и быта – вот главные предпосылки, которые обусловили широчайшее распространение опиумной войны против засилья наркотиков.

Основные функции приема наркотиков представителями «соци-



ального дна» – бегство от повседневности, серых будней, серьезных жизненных проблем, создание собственного иллюзорного мира, достижение временного состояния расслабления, получение ярких впечатлений, структурирование свободного времени. Данный тип наркопотребления характерен для большинства маргинальных групп, меняется лишь вид наркотических веществ, среди которых преобладают самые дешевые и низкокачественные. Так, например, сегодня среди безнадзорных детей и подростков распространенным является вдыхание токсических веществ (клея «Момент», красок, ацетона и т. д.).

И, наконец, седьмой тип – это **современный молодежный наркотизм**, который зародился в 1970-х гг. и пик которого пришелся на вторую половину 90-х гг. Этот тип наркотизма весьма специфичен. Для него характерны свои особенности процесса потребления наркотиков, мода на те или иные их виды и новые функции наркопотребления. Для современного потребителя наркотиков это занятие не попутное, а самоценное. Он принимает наркотики ради самих наркотиков, и целью являются ощущения как таковые, причем чем полнее эти ощущения, тем лучше. Исходя из этого выбираются препараты и способы их введения [5, с.246].

Феномен социальных отклонений в поведении современной молодежи имеет свои особые социальные предпосылки. Под *предпосылками* мы понимаем совокупность объективных социально-культурных и социально-экономических процессов, создающих благоприятные условия для появления социальных отклонений, но непосредственно на них не влияющих.

*Во-первых*, в XX в. происходит эмансипация молодежи и выделение ее в отдельную социально-демографическую, а затем и социально-культурную группу. Это новое явление в истории человечества. Оно связано с тем, что отрезок жизненного пути, необходимый для полноценного вхождения растущего человека в социум, стал несколько длиннее в связи с увеличением сроков обучения, подготовки к профессиональной деятельности и обретения самостоятельности.

Кроме того, молодежь образует особую субкультуру, эмансипируется от культуры взрослых и завоевывает право на собственное видение мира, собственные товары, собственный рынок товаров, на внимание общества. Молодежный стиль становится стилем, которому стараются подражать и старшие слои общества, т. е. молодым становится быть модно, и ценности молодежного образа жизни распространяются очень широко в обществе. Молодежь завоевала право, по крайней мере в индустриально развитых странах, вести такой образ жизни, который она считает нужным, и значительно ослабила социальный контроль за своим поведением со стороны родителей и общества, чему способствовали и смена домашнего образования официальными институтами образования, урбанизация с ее анонимностью, либерализация воспитания и т. д.

*Во-вторых*, предпосылками, способствующими росту молодежных социальных отклонений, становятся переход общества в фазу массового потребления, сопутствующее этому переходу распространение идеологии и психологии гедонизма (своеобразного индивидуалистического эгоизма). Официаль-

ной целью жизни в таком обществе провозглашается получение максимального наслаждения, разнообразных ощущений, удовольствий, в том числе и самых экзотических, к которым, безусловно, относится и употребление наркотиков. Стремление все попробовать, преодолеть все запреты, испытать неведомые ранее ощущения при отсуствии религиозности и сформированных ценностей у части молодежи является важнейшей предпосылкой отклоняющегося поведения. Приобщение к миру престижных и красивых вещей становится самоцелью существования, смыслом бытия, а человек превращается в объект манипуляции со стороны индустрии досуга и развлечений. Культ моды, вещиизма и потребления овладевает сознанием молодежи и приобретает универсальный характер.

*В-третьих*, возникает молодежный рынок товаров и услуг, когда целые отрасли индустрии начинают работать только на вкусы и интересы молодежи. Эта индустрия одежды, аксессуаров, парфюмерии, отдыха, туризма, зрелищ, развлечений, удовольствий, спорта – все они нацелены исключительно на молодежь. Молодежный рынок – это особый рынок. Молодежь как инновационная группа вовлекается в символическую работу по развитию собственных стилей, а также по прочтению и декодированию стилей одежды других, соотносению этих стилей с музыкальными, политическими и социальными ориентациями. Молодежь апробирует товары-новинки и утверждает особый (раскованный, свободный) молодежный стиль жизни, свои направления моды, становясь референтной группой общества.

*В-четвертых*, к предпосылкам роста социальных отклонений

в молодежной среде можно отнести необычайное усложнение современной жизни, убыстрение темпов и, главное, повышение требований, которые предъявляются именно к молодежи. Это бремя выбора могут вынести далеко не все. Как известно, современная молодежь должна получить образование не менее 10–11 классов, потом она сталкивается с необходимостью выбрать профессию, делать карьеру, материально обеспечить себя, при этом общество (в лице работодателей) предъявляет довольно высокие требования к уровню образования и наличию опыта работы молодого человека. Не все молодые люди способны соответствовать этим требованиям, тем более что в подростковом и юношеском возрасте, когда у растущего человека идет физиологическая перестройка организма, для него характерна психическая неустойчивость и другие динамические процессы. Социальный стресс, перегрузки выступают одним из факторов, провоцирующих социальные отклонения в среде молодежи.

*В-пятых*, молодежь в современном обществе становится неконкурентоспособной социально-демографической группой. В период кризиса выпускникам образовательных учреждений высшего и среднего профессионального обучения все труднее найти работу. Возрастает число молодых безработных. Непрерывно растет число молодых людей, занимающихся трудом, который не соответствует ни их квалификации, ни профилю подготовки, не говоря уже о личных желаниях и уровне заработной платы. Это приводит к нарастанию пессимистических настроений в молодежной среде. О. Хлобутов в своем исследовании на основе опроса



ВЦИОМ, отмечает: «Нынешняя российская молодежь достаточно негативно оценивает как материальные, так и иные условия своего существования, причем доля негативных оценок составляет до трети опрошенных» [14, с. 32].

Таким образом, менталитет современной молодежи имеет ряд особенностей:

- пластичность ценностно-нормативной системы;
- адаптивность, открытость новому, инновационность восприятия социальной реальности;
- стремление критически переосмыслить накопленные культурные ценности и нормы;
- синкретизм, фрагментарность и противоречивость ценностных ориентаций и установок, присутствие конфликтующих интересов, несовместимых ценностей, прогрессивных и негативных реакций на социальные раздражители, мозаичность мировоззрения;
- установка на социальное лидерство и жизненный успех;
- неадекватность в оценках социальной ситуации.

Молодежная ментальность создает предпосылки для социального экспериментирования, отсюда проистекает присущая этой группе склонность к социальным отклонениям как позитивного, так и негативного характера.

Особое место внутри данной социальной группы занимает студенческая молодежь, как наиболее активная, образованная часть общества, сосредоточенная в крупных городах, являющаяся высоко мобильной и маргинальной по целому ряду показателей. **В силу этого в нашем проекте в качестве объекта исследования была выбрана студенческая молодежь, а предметом — ее виктимизация и наркотицизация в мегаполисе.**

Исследования урбанистов позволяют сделать вывод о том, что крупные города (мегаполисы) в силу своих отличительных черт представляют собой девиантогенное пространство. Кратко рассмотрим основные подходы к анализу влияния городского пространства на социальное поведение.

Методологические подходы к анализу городов были заложены в работах М. Вебера [3, с. 309-440]. Он рассматривает город как место, в котором можно увидеть много ключевых черт современной урбанизированной территории: рост бюрократии, сменяемые правительства и демократию, купеческий класс и ранние капиталистические предприятия.

Однако целостное изучение города как «социальной лаборатории» начинается с исследований Чикагской школы в социологии (1918-1939 гг.), в работах основателей социально-экологического подхода Р. Парка и Э. Бёрджесса [1,11].

Р. Парк и Э. Бёрджесс анализируют город как «естественное обиталище цивилизованного человека», в котором посредством эмпирических методов можно изучать «человеческую природу» и социальные проблемы [11, с. 1].

Подчеркивая особенность городской популяции как специфического типа поселения, Э. Бёрджесс в работе «Рост города: введение в исследовательский проект» описывает «необычайные изменения», которые произошли при переходе от сельской к городской цивилизации [1, с. 122]. Анализируя последствия экспансии городов, он выделяет следующие отличия урбанизированных территорий: изменение социальной структуры и социальной организации городского сообщества, высокая социальная мобильность, преобла-

дание женщин над мужчинами, больший процент молодежи и людей среднего возраста, более высокая доля уроженцев других стран, растущая профессиональная неоднородность, большие скопления горожан, неравномерность их распределения в различных районах, тенденция к деморализации населения. Изменения в социальной жизни города вызывают такие социальные проблемы, как развод, делинквентность, социальные волнения, что делает городское пространство «разрушительным», насыщенным конфликтами и противоречиями [1, с. 122].

В городском пространстве постоянно протекают взаимосвязанные процессы - дезорганизации и организации, которые поддерживают некое равновесие социального порядка. «Поскольку дезорганизация ведет к реорганизации и обеспечивает более эффективное приспособление, дезорганизацию мы должны понимать не как патологический, а как нормальный процесс» [1, с.125]. Дезорганизация (и на индивидуальном и на групповом уровнях) связывается Э. Бёрджессом с преодолением «мучительного душевного конфликта» и переоценкой моральных норм, реорганизацией установок и поведения горожан.

Тенденция большого города к расширению нашла отражение в понятии «метрополис», который определялся Э. Бёрджессом как «ареал, включающий городскую территорию, обладающую свойством физической смежности» [1, с. 125]. «В ходе экспансии города совершается процесс распределения, который просеивает, сортирует и передислоцирует индивидов и группы по разным местам проживания и родам занятий» [1, с. 126]. В результате в городах формируются ареалы проживания со-

циально однородных групп: зоны трущоб, делового центра, проживания рабочих, представителей среднего класса, иммигрантов, элиты общества.

Городская общность представлялась исследователями как сложная мозаика различных социальных групп, каждая из которых претендовала на собственное территориальное пространство [11, с.5-6]. Применяв метод социальной картографии, представители Чикагской школы выявили в городе Чикаго пространственную дифференциацию и социально-статусную локализацию населения по месту и условиям проживания. «Различия между городскими районами в отношении типа и характера социальной жизни, которую они поддерживают, несомненно настолько же велики, как и стандарты жизни, которые в них сохраняются или как цена на землю, на которой они расположены» [11, с. 8]. Концентрические зоны расходятся от исторического центра на периферию, представляя собой расширяющийся ряд колец - средоточия социально однородных элементов. Методика картографирования позволила выявить в городе районы с различной степенью криминогенности и девиантности. Наиболее высокий уровень отклоняющегося поведения («юношеская делинквентность, подростковые банды, преступность, нищета, уход из семьи, детская беспризорность, пороки») наблюдался в пограничных районах с высоким уровнем мобильности и гетерогенным составом населения.

Мобильность жителей Э. Бёрджесс рассматривает как своеобразный «пульс сообщества», его индикатор, отражающий весь спектр изменений в городском пространстве.



Традиция изучения девиантности городов была продолжена учениками и последователями Р. Парка, среди которых можно отметить следующие работы: Н. Андерсен «Хобо» (1923); Ф. Траммер «Банза» (1927); Л. Вирт «Гетто» (1928); К. Шоу «Ареалы отклоняющегося поведения» (1929) и др.

Однако классиком городской социологии можно считать Луиса Вирта, анализировавшего урбанизм как образ жизни. Основные положения его концепции не потеряли своей эвристичности при исследовании проблем современных крупных городов. Центральная проблема городской социологии, по мнению Л. Вирта, заключается в выявлении возможного влияния города на психологические и поведенческие реакции, исследовании «форм общественного воздействия и организаций, которые нетипично возникают в относительно постоянных компактных поселениях, где проживает большое количество гетерогенных индивидумов» [16].

В работе «Урбанизм как образ жизни» Л. Вирт доказывает, что численность, плотность и неоднородность (гетерогенность) населения находят свое выражение в особой городской культуре и образе жизни, формируя особый тип личности городского человека. Последствием огромного размера города становится превращение его в пеструю мозаику «социальных миров», в котором ослабляются первичные контакты (отношения дружбы, родства) [16].

Городской человек включен в сложную систему услуг и взаимодействий, его контакты имеют публичный характер и превращаются в преимущественно функциональные, поверхностные, ролевые отношения, обеспечивая тем самым «иммунитет» против неже-

лательных личностных контактов. Именно это имеют в виду, когда говорят, что для города характерны вторичные, а не первичные контакты. Замкнутость, безразличие, анонимность и скепсис, которые обнаруживают в своих взаимоотношениях горожане, могут быть всего лишь средством самозащиты от личностных притязаний и ожиданий других людей [16].

Анонимность и эфемерность общения, городская дифференциация и сегрегация приводят к росту социальной дезорганизации, ослаблению социальной солидарности, снижению роли семьи и традиций в регулировании поведения людей. В городах усиливается мобильность, ежедневная вовлеченность населения в деятельность различных социальных институтов. В силу этого, темп жизни в городе выше, по сравнению с неурбанизированными территориями, а безопасность населения ниже, социальные потрясения происходят чаще.

Концепция урбанизма Л. Вирта позволяет увидеть причины многих социальных проблем, проявляющихся наиболее остро в условиях современного города: адекватного социального контроля, девиантного поведения, культурных конфликтов, виктимизации населения.

Американский урбанист Кевин Линч с помощью метода индивидуального картографирования попытался выявить образ города и его влияние на поведение горожан [7]. По его мнению: «Общественный образ города создается наложением одного на другой множества индивидуальных. Однако не исключена возможность возникновения ряда общественных образов, каждый из которых вырабатывается значительной группой горожан. Такого рода групповые образы со-

вершено необходимы для того, чтобы индивид мог успешно функционировать в пределах своего окружения, вступая в эффективные контакты с себе подобными» [8].

Он полагал, что «подвижные элементы в городе, и особенно люди и их деятельность, столь же существенны, как его неподвижные материальные части. Мы не только зрители этого спектакля, мы сами – его участники» [8]. Ментальный образ города формирует ожидания и адекватные формы поведения его жителей.

Альберт Хантер выявил влияние на поведение горожанина феномена соседства как уникального образования, представляющего собой сцепленные звенья социально-пространственной организации, на которые воздействуют силы и институты огромного общества и рутина каждодневной жизни [2].

Огромное разнообразие типов соседств породило многочисленные попытки их систематизации. Доналд и Рачел Уоррен предложили положить в основу типологизации соседств три различных измерения: самосознание (*identity*) – идентификация с соседским окружением; взаимодействия (*interaction*) – интенсивность коммуникаций и взаимодействий между соседями; социальные связи (*linkages*) – система отношений соседств с обществом [2].

На основании этих критериев Уоррены идентифицировали 6 типов соседств: интегральное, приходское, диффузное, переходное, аномическое, «ступенчатое». Каждое из сообществ имеет свою субкультурную ориентацию, нормы и особенности взаимодействия, определяющие доминирующие стили поведения ее членов [2].

Исследования Уорренов показали, что соседство как устойчи-

вое территориальное социальное окружение может выступать фактором социального контроля и программирования поведения горожанина.

В благополучных районах проживания среднего класса криминальная ситуация намного лучше за счет активности и равнодушиности людей и их оперативного обращения в полицию в случае столкновения с нестандартной ситуацией, а также благодаря социально-культурному единству проживающих. Сотрудничество с полицией и неформальный соседский контроль повышают действенность социального контроля, снижая риски виктимизации и наркотизации, повышая безопасность населения.

В маргинальных же районах напротив происходит интенсивная виктимизация населения из-за субкультурных особенностей, конфликтных ценностей, установок и ментальности ее представителей, исключающей возможности взаимодействия с полицией.

Идеи Р. Парка, Э. Бёрджесса, Л. Вирта и Уорренов, касающиеся роли местоположения сообщества в городском пространстве, в соответствии с занимаемой его обитателями социальной позицией и степени мобильности, не теряют актуальности и сегодня, позволяют исследовать природу и локализацию социальных проблем.

Город, являясь сложным социально-территориальным образованием, характеризуется наиболее высокой по сравнению с неурбанизированными территориями социальной и миграционной мобильностью и неизбежно становится конгломератом сосуществования различных этно- и субкультурных норм. Анонимность и эфемерность общения, городская дифференциация и сегрегация, высокая плот-



ность населения, интенсивный темп жизни и другие объективные обстоятельства превращают город в девиантогенное пространство, увеличивают риск наркотизации населения.

Опираясь на данные методологические подходы, мы разработали проект, связанный с анализом современного города как наркогенного пространства. Ставится проблема измерения латентной части наркопотребителей, исследуется локализация и территориальное распространения наркотиков и наркотической субкультуры, выявляются виктимогенные зоны в городе Екатеринбурге. Для оценки масштабов выявления латентной (незарегистрированной) части потребителей наркотиков была разработана виктимологическая анкета, позволяющая выяснить спектр мнений респондентов о масштабах распространённости наркотизма в конкретном городе (районе) и выявить личный опыт столкновения с наркоторговцами, наркопреступлениями за последние годы.

Целью проекта «Город как наркогенное пространство» является разработка методологии управления наркоситуацией в крупных городах, описание качественных характеристик и тенденций процесса наркотизации населения, выделение наиболее опасных очагов (зон) распространения наркотиков.

### Литература

1. Бёрджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект / Перевод В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология. 2000, № 4. С. 122-136.

2. Вагин В. Социология города. URL: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Sociolog/Vagin/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/index.php)

3. Вебер М. Избранное. Образ общества.: Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. 704 с.

4. Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: Соцветие, 1992. 335 с.

5. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб.: Алетейя. 2000. 384 с.

6. Заседание коллегии ФСКН. URL: [http://www.narkotiki.ru/gnk\\_6891.html](http://www.narkotiki.ru/gnk_6891.html)

7. Линч К. Образ города / Пер. с англ. М.: Стройиздат. 1982. 328 с.

8. Линч К. Образ города. URL: [http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch\\_1.htm](http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch_1.htm)

9. Мичева М. Anti/ФАБРИКА. Flirt-Time. Анатомия одного реалити-шоу, или История про живых людей. М., 2006. 320 с.

10. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 832 с.

11. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. Том 2. № 3. 2002. С. 1-10.

12. Статистика наркомании в России. URL: <http://www.narconet.ru/narco/statistika-narkomanii-v-rossii>

13. Фаризова С. Наркоманов начнут искать в школах: Д. Медведев предложил меры по борьбе с «дурью» // Известия. 2009. 9 сент.

14. Хлобустов О. Молодежь России в XXI веке // Обозреватель. 2004. № 3. С. 30-32.

15. Хрулева Т. Россия проигрывает очередную войну. URL: [http://www.narkotiki.ru/internet\\_6938.html](http://www.narkotiki.ru/internet_6938.html)

16. L. Wirt. Urbanism, as way of life. In. R. Sennet // Classical essays in urban culture. Appleton Century Grofts. New York. 1969 / Перевод В.В. Вагина // URL: <http://www.urban-club.ru/?p=99>



## Деформация ценностно-нормативных ориентаций старшеклассников

Клочкова А.В.

Криминологами фиксируется крайне неблагоприятная тенденция разрушения моральных и правовых норм и формирования у молодого поколения установок ненормативного, девиантного поведения в качестве нормы. Особенно опасна эта тенденция для психики и поведения несовершеннолетних, у которых еще не сложились установки законопослушного поведения. Статья обобщает результаты длящегося криминологического исследования правосознания молодежи.

Ключевые слова: правосознание молодежи; моральные и правовые нормы, деформация ценностно-нормативных ориентаций, девиантное поведение; распространение наркотиков; отношение молодежи к потреблению крепких спиртных напитков, нарушение уголовно-правовых запретов.

Klochkova A.V.

Normative value-orientations of deformation of high school students

Contemporary criminological surveys established the most dangerous trend that will have a long-term destructive effect on the youngsters' s minds, devaluing moral and legal norms and thus extending deviant behavior among youngsters, whose personalities are being formed and may be easily damaged and disoriented. The article summarizes the results of the continuous criminological surveys of the young people' s legal consciousness.

Key words: youngsters legal consciousness; moral and legal norms; norms and values devaluation; deviant behavior, drugs spread, youth' s relation to consumption of hard alcohol drinks, violation of the criminal law.

Современный этап развития общества характеризуется экономическими, политическими, общественными, правовыми преобразованиями, которые не могут не сказываться на формировании ценностно-нормативных ориентаций всех групп населения, особенно подростков, и их правосознания.

Особую актуальность в связи с этим в настоящее время приобретает разработка криминологических проблем формирования правомерного поведения школьников старших классов. Изучение ценностно-нормативных ориентаций молодежи представляет собой важнейшую задачу, которую ставит перед собой исследование, т.к. формируя ценностно-нормативную модель личности, они выступают важным фактором, обуславливающим мотивацию действий в ситуации выбора социального или асоциального варианта поведения<sup>1</sup>.

Криминологическим сообществом зафиксирована тенденция разрушения морально-нравственной системы общества. Уже в 2002 г. академик В.Н.Кудрявцев в своей монографии «Преступность и нравы переходного общества», на

основе анализа результатов социологических, криминологических и междисциплинарных исследований пришел к выводу, что современный молодой человек отличается двойной моралью. «Расхождение между моральными оценками, отношением к праву и реальным поведением, надежда на «здравый смысл», сокрытие неблагоприятных поступков – все это свидетельствует о двойной морали у современной молодежи, а точнее – о нравственной аномии переходного общества»<sup>2</sup>.

Исторически сформированная культурная традиция утрачивает приоритет в социализационных процессах и уступает доминирующее место текущей и актуальной социокультурной информации. А современная культура ориентирует на индивидуализм и культ потребления как на базовую социальную потребность индивида. Данная установка с помощью СМИ уже заложена в сознание молодого человека, превратившись в доминирующую потребность, при этом трансформировавшись из стремления к материальному благополучию в стремление к сверхпотреблению.

В 2007 году в ходе проведенного ВЦИОМ исследования динамики общественного сознания установлено, что за период реформ (последние 10-15 лет) россияне стали циничнее и научились для достижения успеха идти напролом, утрачивая положительные моральные качества. 67% респондентов отмечают, что россияне стали менее искренними, менее честными. Ослабилось взаимное доверие (65%), патриотизм (65%), доброжелательность (63%), душевность (62%), бескорыстие (59%), верность товарищам (52%). Сегодня только половина россиян (52%) заявляет, что ради жизненного

успеха не переступит через моральные принципы и нормы. В то же время 40% считают, что современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится преступать моральные принципы и нормы. По данным того же исследования, в общественном сознании принципиально внедряются такие стандарты поведения, как достижение личного успеха любым путем, невзирая на нормы морали<sup>3</sup>. Данные тенденции не могут не отразиться на сознании молодежи, особенно несовершеннолетних. В определенной степени приведенные выводы совпадают с данными проведенного нами анкетного опроса учащихся.

Меньше половины опрошенных (45,3%) считают необходимыми такие ценности для современной России, как уважение к закону и правопорядку. При этом в три раза меньше респондентов (15,9%) выделяют в качестве ведущей ценности социальную дисциплину и ответственность. Данная позиция, видимо, обусловлена тем, что если действие закона и обеспечение правопорядка воспринимаются как необходимые условия существования общества, то ответственность и дисциплина проецируются на себя и воспринимаются как индивидуальные ценности, которые вступают в противоречие с одной из основных ценностей, характерной для молодого поколения, ценностью свободы. Именно поэтому лишь каждый шестой из числа опрошенных видит для себя необходимость в дисциплинированности и ответственности.

Значительно утратили свои позиции такие ценности как честь, достоинство и благородство, ранее воспринимавшиеся на уровне общественного мнения как основополагающие составляющие лично-

Таблица 1  
Ориентации старшеклассников на соблюдение/несоблюдение нравственно-этических и правовых норм для достижения социально-полезных или личных целей<sup>5</sup>.

Считаете ли Вы для себя допустимым? Год	Да		Нет		Затрудняюсь ответить	
	2008	2003	2008	2003	2008	2003
<b>Вид нарушения</b>						
Нарушение нравственных принципов и этических норм для блага других людей	26,3	25,8	36,2	35,6	37,5	36,8
Нарушение нравственных принципов и этических норм для достижения личных целей	18,1	17,8	51,0	50,1	30,9	30,3
Использование противоправных способов для блага других людей	19,5	19,3	47,6	47,1	32,9	19,3
Использование противоправных способов для достижения личных целей	13,7	13,5	62,7	61,9	23,6	23,3
Совершение преступления для блага других людей	9,7	9,5	67,3	66,2	23,0	22,6
Совершение преступления для достижения личных целей	6,6	6,5	79,4	78,4	14,0	13,8

сти. Лишь каждый четвертый респондент выделяет их в качестве общественнозначимых. Доброта, великодушие, нравственность и духовность считаются значимыми для современной России лишь каждым седьмым старшеклассником<sup>4</sup>.

В условиях сложной и противоречивой социально-экономической, духовно-нравственной и идеологической ситуации в современном российском обществе, перерастания идеологии коллективизма в его противоположность – культ крайнего индивидуализма, приходится констатировать относительную распространенность в молодежной среде приоритета достижения личного благополучия и удовлетворения индивидуальных потребностей над ориентацией на соблюдение морально-нравственных принципов и норм.

Результаты проведенного исследования демонстрируют достаточно высокую степень ориентации старшеклассников на несоблюдение нравственно-этических и правовых норм для достижения

социально-полезных или личных целей.

Из представленных в табл. 1 данных следует, что каждый шестой школьник проявил вербальную готовность к нарушению нравственных принципов и этических норм для достижения личных целей, каждый четвертый – для блага других людей. Каждый седьмой из числа опрошенных старшеклассников допускает для себя возможность использования противоправных средств для достижения личной цели, каждый пятый – для блага других людей.

Категория опрошенных, оказавшаяся готовой для достижения личных целей использовать противоправные способы, отличается, судя по ответам, определенными морально-нравственными искажениями индивидуального сознания и наиболее низким уровнем правосознания. Выраженная респондентами в ходе исследования позиция свидетельствует о высокой степени индивидуализма, эгоизма и об игнорировании правовых (в том числе уголовно-правовых) зап-



Таблица 2

Какие социальные проблемы чаще всего способствуют совершению преступлений.

№	Социальные проблемы	%
1	Пьянство, алкоголизм	45,9
2	Материальные проблемы семьи	52,6
3	Распространение наркотиков	31,3
4	Бедность, нищета	25,1
6	Жестокое обращение с детьми родителей и других взрослых	22,3
7	Безнадзорность детей	22,1
8	Социальная несправедливость	21,6
9	Безработица родителей	13,3
10	Жилищные проблемы	9,5
11	Отсутствие организованного досуга подростков (спортивных секций, кружков)	9,0
12	Низкий культурный уровень людей	0
13	Потеря смысла жизни, чувство безысходности	0
14	Пропаганда насилия жестокости криминальных ценностей и образцов поведения	0

ретов ради достижения личной выгоды. Данная группа не просто продемонстрировала потенциальную склонность к социальным девиациям, но, исходя из декларируемых ими противоправных ориентаций, по всей вероятности, может характеризоваться уже сложившимися и даже проявившимися в поведении негативными девиантными отклонениями.

Вполне вероятно, что формирование у значительной части несовершеннолетних и молодежи ориентаций на несоблюдение правовых запретов и их потенциальной готовности к совершению правонарушений и даже преступлений, обусловлено неким фиксируемым психологами эффектом привыкания к противоправным и криминальным явлениям в обществе в силу приобретения последними массовидного и все более открытого характера. Существенную роль в данном процессе играют СМИ и другие средства массовой коммуникации, включая Интернет, детские электронные игры, обучающие навыкам насильственного, преступного поведения, расширяющийся оборот аудио-видео-

и кинопродукции, пропагандирующей насилие, жестокость, криминальные ценности и нормы.

При этом следует отметить, что при общей негативной тенденции деформации ценностно-нормативных установок в обществе, в особенности среди молодого поколения, за пятилетний период фактически не зафиксированы изменения в отношении к несоблюдению нравственно-этических и правовых норм для достижения социально-полезных или личных целей.

Тем не менее, настораживает тот факт, что практически каждый десятый из числа школьников verbally готов пойти на преступление. Среди мотивов совершения подростками преступлений большинство опрошенных старшеклассников выделяют месть (52,7%), вспыльчивость, гнев (40,8%) и зависть (34,7%). При этом лишь, по мнению каждого двенадцатого, спровоцировать нарушение уголовно-правового запрета может страх за себя и свою безопасность. Чтобы разобраться в том, что приводит молодых людей на скамью подсудимых, необ-

ходимо, в первую очередь, выявить объективные обстоятельства, способствующие деформации личностных характеристик.

По полученным данным, основными социальными проблемами, толкающими молодых людей к совершению преступлений, являются материальные проблемы семьи, пьянство и алкоголизм. Большинство старшеклассников считает, что в этиологии преступности основную роль играет материальная необеспеченность, обездоленность части населения. Следовательно, и основной ценностью в жизни, к которой следует стремиться, по их мнению, является, в первую очередь, материальное благополучие.

Из всех социальных явлений, являющихся питательной средой для криминализации общества, лидирующее положение, по мнению школьников, занимают проблемы, связанные с распространением наркотиков. Шестеро из семи старшеклассников напрямую связывают криминальную ситуацию в стране с процессом наркотизации общества. Около половины из них считают, что масштабы потребления наркотических средств имеют катастрофический характер, а третья часть респондентов предвидит дальнейшую тенденцию к ухудшению в этом вопросе.

По данным многочисленных исследований уровня молодежной наркотизации, в среднем около 30% молодых людей хотя бы однократно употребляли наркотики<sup>6</sup>. Среди московских школьников, по результатам наших исследований, каждый пятый пробовал хотя бы раз в жизни потреблять наркотические вещества.

Учитывая, что часть респондентов открыто не смогут признаться в том, что употребляют наркотики, старшеклассникам был задан вопрос относительно их бли-

жайшего окружения. Среди опрошенных каждый четвертый указал на то, что в его окружении есть лица постоянно или периодически употребляющие наркотические вещества. То есть три четверти опрошенных отрицали какие-либо взаимоотношения с лицами, употребляющими наркотические вещества. В 2008 г. уже четверо из пяти опрошенных отметили, что в их окружении нет лиц, употребляющих наркотики. Полученные данные свидетельствуют о том, что за 5 лет часть респондентов, являющаяся группой риска, непосредственно подвергающаяся воздействию наркотической субкультуры, сократилась на 5%.

На вопрос: «Считаете ли Вы возможным легализовать свободное приобретение и потребление так называемых «легких» наркотиков, как это сделано в Голландии?», были получены следующие ответы: «да, это необходимо» - 8,5%, «почему бы и нет» - 19,0%, «этого лучше не делать» - 36,0%, «категорически против, т.к. это приведет к непоправимым последствиям» - 36,5% школьников. Через пять лет количество сторонников легализации легких наркотиков незначительно, но все-таки уменьшилось (на 3,2%), занимающих нейтральную позицию сократилось почти на 15%, отрицательно относящихся также уменьшилось на 20%, а вот выступающих категорически против прибавило в свои ряды две трети из числа всех опрошенных. Таким образом, по сравнению с 2003 годом, в 2008г. количество противников легализации легких наркотиков выросло в целом на 17,4%. Количество старшеклассников, выступающих категорически против данного предложения, пропагандируемого некоторыми социологами и криминологами, выросло ровно в 2 раза.

Таким образом, налицо позитивная тенденция в отношении подрастающего поколения к потреблению наркотических веществ. Ответы подавляющего большинства школьников свидетельствуют о той или иной степени отрицательного отношения к легализации «легких» наркотиков вплоть до осознания необратимости негативных последствий реализации данной идеи.

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что на вербальном уровне молодежь в лице московских старшеклассников четко осознает остроту проблемы наркомании и всю тяжесть последствий для общества при условии ее игнорирования на государственном уровне. Трое из четверых опрошенных негативно относятся к рекламе наркотиков в средствах массовой информации. Достаточно высокая степень ригоризма по отношению к наркоэкспансии проявляется в отношении к легализации легких наркотиков.

При этом каждый десятый из числа опрошенных открыто заявил, что периодически может употреблять наркотики. Не следует забывать и о том, каждый 4-5 старшеклассник находится в группе риска, под непосредственным влиянием «наркокультуры».

На втором месте по интенсивности воздействия на криминальную обстановку в обществе, как и в 2003 году, по мнению старшеклассников, находится алкоголизация населения (83,4%). При этом две трети несовершеннолетних в лице старшеклассников на момент опроса ответили, что уже употребляли крепкие спиртные напитки. Но если в 2003 году в окружении 70% респондентов друзья постоянно (не менее трех раз в неделю) пили пиво, то через 5 лет

количество таких респондентов сократилось до половины. Несмотря на позитивные изменения, полученные данные свидетельствуют о том, что все-таки подавляющее большинство отдает предпочтение пиву. Благодаря рекламе пива и его сравнительной дешевизне в России интенсивно развивается пивной алкоголизм. Одной из тенденций алкоголизации населения является омоложение контингента, что происходит за счет резкого роста потребления пива молодежью. Причем в этот процесс все больше включаются девушки. Известно, что потребность в пиве при постоянном употреблении также сложно преодолеть, как и в иных крепких спиртосодержащих напитках, поэтому пивной алкоголизм столь же трудно поддается излечению. Можно предположить, что подростки, отдающие предпочтение пиву и водке, употребляют алкоголь чаще, чем их сверстники, предпочитающие вино.

Третья часть опрошенных отметила, что их сверстники злоупотребляют баночными коктейлями, в то время как в 2003 году на это указывали около половины респондентов. Водку постоянно употребляли у каждого пятого в окружении, а в 2008 году - у каждого восьмого. С вином ситуация не изменилась, ему по-прежнему предпочтение отдают в окружении 20% старшеклассников. По полученным данным, неизменной осталась и часть старшеклассников, ответивших, что вообще не употребляет алкоголь (около 20%).

Негативным является тот факт, что пятая часть опрошенных свидетельствуют о том, что считают для себя приемлемым употребление алкогольных напитков в общественных местах. То есть данная часть респондентов не обеспокоена

на тем, что нарушает закон и подает дурной пример окружающим.

Несмотря на общую тенденцию алкоголизации населения, можно отметить некоторую позитивную тенденцию в потреблении алкоголя учащимися старших классов. При этом следует подчеркнуть, что двое из троих опрошенных подростков уже употребляли крепкие спиртные напитки. Ужесточение контроля за продажей спиртных напитков не всегда приводит к положительным результатам. Школьники могут сами купить любые спиртные напитки, так как продавцы спиртного далеко не всегда обращают внимание на возраст покупателя. По результатам нашего исследования, троим из четверых опрошенных старшеклассникам приходилось самим покупать спиртные напитки. Продавец лишь в двух случаях из пяти интересовался возрастом подростка. В одной трети всех случаев его вовсе не интересовали возрастные данные покупателя.

Одним из направлений исследования на последнем этапе было выявление склонности старшеклассников к различным видам девиантных проявлений. По полученным данным, правосознание значительной части учащихся старших классов характеризуется определенными деформациями.

Так, более половины опрошенных считают для себя возможным ездить в транспорте без билета, употреблять нецензурные выражения. Причем это касается как юношей, так и девушек.

Двое из пяти опрошенных ничего не имеют против дачи взятки, что, видимо, связано в их восприятии, в первую очередь, с поступлением в вуз или «откосом» от армии как ближайшей и волнующей их перспективой. В таком случае данный факт свидетельствует

и об отношении к данному виду преступления ближайшего окружения несовершеннолетних, т.е. их семьи.

Каждый десятый из числа опрошенных готов оставить друга в опасности. Друзья при этом входят в тройку приоритетных ценностей для старшеклассников, наряду с семьей и здоровьем. В то время как на первую строчку в иерархии ценностей две трети школьников ставят семью и брак, каждый пятый считает для себя возможным вступить в брак по расчету. В то же время любовь как ценность, входящую в приоритетную тройку иерархии ценностей, выделил лишь каждый пятый из числа опрошенных.

Несмотря на выделенные нами некоторые позитивные изменения в области девиантного поведения подростков, свидетельствующие о частичной стабилизации на определенном отрезке времени, мы не должны забывать, что «вербальная оценка, выраженная в ответах опрошенных лиц, может частично... не соответствовать их реальному поведению»<sup>7</sup>. В целом полученные данные соответствуют общим тенденциям деформации общественного сознания, проявляющимся, в первую очередь, на уровне еще несформированного сознания молодежи, более подверженного негативному влиянию. В сознании молодого поколения все ярче проявляется в качестве основного стержня формирования личности растущий индивидуализм, сочетающийся с гедонизмом, готовностью ради достижения личных интересов на нарушения норм морали и права. На сегодняшний день, когда традиционная система социального контроля над процессом становления подрастающего поколения в значительной степени разрушена,

наблюдается рост проявлений правового нигилизма и правового инфантилизма со стороны несовершеннолетних и молодежи.

**Ссылки:**

1 Лабораторией социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова совместно с Академией Генеральной прокуратуры РФ с 1998г. проводится длящееся исследование по изучению правосознания молодежи. В рамках данного исследования проведено изучению ценностно-нормативных ориентаций учащихся старших классов. В публикации представлены данные опросов 211 старшеклассников московских школ в 2003-4 г.г. и 399 школьников Москвы, Санкт-Петербурга и Бурятии в 2008 г.

2 Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества». М., 2002. С.172.

3 Образованных больше, честных - меньше? ВЦИОМ, Москва. 27 февраля 2007г.

4 Данные исследования 2008г.

5 См: Шабанов П.Д., Штакельберг О.Ю. Наркомании: патопсихология, клиника, реабилитация/ /Под. ред. А.Я.Гриненко. СПб., 2000, с.45; Майоров А.А., Малинин В.Б. Наркотики: преступность и преступления. СПб.,2002. С.41; Красавцева Е.И., Шестакова Н.Н. Наркомания в школьной среде как социальный вызов будущему российского общества.// Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. М., 2003, т.2. С.787.; Журавлева Л.А. Проблема превенции наркомании в студенческой среде. Там же. С.787.

6 Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества». М., 2002. С.171.

## Профилактика безнадзорности и правонарушения несовершеннолетних в Волгоградской области

Макаренкова Н.Ю.

В статье представлен анализ возможностей религии в профилактике девиантного поведения подростков. Описывается опыт духовно-нравственного воспитания в Волгоградской области. Анализируются результаты социологического исследования, выявившего уровень эффективности профилактики девиантного поведения и пропаганды здорового образа жизни среди несовершеннолетних в оценках экспертов города Волгограда. Ключевые слова: профилактика девиантного поведения; здоровый образ жизни; образовательные учреждения; религиозные организации; воспитательная работа; социальный контроль.

Interaction of subjects of system of preventive maintenance of neglect and offenses of minors in questions of spiritually-moral education of children and teenagers in territory of the Volgograd region.  
Makarenkova N.Y.

In article the analysis of possibilities of religion in preventive maintenance deviant behavior of teenagers is presented. Experience of spiritually-moral education in the Volgograd region is described. Results of the sociological research which have revealed level of efficiency of preventive maintenance of deviant behavior and propagation of a healthy way of life among minors in estimations of experts of a city of Volgograd are analyzed. Key words: preventive maintenance deviant behavior; a healthy way of life; educational institutions; the religious organizations; educational work; social control.

Религия исторически играла важную роль в формировании и развитии различных социальных общностей, их самосознания и ценностных ориентаций. Религиозные нормы действовали запрети-тельно по отношению к различным формам отклоняющегося поведения, в них сосредоточен многовековой опыт социального общежития. Употребление наркотических веществ и спиртных напитков, совершение правонарушений и преступлений равно осуждается традиционными религиями. Следовательно, есть основания полагать, что рост религиозного сознания у населения может способствовать снижению уровня преступности и практик девиантного поведения в стране.

Возможности воздействия религии на предотвращение девиантного поведения подростков обычно рассматривается в рамках теории социального контроля, а более точно – в рамках социальных связей как одного из элементов социального контроля. Теории контроля предполагают, что подростки совершают девиантные поступки вследствие ослабления



контроля. Социальный контроль включает воздействие социальных институтов и практик – таких как семья, школа, религиозные практики – на девиантное поведение подростков. Предполагается, что социальный контроль с помощью социальных связей и привязанности в большей степени удерживает подростка от девиантного поведения, чем личностные особенности [3; 161].

Тревис Хирши [4] считает, что теорию социального контроля можно рассмотреть через четыре элемента социальных связей: привязанность (психологическая и эмоциональная взаимосвязь, которую подросток чувствует по отношению к другим людям или группам); приверженность (подход к девиантности с точки зрения затрат и прибыли, в котором учитываются предполагаемые потери, – например, время, деньги, успех, статус – в случае конформного и неконформного поведения); вовлеченность (например, в школе под вовлеченностью понимается дополнительная факультативная деятельность в кружках и секциях); вера (принятие конвенциональной системы ценностей данного общества).

Моисеева В. В. [1] в своем диссертационном исследовании «Социальный ресурс религиозности в противодействии наркотизации в полиэтничной молодежной среде современной России (к проблеме профилактики)» приходит к выводу, что вера в Бога является важным фактором снижения наркотизации при условии высокой религиозности (сочетание таких критериев как вера в Бога, соблюдение правил, предписаний и обрядов своей религии, посещение богослужений, знание текстов молитв). Однако прямая связь между религиозностью, наркотизаци-

ей и алкоголизацией в подростковой среде не носит причинно-следственного характера, скорее, эта связь опосредована ориентацией на духовные ценности и семейные привязанности.

Старк Стивен Баркетт и Мервин Уайт [5] в результате своего исследования пришли к заключению, что религия может быть одним из самых эффективных институтов, контролирующих делинквентность, так как ее воздействие направлено в большей степени на те виды правонарушений, где светский контроль теряет свои позиции.

В связи с изменениями социальных, социокультурных характеристик ситуации, связанной с распространением девиантного поведения среди несовершеннолетних и молодежи, так и изменениями реалий жизни современного общества в целом, возросшей актуальностью формирования культуры здорового и безопасного образа жизни, а также изменениями государственной политики в сфере борьбы с наркоманией, алкоголизмом, табакокурением возникла необходимость дальнейшего развития методологических и организационных основ профилактической деятельности в образовательной среде. С одной стороны, профилактическая деятельность ориентируется на дальнейшее усиление и ужесточение контроля за распространением ПАВ, с другой – определяет приоритет задач первичной профилактики, основанной, главным образом, на развитии культуры здорового образа жизни и других социально значимых ценностей – созидания, творчества, духовного и нравственного совершенствования человека.

Духовно-нравственное воспитание детей и подростков является

приоритетным направлением деятельности всех субъектов системы профилактики Волгоградской области.

В регионе принята долгосрочная областная целевая программа «Духовно-нравственное воспитание граждан на 2011-2015 годы». В школах Ленинского, Новониколаевского, Урюпинского, Палласовского районов введено преподавание основ православной культуры, организованы факультативы «Дорога к храму».

Духовно-нравственное воспитание обучающихся приобретает особую роль в связи с переходом с 1 сентября 2011 года к федеральному государственному образовательному стандарту общего образования второго поколения. В новом стандарте зафиксировано, что духовно-нравственное развитие личности ребенка является главным результатом образования. Каждая школа Волгоградской области будет иметь свою программу духовно-нравственного воспитания школьников, станет центром и организатором открытого социального пространства духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся.

Согласно постановлению Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Волгоградской области № 39-18-315 от 21.10.2011 г. в Алексеевском, Быковском, Городищенском, Еланском, Котовском, Ленинском, Михайловском, Николаевском, Новониколаевском, Октябрьском, Палласовском, Старополтавском, Среднеахтубинском районах, городах Волгограде, Камышине, Урюпинске, Фролово работают воскресные школы [2; 1]. Главный акцент делается на работу в образовательных учреждениях как интегрирующих центрах совместной воспитательной деятельности на основе социаль-

ного партнерства школы, семьи, церкви, учреждений культуры, физической культуры и спорта, социальной защиты, общественных организаций. Имеющийся у системы образования профессиональный, организационный ресурс, а также сфера ее социального влияния позволяют обеспечивать комплексное, системное воздействие на целый ряд социальных групп, прежде всего несовершеннолетних и молодежи, а, следовательно, вносить существенный вклад в формирование культуры здорового и безопасного образа жизни у подрастающего поколения.

В соответствии со статьями 32 и 51 Закона Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» образовательное учреждение несет в установленном законодательством Российской Федерации порядке ответственность за жизнь и здоровье обучающихся, воспитанников во время образовательного процесса, создает условия, гарантирующие охрану и укрепление здоровья обучающихся, воспитанников.

Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» к органам и учреждениям системы профилактики отнесены органы управления образованием, которые разрабатывают и внедряют в практику образовательных учреждений программы и методики, направленные на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, и в пределах своей компетенции осуществляющих индивидуальную профилактическую работу с такими несовершеннолетними.

Проведенное в апреле-мае 2011 г. авторское социологическое ис-





следование ставило задачу выявить меры повышения эффективности профилактической работы в Волгограде. Исследование включало опрос 34 экспертов. Был проведен полуструктурированный экспертный опрос методом глубинного интервью. Опрошены работники органов управления, представители общественных и религиозных организаций, работники сферы образования, специалист городского центра повышения квалификации, старший инспектор федеральной службы исполнения наказания, работники милиции, здравоохранения и спорта, психолог.

Большинство экспертов считают, что для повышения эффективности профилактики необходимо организовать досуг молодежи (85,3%), решить проблему трудоустройства молодежи (70,6%), обеспечить координацию усилий всех субъектов профилактики (58,8%), укрепить законодательную базу работы с несовершеннолетними (58,8%), усовершенствовать воспитательную работу (55,9%), формировать мировоззрение молодежи, опираясь на нравственные и патриотические ценности (52,9%).

Представители православных организаций считают необходимой более активную работу священнослужителей в общеобразовательных школах (в частности, преподавание «Основ православной культуры», проведение духовно-нравственных мероприятий со школьниками), в правотворческой деятельности на региональном уровне.

В образовательных учреждениях Волгоградской области используются разнообразные формы духовно-нравственного воспитания, работают кружки, проводятся факультативы и элективные курсы по основам православной культуры. Количество школьников,

изучающих по желанию родителей исторические и культурные основы традиционных религий в образовательных учреждениях на факультативных занятиях и на занятиях кружков, увеличивается из года в год. В течение прошлого учебного года этой работой было охвачено 5300 обучающихся.

На новый этап сотрудничества выходят взаимоотношения образовательных учреждений региона, гражданского общества и Волгоградской епархии Русской православной церкви.

С 2012 года в Волгоградской области, в общеобразовательных учреждениях вводится комплексный учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики».

Анализ профилактической работы одной из вечерних школ Волгограда (МОУ СОШ № 28) показал, что мерой повышения эффективности профилактики правонарушений, совершаемых в общественных местах, уличной преступности, правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, ранее судимыми, состоящими на учете в органах внутренних дел стала совместная работа с православной воскресной школой Богоявленского прихода. Еженедельно с несовершеннолетними проводятся нравственно-этические беседы, ребята посещают храм, где знакомятся с духовными практиками, что благотворно влияет на поведение и отношения обучающихся.

Таким образом, привлечение религиозных организаций, обладающих духовно-нравственным потенциалом, выраженном в арсенале социально-психологических средств воздействия на человека, принадлежность индивида к определенному вероисповеданию могут выступать сдерживающими фак-

торами проявления девиантного поведения среди несовершеннолетних. Следовательно, грамотное, в соответствии с законодательством, взаимодействие с религиозными организациями может способствовать привлечению духовных ресурсов конфессий к профилактике девиантного поведения несовершеннолетних и молодежи.

### Литература

1. Моисеева В.В. Религиозность как социальный ресурс профилактики наркотизации в молодежной среде: автореф. дисс. к. соц.н. // Официальный сайт ИС РАН. - 2009. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1523>

2. Постановление Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Волгоградской области № 39-18-315 от 21.10.2011 г. // СПС «Консультант-Плюс».

3. Ханипов, Р. Религия, делинквентность, девиантные практики подростков в США и России / Рамиль Анасович; Рамиль Ханипов // Религиоведение. - 2007. - № 3. - С. 161-168. - Библиогр. в примеч.

4. Hirschi T. Causes of Delinquency and Youth crime. - Berkeley: University of California Press, 1969.

5. Steven B., White M. Hellfire and Delinquency: Another Look // Journal for the scientific Study of Religion. - 1974. - Vol. 13. - P. 109-131.



## Насилие в молодежной среде

**Трофимова И.Н.**

В статье рассмотрены различные исследовательские подходы к проблеме молодежного насилия. Сделан акцент на институционально-структурном подходе, в рамках которого молодежное насилие является продуктом определенного политического и экономического порядка.

Ключевые слова: девиация, молодежное насилие, молодежный радикализм, исследовательские подходы, институционально-структурный подход

Trofimova I.N.

Violence among youth

In article various research approaches to a problem of youth violence are considered. The emphasis is placed on the institutional-structural approach in which frameworks the youth violence is a product of a certain political and economic order.

Key words: deviation, youth violence, youth radicalism, research approaches, institutional-structural approach

Молодежный радикализм в последние годы стал значительной социальной и политической проблемой. Растет число случаев массового и группового проявления насилия, агрессивного поведения молодых людей в общественных местах. Тревогу вызывают жестокость участников этих действий, вовлечение в них лиц младшего возраста. Результатом становятся ущерб здоровью и жизни отдельных людей, серьезный экономический урон, наконец, угроза общественному порядку и безопасности.

Существуют различные подходы к определению сущности и причин молодежного насилия: психологический, социологический, политологический, культурологический, антропологический, криминологический и др. Многообразие подходов обусловлено тем, что молодежное насилие проявляется в различных формах и затрагивает все сферы жизни общества. Психологический подход объясняет молодежное насилие с точки зрения развития личности и межличностных отношений, влияния семьи, школы, микросоциума.

Культурологи делают акцент на специфике функционирования молодежной культуры, неоднородной внутри и содержащей множество направлений (социальных, политических, спортивных, музыкальных, религиозных и т.п.), в той или иной степени конфликтующих друг с другом и отклоняющихся от доминирующих в обществе норм. Антропологи рассматривают насилие как характерную особенность человеческих отношений в обществе, как инструмент эволюционной селекции.

Усложнение общества и практическая необходимость объяснения социальных процессов и явлений обусловили растущее взаимодействие отдельных отраслей знания, что в свою очередь послужило кардинальному повороту в понимании молодежного насилия. В 60-70-х гг. XX в. насилие рассматривалось преимущественно в концептах социального конфликта. Насилие и регулярные случаи преступлений против собственности рассматривались как неизбежные формы девиации среди молодежи рабочего класса. Однако молодежная девиация – это не только ответ на фрустрацию среди молодых людей с низким статусом при неравной системе доходов, образования и занятости. Сочетание бедности, отсутствия возможностей и ценностей культуры стало рассматриваться в качестве основного источника роста преступности<sup>1</sup>. Последние события показали, что в уличных погромах и грабежах участвует не только молодежь бедных окраин или мигрантских слоев, но и представители средних и высших классов общества. Сегодня исследователи расширяют подходы к этой проблеме, делая акцент на ее социальных, а не классовых корнях. Концепт социальной интеграции

становится центральным в современной теории молодежного насилия, а проведение сильной социальной политики рассматривается в качестве одной из ведущих мер его профилактики.

Криминологический подход рассматривает молодежное насилие как преступление против существующих законов, норм и правил поведения в обществе, требующее правовой оценки и соответствующей меры наказания. До недавнего времени противоправное поведение рассматривалось исключительно как результат склонности к преступлению, чему сопутствовала стигматизация личности как преступника, в том числе и в раннем – детском или подростковом – возрасте, изоляция от общества и семьи. Наказание и строгий контроль превалировали над мерами реабилитации и социальной поддержки. Младший возраст влиял отчасти на строгость наказания, его отсрочку и условия содержания под стражей. В последнее время обозначилась четкая тенденция к смене парадигмы наказания парадигмой профилактики и реабилитации молодых правонарушителей.

Насилие в политической сфере, или политический радикализм, принято рассматривать, прежде всего, как движение, направленное против существующих государственных и общественных институтов. Политический радикализм часто ассоциируется с экстремизмом и его крайне формой – терроризмом. Безусловно, все эти явления являются разновидностью насилия в большей степени политического, нежели криминального, и общественно-политическая активность молодежи противостоят более общим формам молодежной девиации. Делинквенция характеризуется больше как нонкон-

формизм, чем политический радикализм, и эта модель поведения в целом более характерна для низкостатусных групп молодежи. Таким образом, молодежное насилие может быть рассмотрено и как показатель аномии и социальной дезинтеграции, и как часть склонного к насилию политического радикализма. Сегодня молодежный радикализм скорее воплощает протест против мейнстрима в обществе и в этом смысле представляет собой смешение самых разных мотивов и причин – от политических до криминальных. Его проявления настолько разнообразны, а факторы взаимосвязаны, что в широком смысле под молодежным радикализмом следует понимать поведение, направленное против принятых в конкретном обществе норм и установленного порядка. В отличие от экстремизма, в основе которого лежат насильственные способы достижения целей определенной группы лиц или организации.

Одно из объяснений молодежного радикализма связано с концептом политического поколения. Основной постулат данного тезиса заключается в том, что политические и социальные взгляды индивида обусловлены характером поколения. Речь идет, прежде всего, о степени открытости или изоляции конкретного поколения драматическим национальным или международным политическим событиям<sup>2</sup>. Молодые люди, чье становление пришлось на годы политического кризиса и нестабильности, больше предрасположены политическому радикализму, чем те, кто вырос в условиях стабильности и порядка. Реальный опыт, полученный в период взросления, определяет мировоззрение индивида, его социальные и политические отношения. Люди приблизи-

тельно одного возраста имеют схожий опыт и соответственно схожие социально-политические установки, что позволяет говорить о циклах молодежного радикализма.

Современный мировой финансовый кризис может оставить целое поколение молодых людей с возможностями, которые настолько отстают от их устремлений, что они могут вообще отказаться от надежд на будущее. При этом кризис различным образом влияет на положение молодежи в отдельных странах. В развитых странах кризис означает сокращение вакансий на рынке труда, рост расходов на образовательные, медицинские и другие социальные услуги. В развивающихся странах, несмотря на сохранение некоторого роста экономики, разрыв между ожиданиями и реальными возможностями оказывается больше, и прежде всего, это относится к молодому поколению, амбиции которого намного выше по сравнению с другими слоями населения. Показательным примером может быть «арабская революция» 2010-2011 гг., ставшей результатом высоких цен на нефть и быстрого роста ожидания населения, которые не могли быть удовлетворены при сложившихся политических режимах.

В целом можно сказать, что в отношении молодежного насилия сегодня больше оправдательных, чем обличительных аргументов. Не отрицая ответственности самих молодых людей, речь все чаще идет о качестве социума и проводимой государственной политики. В годы молодежных бунтов правительств, как правило, наращивают расходы на общественную безопасность и вкладывают средства в развитие бедных районов. Но ввиду сокращения социальных расходов такие подходы выглядят

проблематичными. Государство и общество стоят перед выбором методов работы с «бунтовщиками». Некоторые эксперты говорят, что работа через уже существующие семейные и общинные структуры может быть более эффективной, чем репрессии. По мнению П. Баззи, известного социального психолога и комментатора молодежных бунтов в Лондоне 2011 г., работа с молодежью через социальные СМИ и представителей общественности должна давать надежду и ощущение участия. Многие сегодняшние проблемы являются отражением отсутствия подлинной социально-экономической и культурной интеграции, что привело к фактической геттоизации части молодежи<sup>3</sup>. Не имея политического содержания и являясь скорее сочетанием нигилизма и уголовщины, беспорядки и грабежи с участием молодежи, безусловно, оказывают влияние на государственную политику.

Преступность среди молодежи неизменно рассматривается как что-то новое, радикально отличающееся от стабильной традиции прошлого, вызывающее моральную панику в обществе. Каждый раз социальная тревога сопровождается одним и тем же набором жалоб: отсутствие уважения к родителям, учителям, представителям закона и власти, омоложение преступности, кризис семьи, развращающее влияние развлечений и т.п. Распространенный аргумент, что молодые люди, не имея возможности демонстрации статуса и самоуважения, создают альтернативные системы ценностей для этой цели, будь это воровство, драки, оппозиция власти, наркомания, в современных условиях приобретает новый смысл. Для многих альтернативные субкультуры – уже не форма перехода от

детства к зрелости, а «конечный пункт назначения», когда молодые люди ни к чему не стремятся, ничего не добиваются, ничего не выигрывают и не теряют<sup>4</sup>. Молодежная преступность и насилие не являются неожиданными и давно уже укоренились в социальном ландшафте. Соответственно, молодежные проблемы не могут быть решены через короткие, резкие потрясения, но лишь через долгосрочные меры по поощрению социальной интеграции, выстраиванию восходящего процесса реинтеграции, построенного вокруг семьи, школы и общества.

При достаточно устойчивом перечне причин – социальных, экономических, политических и т.д. – в каждом обществе существуют специфические условия для их взаимного влияния. Например, рост молодежной преступности в 1990-е гг. в России часто находит свое объяснение в переходном, кризисном состоянии общества. Однако чем тогда объясняется рост молодежной преступности в США в эти же годы? С 1989 по 1998 гг. число рассматриваемых ювенальными судами дел здесь выросло на 44%, значительно увеличилось число преступлений совершенных девочками – если рост преступности среди мальчиков составил 35%, то среди девочек – 83%<sup>5</sup>. То же самое можно сказать о межнациональных конфликтах. Показательна ситуация в Германии, где уровень преступности в этнических и мигрантских группах молодежи в 2–4 раза выше, чем среди коренного населения<sup>6</sup>. Но в России сложилась принципиально иная ситуация. Здесь в целом отсутствует сегментация по этническому признаку, когда низшие слои пополняются в основном за счет мигрантов, которые сталкиваются с проблемами безработицы, от-



сутствия жилья, бедности, низкого уровня образования. Актуализация или, напротив, игнорирование отдельных сторон молодежного насилия является частью государственной политики, что в свою очередь говорит о существовании не только прямых, но и структурных факторов.

В рамках институционально-структурного подхода насилие рассматривается как продукт определенного политического и экономического порядка<sup>7</sup>. Иными словами, молодежное насилие является специфическим эффектом поддержания или расширения структуры доминирования, а также структуры привилегий и неравенств, поддерживающих данный порядок. Каким бы ни был легальный государственный порядок – монополюсно корпоративный, демократический или авторитарный – угроза *status quo*, включая насильственные и ненасильственные формы, всегда будет рассматриваться как опасность. Институционально-структурный подход дает объяснение молодежного насилия с точки зрения положения молодежи в конкретных социально-экономических и политических условиях, и одной из главных сторон этого объяснения является проблема неравенства. В целом структура факторов развития российской молодежи мало чем отличается от таковой в других странах. Однако тревогу вызывает отсутствие позитивной динамики на фоне продолжающегося роста межрегиональных различий, локализации очагов бедности, безработицы, преступности.

Перспективы российской молодежи сегодня во многом определяются местом проживания и теми возможностями, которые существуют в регионе для развития человеческого потенциала. В

2011 г. Россия заняла 66 место в рейтинге человеческого развития (в 2010 г. – 65)<sup>8</sup>. При этом всего лишь в 7 российских регионах индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) превышал средний по стране уровень – Москве, Санкт-Петербурге, Татарстане, Тюменской, Белгородской и Сахалинской областях. Для многих регионов характерна несбалансированность развития отдельных компонентов человеческого потенциала (дохода, образования, долголетия). Более сбалансированными показателями отличаются Москва, республики Татарстан и Башкирия, Белгородская, Самарская, Томская области, Санкт-Петербург. Почти половина регионов имеют худшие показатели индекса доходов относительно двух других, а ведущие экспортно-сырьевые регионы отличаются противоположным соотношением: индекс доходов намного опережает остальные. Регионы-аутсайдеры, к которым относятся республики Северного Кавказа с высокой долей молодежи, отличаются наиболее сильным разбросом всех частных индексов при минимальных показателях дохода.

Уровень трудовой занятости молодежи является одним из основных индикаторов ее благополучия и благополучия общества в целом. При этом региональная дифференциация не является исключительно российским явлением. По данным официальной статистики, в США в 2010 г. при среднем уровне безработицы 9,6% региональные показатели различались от 3,8% в Северной Дакоте до 14,4% в Неваде<sup>9</sup>. В крупнейшем городе страны – Нью-Йорке – безработица достигала 8,5%. Уровень безработицы среди молодежи от 15 до 19 лет, как правило, в 3 раза выше среднего. В возрастной группе от 20 до

24 – в 1,5 раза и от 25 до 29 – практически совпадает со средним по стране уровнем. К тому же в США по-прежнему большое значение имеют расовые и этнические признаки. В 2010 г. уровень безработицы среди афро-американцев был в 2 раза выше, чем среди белой молодежи. Так, в возрастной группе 16-19 лет показатели составили 43% и 23,2%, 20-24 лет – 26% и 13,5%, 25-29 лет – 19% и 9,5% соответственно<sup>10</sup>. Высокого уровня достигает молодежная безработица и в наиболее быстро развивающейся экономике мира – Китае. В 2010 г. при относительно низком уровне безработицы среди трудоспособного населения – 4,1%, уровень молодежной безработицы составил 25%<sup>11</sup>.

По методике Международной организации труда (МОТ) трудоспособная молодежь определяется как группа в возрасте от 15 до 25 лет. Соответственно уровень безработицы понимается как отношение численности безработных определенной возрастной группы к численности экономически активного населения соответствующей возрастной группы (в процентах). В глобальном масштабе уровень молодежной безработицы с 2007 по 2009 г. вырос с 11,9% до 13%<sup>12</sup>. Статистика показывает, что, чем выше доля безработных среди молодых людей по сравнению с безработицей среди взрослого населения, тем хуже ситуация в экономике в целом. Накануне мирового финансового и экономического кризиса именно в Исландии соотношение молодежной и взрослой безработицы было наибольшим – 4,5, высоким этот показатель оказался также для Греции, Португалии и ряда других стран<sup>13</sup>.

В нашей стране минимальный уровень безработицы среди трудоспособного населения отмечается

в Москве (4,8%), а максимальный – в Чеченской Республике (75%). В 2009 г. при среднем уровне безработицы среди молодежи в возрасте 20-29 лет 35,9% наивысший уровень был отмечен в Амурской области (51,7%), а также в Ингушетии (49,2%), Дагестане (48,8%)<sup>14</sup>. Даже в высокодоходных регионах – Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах – уровень молодежной безработицы составил 40,9 и 43,2% соответственно. Мировой финансовый кризис сказался на динамике молодежной безработицы и в России. По данным Росстата, уровень безработицы среди российской молодежи в 2009 г. составил 13,7%, в августе 2011 г. – 15,8%<sup>15</sup>. Несмотря на то, что для молодежи в возрасте 15-19 лет работа является менее актуальной проблемой, чем для молодых людей старшего возраста, однако сама возможность работы и формы трудовой деятельности, предоставляемые и востребованные обществом, создают благоприятные условия для развития молодежи.

Наибольшую тревогу вызывает локальная концентрация безработицы, бедности преступности. Депрессивные регионы и муниципалитеты создают структурные ограничения, которые имеют негативное влияние не только на уровень жизни молодых людей, качество их образования, досуга и работы, но и долгосрочные жизненные шансы. На индивидуальном уровне молодые люди могут испытывать оптимизм, веру в себя и свои возможности, но местные условия жизни и труда, региональная и муниципальная политика создают особый – «бедный» – тип молодежного транзита, при котором противоречия между индивидуальным представлением о своих жизненных перспективах и объектив-





ными возможностями существенно обостряются. Иллюстрацией тому могут быть представления молодежи о желательном и располагаемом уровне денежных доходов. В 2009 г. уровень денежных доходов, чтобы жить очень хорошо, составил 58628 руб. в месяц, хорошо – 33354, удовлетворительно – 18923; уровень же располагаемых доходов составил 13165 руб., что почти на треть ниже, чем представления об удовлетворительном уровне<sup>16</sup>. В известной степени нарастание трудностей, как и отождествление их решения с индивидуальной ответственностью, имеет предел. Несмотря на то, что современная российская молодежь выросла в условиях рыночной экономики, 53% людей в возрасте 18-25 лет и 67% в возрасте 26-35 лет делают свой выбор в пользу социальной справедливости, а не индивидуальной свободы<sup>17</sup>. Запрос на помощь государства остается значительным среди россиян. При этом 53% молодежи в возрасте 18-25 лет и 59% в возрасте 26-35 лет считают, что без материальной поддержки со стороны государства им и их семьям не обойтись.

Совокупность шансов развития молодежи, «встроенных» в систему – политику, право, экономику и социальные отношения, – специфическим образом характеризует отдельные страны и регионы. Наиболее значимой характеристикой такой совокупности является степень социально-экономического неравенства. Существует очевидная корреляция между неравенством и рядом социальных недугов: из всех форм поведения, которые зависят от неравенства, насилие является самым явным. Тенденция, при которой каждое последующее поколение производит все большее социальное нера-

венство, является первоочередной угрозой стабильности российского общества и государства. Снижение социального неравенства молодежи в ее доступе к образованию, трудоустройству, здоровому образу жизни, материальному благополучию – должно соотноситься с общими целями развития общества, встроено в соответствующие политики и практики.

### Ссылки:

1 Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. С.264.

2 Parkin F. Middle Class Radicalism: Social Bases of the British Campaign for Nuclear Disarmament. Manchester: Manchester University Press, 1968. P.141.

<sup>3</sup> Inequality and structural violence – <http://awopbopalooop.blogspot.com/2011/08/inequality-and-structural-violence.html> (дата просмотра 16.02.1012).

4 Pitts J. Mercenary: are youth gangs really a problem? // Territory Youth in Crisis? Gangs, Territoriality and Violence. Ed. by B. Goldson. NY: Taylor & Francis, 2011. P.173.

5 Quinn W.H. Family solutions for youth at risk: applications to juvenile delinquency, truancy, and behavior problems. NY: Brunner-Routledge, 2004. P.27-28.

6 Juvenile justice system: international perspectives. 2-nd ed. Ed. by J.A.Winterdyk. Toronto: Canadian Scholars' Press Inc., 2002. P.186.

7 Barak G. Violence and Nonviolence: pathway to understanding. L.: Sage Publication Ltd., 2003. P.130.

8 Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2010. М.: ПРООН, 2010. С.150-151.



<sup>9</sup> Bureau of Labor statistic – <http://www.bls.gov/laurel/table14full10.pdf> (дата просмотра 16.02.2012).

<sup>10</sup> Bureau of Labor statistic – <http://www.bls.gov/cps/demographics.htm#age> (дата просмотра 16.02.2012).

<sup>11</sup> Global employment trends for youth. Special issue on the impact of the global economic crisis on youth: 2011 Update. Geneva: International Labour Office, 2011. P.4.

<sup>12</sup> Global employment trends for youth. Special issue on the impact of the global economic crisis on youth. August 2010. Geneva: International Labour Office, 2010. P. 4.

<sup>13</sup> World Youth Report. 2007. Young Peoples' Transition to Adulthood: Progress and Challenges. NY: United nations Publication, 2007. P. 287.

<sup>14</sup> Регионы России. Социально-экономические показатели, 2010. Стат. сб. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. С.130-131.

<sup>15</sup> Молодежь в России. 2010: Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. С.105-106.

<sup>16</sup> Молодежь в России. 2010: Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. С.142-143.

<sup>17</sup> Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Кrumma, В.В. - Петухова. М.: Весь мир, 2011. С.292.



# Международный молодежный научный форум «Ломоносов–2012»

## Экологическое сознание как духовно–нравственные ценности студенческой молодежи г.Астрахани

Алдабергенова А.С.

Экологическое сознание человека в современном обществе находится в состоянии непрерывного изменения и развития. В статье рассматривается уровень экологического сознания студенческой молодежи г. Астрахани.

*Ключевые слова:* экологическое сознание, экологическая безопасность, уровень экологического сознания.

Aldabergenova A.S.

Ecological awareness as a spiritual and moral values ??of students Astrakhan

Environmental consciousness of man in modern society is in a state of continuous change and development. The article deals with the level of environmental awareness of students in Astrakhan.

*Key words:* environmental awareness, environmental safety, environmental awareness.

Проблема взаимоотношений человека и природы является одной из ведущих гуманитарных проблем современности, поскольку антропогенный пресс на природную среду стал представлять реальную угрозу продуктивности биосферы и качеству жизни самого человека. К концу XX— началу XXI вв. человечество осознало, что основным фактором устойчивого развития современной цивилизации является гарантия экологической безопасности. Деформация системы экологических отношений, дефицит ответственности перед будущим относятся к важнейшим причинам кризисной экологической ситуации. В этой связи вполне закономерным явилось развертывание в последние десятилетия исследований, связанных с экологическим образованием всех слоев населения. При рассмотрении вопросов, связанных с экологическим образованием, особое значение приобретает проблема сознания человека, поскольку все стороны его отношения к природе и взаимодей-

ствия с ней осуществляются либо на основе опыта предшествующих поколений, либо на основе собственного понимания. Можно сказать, что в науке возникло особое направление исследований в сфере индивидуального и массового сознания, обозначающего как экологическое, представляющее собой духовно-практическое освоение действительности, характеризующееся как принципиально новое отношение к миру— стремление к адаптации, коэволюции, гармонизации взаимосвязей в системе «Человек-Природа». Формирование экологического сознания напрямую связано с экологическим образованием, осуществляемым различными социальными институтами общества.

Экологическое сознание человека в современном обществе находится в состоянии непрерывного изменения и развития. Становление экологического сознания характеризуется такими признаками, как глобальность, переосмысление всех основных мировоззренческих вопросов, опора на науку, соединение ее с гуманистическими ценностями, способность подняться над своими интересами ради интересов более широких общественных слоев, стремление действовать во имя сохранения природы, спасения жизни на планете. Итак, экологическое сознание — это форма общественного сознания, находящаяся в стадии формирования, включающая в себя совокупность идей, теорий, взглядов, мотивации, отражающих экологическую сторону общественного бытия, а именно — реальную практику отношений между человеком



и средой его жизни, между обществом и природой, включая регулятивные принципы и нормы поведения, направленные на достижение оптимального состояния системы «общество — природа».

Было проведено исследование, направленное на выявления уровня экологического сознания студенческой молодежи города Астрахани. Было опрошено 100 молодых людей в возрасте от 17 до 23 лет. Молодёжи задавались вопросы о знании экологических проблем области, об экологической политике и мероприятиях, проводящихся в городе, о степени их собственного участия в данном вопросе, о готовности отказаться от каких-либо благ с целью уменьшения нагрузки на экологию области и другие.

Результаты данного исследования показывают, что уровень экологической образованности и сознания у астраханцев вырос. Молодёжь в курсе экологических проблем, осознают опасность надвигающегося экологического кризиса. Но когда дело касается их экономического благополучия, проблемы экологии у астраханцев отодвигаются на зад-

ний план. Студенты считают, что экологическому вопросу уделяется мало внимания со стороны местных властей, но и сами жители города не готовы взять на себя инициативу в этом вопросе.

Проведенное исследование показало, что повышение уровня экологического сознания студенческой молодежи является важной предпосылкой для того, чтобы будущее поколение осознавало себя субъектом общей и экологической культуры, их носителем.

### Литература

Алдашева А.А., Медведев В.И. Экологическое сознание. 2-е изд., доп. - М.: Логос, 2001. - 348с.

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: «Весь Мир», 2004.

Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социс. 2001а. N2. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / Под ред. В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой, К. Клеман. М.: Логос, 2010.

### Понятие «доступ» в социологической теории Джереми Рифкина

Артемова Т.С.

Статья посвящена теоретико-методологическим проблемам анализа современных обществ. Трансформации, происходящие в современном обществе, требуют пересмотра существующих методологических позиций и построения новой адекватной социологической теории. В работе в качестве одной из перспективных концепций рассматривается теория общества Дж.Рифкина, базирующаяся на понятии «доступ». Ключевые слова: общество, доступ, эпоха доступа, собственность, овеществленные отношения, киберпространство, гейткипинг, постмодерн.

Artemova T.S.

The notion "access" in the sociological theory by Jeremy Rifkin

The article is dedicated to theoretical and methodological problems of analysis of the contemporary societies. Transformations which take place in the contemporary society require revision of existing methodological positions and as the result – building of a new appropriate social theory. In this paper we take into consideration, as one of

the promising concepts, theory of society by J. Rifkin which is based on the notion "access".

Key words: society, access, age of access, ownership, commodifying human relations, cyberspace, gatekeeping, postmodern.

Современное общество претерпевает значительные трансформации. Качество и скорость этих изменений так велики и значительны, что затрагивают все сферы общества и самого человека. Одной из функций социологической теории является прогнозирование подобных изменений, их описание и интерпретация. Начиная со второй половины XX века, социология все чаще сталкивается с тем, что существующие те-



ории не могут адекватно объяснить процессы, происходящие в обществе. Перед социальной наукой встает вопрос о выработке новой теории, которая будет способна предвидеть подобные изменения.

Современная социология лишь в незначительной степени справляется со своей прогностической функцией и основное внимание уделяет описанию происходящих изменений, их констатации. Одной из проблем современных социальных наук, к которым относят проблемы связанные с методологией, дискуссии о содержании предмета социологии, является разработка ее понятийного аппарата. Вопрос о понятийном аппарате социологии широко обсуждается как отечественными, так и зарубежными социологами. Перед социологией стоит задача выработки новых понятий, которые будут способствовать развитию науки.

Можно выделить несколько основных объективных причин включения новых понятий в социологию. Во-первых, недостаточность существующих терминов для интерпретации процессов, происходящих в обществе. Новые явления и процессы не могут быть описаны при помощи терминов, которые были введены еще классиками социологии и обозначали весьма определенный круг явлений. Во-вторых, утрата понятиями своего содержания. Наполнение старых понятий новым содержанием лишь приводит к терминологической путанице. Это, в свою очередь, не только создает лишние барьеры между учеными, но и усложняет процесс изучения социологических теорий.

С другой стороны, важно отметить, что ученые иногда стремятся даже избыточно наполнить социологию новыми терминами, что также затрудняет процесс коммуникации и тормозит развитие науки, снижая ее аналитический потенциал. Возникает ряд подходов, согласно которым понятийный аппарат должен разрабатываться для конкретных исследований и теорий. Метафоричность вводимых понятий не только делает их предметом пристального внимания и праздного интереса, но и

обрекает их на неоднозначность использования.

Поэтому с одной стороны мы видим необходимость разработки понятийного аппарата, с другой – необходимость ревизии и отбора понятий, которые должны стать достоянием социологии.

Одним из понятий, активное использование которого в зарубежной социологии подтверждает обоснованность его включения в науку, является понятие «доступ». Автором, который разрабатывает это понятие и применяет его к анализу общества, является американский социолог и экономист Джереми Рифкин.

С момента своего возникновения во второй четверти XIX века и процесса институализации, продолжавшегося в течение того же века, социология имела дело с обществом, обладающим определенными характеристиками. Это общество характеризовалось доминированием труда и производственной сферы и делилось на группы в зависимости от характера этого труда и владения собственностью. Оно обладало рыночной экономикой и капиталистическим способом производства.

С течением времени, понятия, которые характеризовали индустриальную эпоху, начинают утрачивать прежнее определяющее значение. К таким понятиям можно отнести, прежде всего, понятия «класс», «собственность», «труд» и ряд других.

Понятия «класс» и «труд» подверглись в рамках социологии тщательному анализу. Так понятие «класс» и его содержание подвергается критике в течение всего XX века. Особую остроту так называемые «дискуссии о классе» приобрели во второй половине XX века. Анализ изменения роли труда в современном обществе пришелся на последнюю треть XX века и оформился в группе теорий, которые получили название теорий «конца труда» или «конца трудового общества».

Иная ситуация обстоит с понятием «собственность». До сих пор отношения собственности являются определяющими при изучении социальной реальности. Социальная реальность

структурируется на основе этих отношений, они подразумеваются изначально. Дж.Рифкин был одним из первых, кто обратил внимание на значительные трансформации, происходящие в обществе и затрагивающие его основания.

Поскольку понятие «доступ» и теория эпохи доступа являются новыми для социологии, необходимо отметить, что социологическая теория Дж.Рифкина во многом базируется на теориях, которые возникли во второй половине XX века. К этим теориям можно отнести, прежде всего, теории постиндустриального общества, теории информационного общества, тесно связанные с ними теории сетевого общества, теории «конца труда», «конца истории».

Предметом рассмотрения Дж.Рифкина выступает «эпоха доступа», которую он характеризует как глобальное сетевое постисторическое общество, главным фактором в котором выступает рост технологий, в нем доминирует этика игры, доступ, а не собственность, является основополагающим принципом для всех социальных процессов.

Процесс перехода общества в «эпоху доступа» базируется на радикальном изменении роли собственности и затрагивает все сферы общества. Изначально понятие «доступ» применялось для обозначения отношения к физическому пространству. Но сейчас с развитием технологий, возникновением нового пространства человеческой жизнедеятельности (киберпространства) понятие «доступ» обретает широкое содержание и большое значение для социологического анализа современного общества.

Свое формирование «эпоха доступа» начинает с экономики, впоследствии определяя все остальные сферы и трансформируя их. Предпосылки изменения роли собственности в обществе Дж. Рифкин находит, прежде всего, в технологических изменениях. Автоматизация производства, сокращение производственных циклов, а также быстрое развитие технологий приводит к тому, что товар, попадая на рынок, рискует уже оказаться устаревшим и

потому невостребованным. Подобные изменения привели к тому, что традиционное понятие «рынка», возникшее в XII веке, которое означало место в физическом пространстве, где встречаются продавцы и покупатели с целью обмена товаров и услуг, начинает исчезать из общественной жизни. К концу XVIII века это слово все чаще стало обозначать абстрактный процесс обмена между продавцами и покупателями. В современном обществе рынок играет основополагающую роль, что оказывает значительное влияние на человеческое существование. Начиная с ранних лет, мы узнаем, что практически все имеет цену и может быть куплено или быть собственностью. Мы живем по правилу невидимой руки рынка и продолжаем выстраивать наши жизни, решая задачу купить дешевле и продать дороже.

Изменения, имеющие место в структуре экономических отношений, являются частью другой значительно большей трансформации в сущности капиталистической системы. Индустриальное производство сменяется культурным. Глобальные путешествия и туризм, мода, профессиональный спорт, музыка, киноиндустрия, телевидение, виртуальные миры, киберпространство быстро становятся центром нового гипер-капитализма, который продает доступ к культурному опыту.

Основные структурные изменения, которые лежат в основе и организационной базе эпохи доступа, Дж. Рифкин описывает следующим образом: рынки заменяются сетевыми отношениями; отношения владения заменяются доступом; маргинализация физической собственности приводит к доминированию интеллектуальной собственности.

Современная микроэлектроника, компьютеры и телекоммуникации интегрировались в коммуникативную сеть, которая подобно глобальной нервной системе окутывает мир. Переход от аналоговых к цифровым формам коммуникации торопливо развивает этот процесс. Современные технологии делают возможными новые пути ведения бизнеса, которые экономисты



называют «сетевым» подходом к экономической жизни.

Новая коммерция освобождает рынки от географических рамок. Вместо экономики, основанной на географии, покупателях и продавцах, обменивающих физические товары и услуги, в киберпространстве поставщики и клиенты обмениваются информацией, знаниями, опытом и даже фантазиями. В прошлой реальности целью была передача собственности. В новой реальности – доступ к каждодневному существованию, к человеческому опыту.

В отличие от географических рынков индустриальной эпохи, которые основываются на идее суверенных и автономных продавцов и покупателей, участвующих в дискретных транзакциях независимо друг от друга, для экономики киберпространства определяющей является идея о глубокой взаимозависимости отношений, которые связывают активность и стремления участников этих отношений. Этот сетевой подход к коммерческим отношениям далек от представлений Адама Смита, которые властвовали во времена индустриальной революции.

Экономика скорости заменяет экономику масштаба. Чем быстрее товар попадет на рынок, тем дольше он будет существовать. Наряду с изобилием новых товаров, идея владения собственностью оказывается не к месту в условиях новой сетевой экономики.

Наиболее комплексные изменения происходят именно в формах организации производства. Расширенное обслуживание географических рынков массового производства товаров требует большего контроля входов и ужесточение координации производственных процессов и механизмов распределения. Иерархичные организации дивизионного типа устроены так, что информация медленно передается по цепочке к руководителю, поэтому такие организации не отвечают требованиям современной экономики. В свою очередь командный или проектный типы организаций позволяют наиболее быстро реагировать на изменения окружающей среды, принимать решения не-

замедлительно, выбирать различные виды ориентаций, чему также способствует развитие технологий.

По мнению Дж. Рифкина, голливудская индустрия культуры имеет длительный опыт использования сетевого подхода к организации и по этой причине быстро становится прототипом для перехода остальных коммерческих организаций на сетевую основу.

Сетевая модель в настоящее время быстро распространяется. В сетевой экономике идея М. Вебера об организации как фиксированной структуре с определенным набором правил и процедур разрушается. В мире, где структуры быстро изменяются и не привязаны к географическому рынку, организации все больше становятся эфемерными.

В современную эпоху услуги являются значительным сектором в экономике. Тем не менее, в них также произошли значительные изменения. Во второй половине XX века Д. Белл констатировал, что экономика ориентирована на сервис. Теперь, в эпоху доступа, экономика ориентирована на продажу доступа к человеческому опыту. По сути, человек окружен овеществленными отношениями, целью которых является извлечение коммерческой прибыли.

Возникают новые виды отношений между компаниями, которые отражают меняющееся отношение и роль собственности в обществе. Дж. Рифкин относит к таким отношениям аренду, лизинг, аутсорсинг, франчайзинг. Подкрепляя свои положения статистическими данными, Дж. Рифкин отмечает, что компании предпочитают арендовать имущество, поскольку это не только позволяет им быть более гибкими, но и не затрачивать ресурсы на обслуживание оборудования или помещений. В экономике скорости отсутствие зависимости от физических объектов является важным фактором развития бизнеса.

В новой экономике то, что покупается и продается – это изображения и идеи. Их физическое воплощение не имеет значения. Это является одним

из тех факторов, которые приводят к обнищанию больших масс людей и ослаблению рабочего движения, поскольку, не имея собственных наемных работников, компании могут привлечь к выполнению работ организации, которые не состоят в профсоюзном движении и тем самым избежать переговоров и заключения соглашений с ними.

Эпоха доступа характеризуется миниатюризацией. Если XX век был веком глобальных построек, веком массовости, то XXI предстает перед нами в виде невесомых товаров, сокращения недвижимого имущества, создании своевременных запасов, таких явлениях как аренда и аутсорсинг.

В обществе, которое характеризуется коротким жизненным циклом продуктов и постоянными новшествами, аренда остается наиболее удобным способом использования товаров. Все это приводит к доминированию такого явления как овеществление человеческих отношений. Аренда предполагает постоянную тесную связь с теми, кто предоставляет товар. Если раньше продажа автомобиля была дискретной сделкой, то теперь человек вовлекается в систему долгосрочных коммерческих отношений.

Для того чтобы иметь возможность долгосрочно извлекать прибыль, сфера услуг также трансформируется. Изобретаются новые способы продлить обслуживание, связанные главным образом с модернизацией товаров и введением новшеств. Материальные объекты сегодня представляют лишь «платформы», которые для того, чтобы иметь значимость должны наделяться культурным значением. Доступ к этому значению, к определенному человеческому опыту и является товаром сегодня. Так мобильный телефон сам по себе представляет лишь кусок пластмассы или металла. И лишь когда мы приобретаем доступ у операторов связи к этому человеческому опыту, он обретает свое значение.

Все большее число компаний предоставляют товары бесплатно, чтобы вовлечь клиента в долгосрочные отношения, путем бесконечной модерниза-

ции и обслуживания этих продуктов. В связи с этим возникает серьезный вопрос о том, как должна определяться стоимость услуг, поскольку если рассматривать информационные услуги, то себестоимость каждого последующего продукта (то есть копии изначально созданного) почти сводится к нулю. А. Горц и другие авторы считают, что именно доступ должен стать той категорией, которая будет определять стоимость подобного рода услуг.

Новые правила капиталистической игры требуют акцента на маркетинге, а также изобретательности, проворства и скорости. В сетевой экономике, которая характеризуется короткими циклами производства и потребления продукции и быстро расширяющимся потоком товаров и услуг, основным ресурсом становится человеческое внимание, а не физические объекты. Результативность компаний будет зависеть от их способности поставить нужные услуги и наладить долгосрочные отношения.

Когда фактически все становится услугой, капитализм преобразуется от системы, основанной на обмене товаров к системе, основанной на потреблении опыта. Если мы заключаем контракт на кондиционирование помещения, то мы платим за опыт использования кондиционированного воздуха. Новый капитализм соотносится со временем, а не точкой в географическом пространстве. Вместо товаров и вещей и их обмена на рынке, в эпоху доступа мы обеспечиваем доступ ко времени друг друга и заимствуем его. Рассматривая каждый товар как деятельность или случай, мы покупаем ограниченный промежуток времени.

Переход от режима собственности, базирующегося на идее распределения имущества, к режиму доступа, базирующегося на кратковременном использовании собственности, контролируемом сетями поставщиков, фундаментально меняет способы распределения власти. Политические институты и правовая система современного общества построены на основе рыночных отношений. По сути, в правовом отношении общество есть совокуп-





ность собственников, и права одного собственника заканчиваются там, где начинаются права другого.

Как и отношения собственности, так и отношения доступа воспроизводят собственную социальную структуру общества. Раньше это было разделение на имущих и неимущих, теперь критерием выступает включенность индивида. В количественном выражении, по мнению Дж.Рифкина это можно выразить при помощи количества сетей, которые проходят через индивида. По сути, индивид выступает в роли некоего терминала, и количество сетей определяет его статус. В обществе, основанном на собственности, тот, кто имеет физический капитал и обладает средствами производства, имеет возможность доминировать. В эпоху доступа во главе общества находится тот, кто обладает каналами коммуникации и контролирует доступ к сети. Впервые это предположение выдвинул более 30 лет назад Д. Белл.

Дж. Рифкин важное место в своей работе отводит понятию «gatekeeper», которое в зависимости от контекста можно определить как «привратник», «контролер», «страж», «куратор», «охранник». «Гейткипинг» означает управлять стратегической частью канала вне зависимости от того, является ли этот канал потоком товаров, новостей или людей. Это позволяет управлять процессом принятия решений.

В новом обществе, отделенном от географического пространства, функция «гейткипинг» становится критической. Если в эпоху собственности, владение часто выступало условием осуществления действий. Так, например, имущественный ценз долгое время определял тех, кто имеет право голосовать и быть избранным. Теперь же в сетях появляются новые возможности, но за их пределами жизнь становится все сложнее и сложнее.

Понятие «гейткипинг» ввел в научный оборот социальный психолог Курт Левин в 1947 году. По его мнению, «гейткипинг» – фундаментальный процесс. Понимание природы и динамики этого процесса могло бы объяснить то, как

люди структурируют их жизни и создают институты. При помощи этого понятия К. Левин изучал положение различного рода меньшинств в обществе.

Кроме того, что общество подразделяется на тех, кто имеет доступ и не имеет его, в социальной структуре общества эпохи доступа формируется новая элита. В индустриальном производстве элитой являлись те, кто обладал собственностью на средства производства. Элита влияла на политический процесс и диктовала обществу свои ценности и нормы. В новом обществе, характеризуемым культурным производством и овеществлением человеческого опыта, новая элита имеет еще большее влияние на гражданское общество и политику в целом.

Дж. Рифкин называет новый класс «культурные посредники». К ним относятся художники и интеллигенция, рекламные гении, звезды и знаменитости, основная роль которых заключается в том, чтобы объединить производителей культуры с зрителем в сетях человеческого опыта. Их ресурсами являются нематериальные активы – их знания, творческий потенциал, артистическая чувствительность, качества эксперта, маркетинговая сообразительность. Как социальная группа они характеризуются постоянным поиском новых событий и культурных товаров. Они образцы для подражания, законодатели моды и создатели образа жизни.

Наряду с этими изменениями, Дж. Рифкин констатирует процесс гомогенизации глобальной культуры, что приводит, в частности, к исчезновению языков в связи, в частности, с распространением английского языка. Язык выступает одним из каналов геополитического влияния в эпоху доступа. Борьба идет за контроль над каналами коммуникации, которые несут культурное содержание в коммерческой форме. Деятельность Всемирной торговой организации (ВТО) значительно расширяет возможности транснациональных корпораций, транслирующих культурные коды.

В связи с этими изменениями Дж. Рифкин говорит о том, что националь-



ное государство утрачивает то свое значение, которое оно имело ранее. По сути, он исключает понятие «национального государства» из предметной области социологии. По мнению Дж. Рифкина, глобальные компании СМН устанавливают международную сеть коммуникаций, которая обходит политические границы, тем самым изменяя характер политики повсеместно. Развитие глобальных транснациональных корпораций, в состав которых включается все большая часть населения Земли, приводит к тому, что, объединяясь, медиакорпорации начинают контролировать значительную часть потоков коммуникаций, товаров и услуг.

Снижение роли национального государства становится все более очевидным. Международные соглашения, такие как ГАТТ и НАФТА лишили правительства права накладывать внутренние ограничения на сферу труда, вопросы экологии. Важным также является вопрос о функции взимания налогов в связи с развитием транснациональных корпораций, а также деятельности в киберпространстве.

Пока человеческая деятельность была основана на географии, правительства имели смысл, по мнению американского социолога. Политика не является принципом организации общественной жизни, а в эпоху доступа представляет собой искусственную конструкцию, которая плохо подходит для решения проблем современного общества.

Важно отметить, что Дж. Рифкин, превосходя серьезную критику в адрес своих построений, отмечает, что в то время пока национальные государства начинают изменяться под давлением нового глобального экономического и общественного строя, мы должны понимать, что большинство людей на Земле не связаны с этими новыми мирами. Они существуют вне электронных ворот в мире бедности и отчаяния, в котором явное физическое выживание диктует каждодневную жизнь. Для них, жизнь состоит из тяжелого труда, цель которого создать возможность для выживания. Пока пятая часть населе-

ния ищет для себя новые события и опыт, все остальное население Земли лишь стремится к накоплению имущества.

Несмотря на всю эйфорию, которая окружает коммуникационную революцию, фактом является то, что 65% человеческого населения сегодня никогда не делали ни одного телефонного звонка, 40% не имеют доступа к электричеству. Лишь незначительная доля населения Земли может позволить себе переместиться в эпоху доступа, все остальные останутся за «электронными воротами». Неравенство в доходах и благосостоянии увеличивается очень быстро. Важно отметить, что это неравенство характерно не только в отношении между развитыми и развивающимися странами, но и внутри развитых стран. Потому, по мнению Дж. Рифкина, для большинства простых жителей разговоры о доступе, киберпространстве и сетях останутся лишь мечтами. Большая часть человечества все еще будет стремиться к накоплению собственности. Все это ведет к ряду негативных последствий, среди которых ограничение прав тех, кто не вступил в отношения доступа, а также дальнейший рост социального неравенства и обнищание большей части человечества.

Перемещение акцента с функции производства на функцию маркетинга приводит к тому, что эти технологии формируют самые фундаментальные категории социального существования. Для того, чтобы удержать клиента длительное время с целью получения постоянной прибыли, компании вынуждены создавать номинальные группы, которые получили названия «сообщества интереса». Эти сообщества представляют собой новые социальные арены, а компании контролируют доступ к этим желанным мирам.

Если раньше формирование социальной группы (реальной или номинальной) происходило на основе религиозных, этнических, национальных, классовых и других критериев, то теперь коммерциализация человеческих отношений приводит к вытеснению



этих традиционных форм взаимодействия в пользу сконструированных сообществ.

Преобразования в природе торговли от продажи вещей к овеществлению человеческих отношений и созданию сообществ являет поворотным моментом. Коммерческая сфера расширяет досягаемость и углубляет свое проникновение в фактически каждый аспект человеческого существования. Экономика становится сценой, на которой люди переживают большую часть своей повседневной жизни.

Несмотря на то, что современные технологии все больше вытесняют труд из человеческой жизни, у современных людей времени как будто меньше, чем у человека любой другой эпохи. Это ощущение возникает из-за того, что почти 24 часа в сутки пронизаны коммерциализированными отношениями.

Сетевая экономика увеличивает скорость связей, сокращает их продолжительность, улучшает эффективность и делает жизнь более удобной. Но когда большая часть человеческих отношений становится коммерциализированной и длится почти 24 часа в сутки, то для отношений, имеющих некоммерческую природу, почти не остается времени. Из жизни вытесняются родство, соседство, общие культурные интересы, религиозные группы, этническая принадлежность, гражданская причастность и многие другие формы отношений. Время куплено и продано. Жизнь людей превращается в непрерывающийся поток коммерческих сделок, скрепляемых договором.

По мнению Дж. Рифкина, современное общество должно быть обеспокоено подобными изменениями, которые вторгаются в жизнь незамеченными. Общество должно подвергнуть подобные изменения критике до того, как вся наша жизнь станет коммерческим продуктом.

Доступ превращается в образ жизни и меру социальных отношений. Кроме сообществ интереса, связанных определенным отношением к товару или услуге, в Европе и США возникают целые города, которые конструируют-

ся под определенный образ жизни. Для того, чтобы попасть в этот город нужно получить доступ – купить билет на определенное время. Для человека там создают любой пейзаж. Собственность купить нельзя, можно лишь арендовать.

Может показаться, что подобные сообщества создают больше свободы для каждого человека, но это не так. Для того, чтобы выдерживать эти города в определенном стиле, который был разработан дизайнерами и привлеч клиентов, он не может развиваться хаотически, поэтому человек не может менять даже цвет стен самостоятельно. Жизнь в этих городах выстраивается по тому плану, по какому ее выстроили создатели этого сообщества. Человек оказывается в тоталитарном сообществе. Посещение этих городов другими людьми, не имеющими доступа, часто строго ограничено. Из этих городов исчезают понятия общественного места: все имеет свою категорию доступа. Приобретая билет в это сообщество, человек покупает определенный, выбранный им, образ жизни.

В то же время Дж. Рифкин отмечает, что положение в географическом пространстве теперь не соотносится с положением в социальном пространстве так, как это было ранее.

Изменения, происходящие в обществе, затрагивают и самого человека. Появляется новый тип человека. Человек эпохи доступа предстает перед нами в работах Дж. Рифкина как индивид, для которого существование в киберпространстве является обыденным, он менее заинтересован в накоплении собственности и более заинтересован в наличии захватывающих событий. Он представляет собой совокупность персон и потому легко адаптируется к изменениям и соответствует им вне зависимости от того, реальны они или нет.

Стоит отметить, что образ человека эпохи доступа Джереми Рифкин выстраивает на противопоставлении с образом человека индустриальной эпохи. Для людей эпохи доступа аренда недвижимого и движимого имущества обыденны, они покупают одежду он-



лайн, доступ для них образ жизни. Они более мобильны, но в то же время их внимание кратковременно, они эмоциональны, непосредственны, менее рефлексивны. Они видят себя игроками. Привыкшие к занятости эпохи досуга, их не смущает то, что они всегда временные работники. Они предпочитают, чтобы их называли креативными, но не трудолюбивыми. Для них изображение несет больше информации, чем слово. Они не склонны к анализу. Реальность для них распространяется на киберпространство, телевидение. Герои сериалов для них более реальны, чем соседи. Они выросли с Интернетом и гипертекстом. Они не стабильны: они постоянно переделывают себя. Они меньше интересуются историей, но большое внимание уделяют стилю и моде. Традиции в их мире фактически не существуют.

Возникновение нового человека Дж. Рифкин связывает с наступлением постмодерна и изменением форм сознания и мышления.

Постмодерн в отличие от модерна строится на других основаниях и совершенно другом наборе предположений о природе действительности, которые, в конечном счете, подрывают идеи собственности. Прежде всего, постмодернисты отклоняют саму идею и стабильности и познаваемости окружающей действительности. Первым толчком для формирования нового взгляда на мир послужили работы немецкого ученого Вернера Гейзенберга, который ввел в научный оборот принцип неопределенности. Согласно этому принципу, беспристрастного наблюдателя, который являлся основой методологии Ф. Бэкона, не существует. Наблюдатель, обладающий сознанием, оказывает свое влияние и потому может оказывать влияние на результат. Каждый человек является игроком и участником, который всегда затрагивает и является затронутым миром, который он изучает.

К началу 20-х годов XX века физика стала все больше проникать в мир атомов. Эти открытия позволили установить, прежде всего, что вещи не являются неподвижными, а также, что сам

атом представляет собой скорее не вещь, а ряд сил, которые находятся в определенном отношении друг к другу. В итоге старая идея относительно структуры, которая независима от процесса, отклоняется. Новая физика утверждает, что невозможно отделить то, чем что-то является от того, что оно делает. Ничто не является статичным, поэтому все вещи существуют только во времени.

Дж. Рифкин ставит вопрос о том, как эти научные открытия повлияли на отношения собственности. По его мнению, в то время, пока большинство людей продолжало действовать, как будто мир состоит из отдельных предметов и объектов, а не есть процесс и движение, формировался новый философский подход, который стремился пересмотреть старый взгляд на действительность. Сегодня эти идеи выражены в теориях хаоса, катастроф, рассеивающихся структур. Новый научный акцент стоит на неопределенности, непредвиденности и разнообразии. Если наука эпохи модерна искала истины, то наука постмодерна концентрируется на поиске неожиданных возможностей и новых образов.

Развитие этих идей, несомненно, оказало влияние на естественные науки, но наибольшим образом оно сказалось на гуманитарных науках. Если нет никакой неподвижной и познаваемой социальной реальности, а существуют только индивидуальные факты, то человек формируется лишь его участием в деятельности и той действительности, которая его окружает. Представление о всеобъемлющей реальности перестает существовать. Для постмодернистов реальность является конструируемой. То есть каждый человек придумывает свои истории для объяснения окружающего мира, который состоит из различных вариантов и сценариев. Это мир, созданный языком, скрепленный метафорами, состоит из согласованных значений, которые могут меняться со временем. Действительность сегодня не то, что нам передается, а то, что мы создаем подобно полотну. Даже наука, по мнению пост-



модернистов есть продуманно построенный набор текстов и историй, власть которых в обществе способствует тому, что читатель верит в их законность.

В постсовременном мире идеи и истории важнее, чем цифры и факты. Новая эра, по мнению Дж. Рифкина, упивается семиотикой. Для людей новой эпохи характерна игра. Они отвергают четкие задания и рамки, допуская и даже поощряя творческую анархию. Спонтанность – единственная реальная повестка дня. Ирония, парадокс и скептицизм являются необузданными. Беспокойство о создании истории больше не играет для индивида какой-либо роли, поскольку не существует больше никакой исторической последовательности, которая управляет природой или обществом.

Быстрые темпы гиперреальности, нанокультура сокращают индивидуальный и коллективный временной горизонт до непосредственного момента. Это мир развлечений, игр. В этом мире господствует принцип удовольствия.

Постмодернистская социология подчеркивает отсутствие единого положения, проповедует терпимость для множества различных историй и плюрализм, эклектизм. Они отказываются от любого рода теорий, в которых выстраивается линейное развитие человеческого общества по направлению к конкретному будущему, ведь не существует идеального политического режима, есть только множество культурных экспериментов.

Другим важным аспектом в теории общества Дж. Рифкина выступает то, что этика игры сменяет этику труда. Если для индустриального общества доминирующей являлась трудовая парадигма, в рамках которой выстраивались определенные виды взаимоотношений между людьми, определенный образ человека, его стремления, желания, его образ жизни, то в эпоху доступа общество организуется вокруг игры, доступ к культурному опыту становится главенствующей целью.

Человеческая природа сегодня вновь претерпевает изменения. Для обозначения современного человека

Дж. Рифкин использует понятие «изменчивая личность» или «протин» (“protean”), то есть исполняющий сразу несколько ролей и имеющий несколько образов. Если людей прошлых поколений можно было охарактеризовать как людей с «хорошим характером» или «сильных личностей», то о современном человеке можно говорить как о «творческом исполнителе (актере)», который перемещаясь между реальным и нереальным, разыгрывает множество пьес, являющихся содержанием культурного рынка.

Развитие технологий в XX веке и растущая плотность городского населения привели к тому, что если раньше за всю свою жизнь человек мог познакомиться лишь с несколькими сотнями людей, то сегодня это количество легко можно встретить за одну неделю. Такое изменение во взаимодействии людей приводит к тому, что формируется более гибкий человек, который непрерывно корректирует себя и адаптирует к изменяющимся условиям: окружающей среде, обстоятельствам и ожиданиям других. В малых группах человек формирует основу своей личности в довольно раннем возрасте и сохраняет на протяжении всей жизни: человек всегда последователен и предсказуем. В современном изменяющемся обществе человек подобен хамелону.

В XIX веке значение и ценность жизни росли с течением времени. В XX столетии люди все чаще думают о себе как о существующих, то есть «становление» уступило место фактическому «существованию». Этим Дж. Рифкин определяет новый взгляд на природу человека. Вместо формирования своей личности, человек представляет собой разворачивающуюся историю, которая непрерывно обновляется и переиздается.

И если для людей прошлого жизнь была включена в некую глобальную историю, то сейчас большее внимание уделяется истории конкретной личности. Дж. Рифкин констатирует наступление постисторической эпохи. Человек не выстраивает вокруг себя слож-



ных символических систем. Жизнь коротка и потому современный человек не готов жертвовать собой ради истории и лучшего будущего, если оно может быть доступно здесь и сейчас.

Другим фактором, оказавшим значительное влияние на изменение сознания и мышления и становления современного человека стали изменения, произошедшие в формах коммуникации между людьми. Анализ изменения форм коммуникации Дж. Рифкин проводит через понятия авторства, противопоставления коллективизма и индивидуализма, форм человеческого сознания, организации и способов передачи знания.

Переход от устной культуры к письменной, а в дальнейшем и к печатной изменил, прежде всего, способ организации знания. Избыточность устной коммуникации и субъективность средневековой письменности с изобретением печатного станка была заменена рациональностью, аналитичностью, вычислениями. Печать заменяла человеческую память оглавлениями, нумерацией страниц, сносками, освобождая человека от непрерывного припоминания прошлого так, чтобы закрепиться на настоящем и будущем. Печать сделала возможным широкое распространение точных карт и, что еще более важно, создала торговлю, оформляемую множеством бухгалтерских форм. Печать создала технологию, в которой по образцу организовывался весь окружающий мир.

По мнению Дж. Рифкина, распространение печати способствовало развитию национализма и возникновению национального государства. Народные языки, адаптированные для печати, послужили основой для возникновения коллективной идентичности. Печать сделала возможным развитие бюрократии.

Кроме того, печать выступила основой научного мировоззрения, линейности, причинно-следственной связи, развитию рациональности. Печать привела к возникновению понятия «автор», которое способствовало появлению у человека определенного статуса, выч-

ленению его от коллектива. Законы об авторском праве были одним из первых товаров, которые в своей основе представляли собой коммуникацию.

В предыдущие эпохи чтение всегда подразумевало коллективную коммуникацию. Распространение печати, а значит и массового тиражирования, повернуло людей самих к себе. Чтение стало процессом сугубо индивидуальным. Создавался смысл личной секретности, который ввел к самоанализу и осознанию индивидуальности.

Сегодня компьютерные технологии производят еще более значительную революцию в человеческом сознании и способах коммуникации. Эти технологии отвечают тем экономическим реалиям, которые существуют в настоящее время и являются эффективным инструментом для управления экономикой. Основным отличием является форма организации. Электронная коммуникация организована нелинейно. Понятие причинно-следственных связей заменено совокупностью непрерывных комбинаций. В электронном мире, предметы и объекты сменяются узлами и сетями, структура и функции заменяются процессом. Способ организации компьютера отражается в культурных системах, каждая из которых является узлом в динамической сети отношений, которая непрерывно корректируется и возобновляет себя на каждом уровне своего существования.

Изменяется и способ организации знания. Гипертекст заменяет последовательную печать совокупностью ссылок. Информацию, изложенную в книге, как закрытой системе, сменяет информация как открытая система ссылок и ссылок. Способы и варианты прочтения гипертекста почти безграничны. Печатная книга имеет начало и конец. Гипертекст имеет лишь какую-то точку отсчета, и читатель становится как минимум соавтором и сам решает, как будет развиваться действие в книге и будет ли у нее конец. Если печатная книга – это продукт, гипертекст – это процесс. Книга является собственностью, к гипертексту мы получаем доступ.



Гипертекст также подрывает одну из центральных особенностей эпохи печати – идею относительно индивидуального автора. Среда гипертекста основана на включенности и возможности объединения, а не исключительности и автономии, нет четкой границы, отделяющей вклад одного от вклада другого. Читатель теперь меняет свою функцию, которая ранее заключалась в пассивном восприятии текста, и активно редактирует, комбинирует материал, бесконечно продвигаясь по узлам в сети. Когда материал становится частью открытого процесса, вовлекающего множество сторон, которые распределены во времени и пространстве, а не готовым изделием, созданным усилиями единственного человека, сложно определить исключительного собственника. Р. Барт назвал этот процесс «смертью автора».

Человек в современном обществе окутан сетями отношений. Современные технологии, среди которых сотовые телефоны, электронная почта, факсы, голосовая почта, держат человека в постоянной коммуникации с другими. Рекламные кампании, радио, телевидение, киберпространство также способствуют тому, что человек находится в постоянном взаимодействии. Когда выделяется время не занятое коммуникацией, то коммерческие структуры тут же создают новый вид связи. По мнению Дж.Рифкина, мы живем в мире, в котором получение и привлечение чьего-либо внимания становится важным, и отношения любого вида становятся центральным элементом нашего существования. Изречение Р. Декарта «я мыслю, следовательно, существую», можно заменить «я включен, поэтому я существую».

Личность человека становится фрагментарной, возникает явление, которое психологи называют «множественностью персон». Множественность миров в киберпространстве, в каждом из которых человек может выбрать любой характер, внешность и общаться таким образом с другими участниками онлайн сообществ. Для многих пользователей эти вымышленные герои являются

вполне реальной частью их собственного «я». В основном ученые отрицательно оценивают эти изменения в человеческом сознании, хотя существуют и положительные оценки. Наличие множества персон могло бы привести к лучшему пониманию и терпимости в отношениях между людьми и готовностью быть более открытым.

В итоге реальность представляет собой театральную сцену. В индустриальную эпоху люди с готовностью ориентировались на модель отношения между людьми, изложенную в работах Ч.Дарвина, в которых природа представлялась как поле битвы, жизнь рассматривалась как конкурентная среда и битва за ресурсы, которые необходимо накапливать. В эпоху доступа природа рассматривается как гигантский театр потенциальных действий. Любая персона проектируется и конструируется. Одежда и мода не являются отражением содержания, а направлены на создание определенного визуального образа, который будет определять содержание.

Театрализация всего человеческого опыта тесно связана с его коммерциализацией. Также это тесно связано с возможностью современного человека быстро изменять окружающую его реальность: обстановку, место жительства, отношения.

По мнению Дж. Рифкина, человечеству еще предстоит осознать собственную сущность и научиться жить по новым правилам, задаваемым этикой игры. Поскольку основным товаром в новом обществе культурного капитализма выступают овеществленные человеческие отношения, вопрос Э. Фромма «иметь или быть» в эпоху доступа решается в сторону «быть». Быть подписчиком, членом сообщества в эпоху доступа важнее, чем обладать собственностью. Тем не менее, понятие «быть» обретает совершенно иной, коммерциализированный смысл.

Несмотря на то, что в своей работе американский социолог не дает четкого определения понятию «доступ», он делает значительный шаг в этом направлении, предпринимая беспреце-

дентную попытку применить это данный подход к анализу современного общества. Проведенный анализ показал, что понятие «доступ» может впоследствии выступать перспективным инструментом познания социальной реальности.

Таким образом, представляется, что понятие «доступ» может выступать становится концептуальным инструментом переосмысления взгляда на устройство общества, а потому требует тщательного анализа и дальнейшей разработки.

### Социальные механизмы власти и влияния

Гайда А. Ю.

Предпринимается попытка определить категорию «социальные механизмы власти и влияния» в целях её использования в качестве методологической основы структурно-функционального сравнительного анализа политических систем.

Ключевые слова: политика, власть, политическая система, социальные механизмы власти и влияния.

Gaydt AYU.

Social mechanisms of power and influence

The article attempts to identify the category of «social mechanisms of power and influence» for its possible use as a methodological basis of structural and functional comparative analysis of political systems.

Key words: politics, political power, political system, social mechanisms of power and influence.

Политика как сфера взаимодействия различных групп и индивидов, реализующих свои интересы с помощью институтов политической власти, представляет собой совокупность трёх подсистем – институциональной, нормативно-регулятивной и информационно-коммуникативной, в целостности составляющих политическую систему общества. Выделение в структуре политической системы трёх подсистем не является достаточным методологическим основанием для их сравнительного анализа, поскольку эффективность политической системы в конкретных условиях места и времени определя-

### Литература

1. Кимелев Ю.А. Методология социальных наук (Современные дискуссии): Аналитический обзор. М., 2011.

2. Полякова Н.Л. Методологические основания построения теории общества в социологии конца XX – начала XXI в.: отход от социологической ортодоксии // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2011. №4. С. 76-93.

3. Романовский Н.В. О понятийном аппарате социологии // Социологические исследования. 2002. №9. С. 144-146.

4. Rifkin J. The Age of Access. N.Y., 2000.

ется системой связей и отношений, возникающих в результате взаимодействия участников политического процесса.

Взаимодействие индивидов в политической системе связано с реализацией властных интересов и целедостижением. Социолог Т. Парсонс сравнивает функции власти в политической подсистеме со значением денег в подсистеме экономической. «Власть, как и деньги, выступает в качестве орудия обмена, посредника внутри политической подсистемы. Власть призвана заставить акторов выполнять обязанности, налагаемые на них целями общества» [3, с. 30]. Властные взаимодействия в политике определяются не только природой человека, но и социальными условиями. В политической системе борьба за власть имеет место на всех уровнях усложняющейся социальной иерархии, а политический процесс в современных обществах всё более становится взаимодействием соперничающих групп, в котором ни одна из них не доминирует абсолютно, поэтому сохранение власти с необходимостью требует понимания и учёта интересов участников политического про-





цесса. Достижение оптимального баланса среди интересов политических акторов – залог разрешения противоречия между двумя сторонами политики – борьбой за власть и возможностью решать проблемы, стоящие перед обществом. Способы достижения такого баланса, определяемые через совокупность связей и отношений в политической системе, представляют собой *механизмы политического властвования*.

Концепт «механизм политического властвования» может быть рассмотрен как минимум в трёх плоскостях: 1) господство-подчинение; 2) контроль-влияние; 3) управление-давление. Концепция о содержании и типах господства была разработана выдающимся немецким социологом М. Вебером. Определяя политику как «стремление к участию во власти, или оказанию влияния на распределение власти» [1, с. 645] между государствами, или внутри государства между группами людей, называя фундаментальным признаком государства «монополию легитимного физического насилия» [1, с. 644], под господством Вебер понимает «взаимное ожидание»: тех, кто приказывает – того, что их приказы будут исполняться, а им будут повиноваться; тех, кто повинуются – того, что приказы будут иметь характер, соответствующий их ожиданиям. Поэтому господство у Вебера всегда легитимно, то есть признаваемо управляемыми индивидами.

*Механизмы политического властвования могут быть определены через категории «контроль-влияние».* Власть как свойство политической системы опирается на различные ресурсы, которые, во-первых, удовлетворяют потребности и интересы людей, представляя собой определённую ценность в социальных отношениях, а, во-вторых, повышают потенциал влияния и силу воздействия самой власти. Американский политолог Г. Алмонд, обозначает в качестве важнейших функций политической системы – экстрактивную и распределительную. Первая заключается в возможности «безболезненно» извлекать ресурсы (товары, деньги, люди и услуги) из внутренней и внешней среды социально-по-

литической системы. Вторая выражается в способности политической системы эти ресурсы эффективно распределять. Как правило, в реальных условиях местам и времени ресурсы в политической системе ограничены и распределены неравномерно, что приводит к постоянной борьбе участников политического процесса (индивидов и групп) за их более справедливое перераспределение, что, в свою очередь, ведёт к нарастанию взаимного давления, конкуренции среди власти управляющих и влияния управляемых.

*Третий вектор рассмотрения механизмов политического властвования связан с отношениями в плоскости «управление-давление»,* выражающими не только непосредственно механизм властвования, но и «обратную связь», то есть поддержку и давление «снизу», со стороны гражданского общества. Взаимодействие интересов и воли управляемых и управляющих в процессе практического осуществления властных полномочий включает в себя не столько ресурсные взаимоотношения (как в предыдущей проекции), сколько собственно отношения между акторами, участниками политического процесса, складывающиеся посредством институциональных форм и инструментальных способов силового давления. Иными словами, речь идёт о таких субъект-объектных отношениях, которые возникают между государственными должностными лицами и государственными органами, выступающими в роли субъекта управления, и населением или его отдельными группами как объектом управления.

Таким образом, категория «механизмы политического властвования», с одной стороны, определяется через психологическую составляющую, посредством концепта политическая воля. С другой стороны, понятие «механизмы политического властвования» – социологическое, поскольку политический процесс, выступая как упорядоченная последовательность взаимодействий политических акторов, в первую очередь определяется социетальным пространством, в котором он про-



исходит. Иначе говоря, речь идёт не просто о механизмах политического властвования, а о *социальных механизмах власти и влияния* как устойчивой системе единичных действий и взаимодействий политических акторов, связанных с реализацией властных интересов, и направленных на создание и воссоздание политических институтов.

С точки зрения методологии сравнительного анализа политических систем применение данной категории базируется на предположении о том, что «совокупность определяющих эти процессы явлений, факторов и зависимостей образует некий целостный феномен, исследование устройства которого позволяет глубже разобраться в изучаемых закономерностях» [2, с. 99]. Перспективность категории «социальный механизм» подтверждается

тем, что «она используется широким кругом обществоведов, причем в последние годы стала одним из базовых элементов методологии ряда социологических школ» [2, с. 99].

### Литература

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс. – 1990.
2. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социология и общество: пути взаимодействия. Материалы пленарного заседания Всероссийского социологического конгресса 21 октября 2008 года. Под ред. Осипова Г.В., Горшкова М.К. – М.: Вече. – 2010.
3. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс. – 1998.

## Социальные предпосылки распространения суицида в молодежной среде

Григорьева А.А.

Работа посвящена социологическому осмыслению молодежных суицидов в современном российском обществе. Отражены вопросы отношения современного молодого поколения к данному явлению, выявлены основные социальные предпосылки распространения суицида, основные тенденции и способы проявления этого явления.

*Ключевые слова:* демонстративный суицид, истинный суицид, импульсивный суицид, социальные предпосылки

Grigoreva AA

Social prerequisites of the spread of suicide among young people

The article is devoted to the sociological understanding of youth suicide in contemporary Russia. Issues of relationships of young people to the phenomenon are identified. The basic social prerequisites of suicide distribution, trends and methods of this phenomenon are revealed.

*Keywords:* demonstrative suicide, true suicide, affective suicide, social prerequisites

Явление суицида существовало на протяжении всей истории развития человечества. Отношение к самоубийствам в зависимости от конкретной эпохи, типа общества и его культуры было неоднозначным. Например, в хри-

стианстве данное явление безоговорочно осуждалось, а в японской культуре акт лишения себя жизни рассматривался как доказательство чистоты помыслов и намерений мужчин-воинов. Однако данное явление не имело столь широкого распространения в Древности и в эпоху Средневековья, которое оно получило в XX веке.

Как показывает анализ первоисточников, в XX веке огромное количество людей в разных странах перестали хотеть жить. В структуре научного знания существует совокупное мнение о том, что с переходом к современному типу общества люди отказались от компромиссов во многих сферах своей деятельности, а всеобщее нарастание конфликтов как внутрличностных, так и общественных породило череду самоубийств. В апреле 1910 года Венское психоаналитическое общество посвятило заседание проблеме само-



убийств, в заключение которого Фрейд отметил: «Воздержимся от суждения, предоставив человеческому опыту разрешить эту проблему» [3]. В результате проблема увеличения числа суицидов была признана неразрешимой на данном этапе развития общества. Позже в труде отечественного литературоведа Г. Чхартишвили «Писатель и самоубийство» XX век будет назван «Веком самоубийств» [4].

Как показывают статистические данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в мире на сегодняшний момент от самоубийств погибает больше людей, чем от войн и терроризма. За последние полвека количество суицидов выросло на 60 % [5]. Необходимо отметить, что данная статистика исключает суицидальные попытки, не завершившиеся смертью.

Среди людей, покончивших с собой, традиционно к группе риска относились мужчины среднего и пожилого возраста. Однако на данном этапе развития общества практически во всех странах мира наблюдается всплеск числа молодежных суицидов, поэтому молодежь в трети из этих стран с различным уровнем экономического развития отнесена к самой высокой группе суицидального риска.

Основой для выявления социальных предпосылок самоубийств служат те условия, которые формируются в обществе и оказывают влияние на социальную группу способную свести счеты с жизнью, в проведенном нами исследовании такой группой являлась молодежь.

Анализ социального облика молодежи, ее повседневной культуры отражает глубокие изменения, произошедшие в российском обществе: трансформацию его основных социальных институтов, стратификационных характеристик, основных смыслообразующих ценностей [1]. Все эти процессы, происходящие в современном российском обществе, преломляются в жизнедеятельности молодых людей и влияют на их ценности, взгляды, суждения и поведение. Молодежный суицид как одна из форм девиантного поведения часто

объясняется незавершенной социализацией, отсутствием жизненного опыта и неумением правильно определить жизненные ориентиры [2].

Анализ социологического научного знания позволил выделить два типа социальных предпосылок распространения суицидального поведения: объективные и субъективные предпосылки. Первый тип – объективный – существует независимо от воли и сознания человека; второй – субъективный – обусловлен особенностями существования конкретного индивида в окружающей его реальности и восприятием им этой реальности.

Научное обоснование теоретической концепции, отражающей специфику современного проявления традиционных и современных предпосылок молодежного суицида, послужило основой для выявления мотивации молодежного суицида, которая зачастую выражается через протест, призыв и месть.

Социологическое исследование, проведенное в рамках изучения социальных предпосылок в молодежной среде, дало возможность охарактеризовать два класса суицидов, происходящих в современном российском обществе. К первому классу относятся суициды, совершаемые людьми, страдающими психическими расстройствами и соматическими заболеваниями. Ко второму – суициды, совершаемые здоровыми людьми, но при сочетании объективных и субъективных предпосылок к самоубийству.

В современном российском обществе на данном этапе его развития и функционирования существуют две основные категории населения – молодежная среда и люди пожилого возраста, которые относятся к группе с высоким уровнем суицидального риска. Для молодежи наиболее характерным является демонстративный тип суицидального поведения, для людей пожилого возраста – истинный. Тем не менее, каждый из трех типов самоубийства: демонстративный, истинный, импульсивный – находит своё отражение как в молодежной среде, так и среди пожилого поко-

ления современного российского общества, что обуславливает специфику социальных предпосылок, свойственных каждому из трех типов суицида.

Социологический анализ традиционных предпосылок возникновения суицида и современных тенденций его проявления среди молодого поколения россиян позволил установить объективные и субъективные предпосылки суицидов в студенческой среде, среди которых наиболее распространенной предпосылкой являются лично-семейные конфликты.

В результате проведения данного исследования выявлена так называемая «скрытая» форма суицидального поведения – самоубийство посредством попадания индивида в дорожно-транспортное происшествие; а также виртуальная форма суицидального поведения, которая в настоящее время не представляет опасности для жизни и здоровья молодого поколения россиян, и ее проявление на любой из стадий реального суицидального поведения

(от замыслов до попытки суицида) может снизить риск совершения молодым человеком реального самоубийства.

Негативная роль СМИ и сети Интернет в трансляции и пропаганде исследуемого социального явления, приводит к расширению индивидуального знания о способе и попытках совершения суицида в обществе, что влечет за собой распространение данного социального феномена в молодежной среде.

### Литература

1. Лисовский В.Т. Социология молодежи. СПб, 1996.
2. Павленок П.Д., Руднева М.Я. Социальная работа с лицами и группами девиантного поведения. М.: ИНФРА-М. 2007.
3. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М., 1999.
4. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. – М.: Новое литературное обозрение, 1999.
5. <http://www.who.int>. Сайт «Всемирная организация здравоохранения»

## Социальные аспекты коммуникации в концепциях Юргена Хабермаса и Никласа Лумана

Гришенкова Е.В.

В работе проводится сравнительный анализ подходов к коммуникации в теориях Ю. Хабермаса и Н. Лумана. В результате был выделен ряд критериев, по которым проводилось различие подходов к коммуникации в системной теории Н. Лумана и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Автор рассматривает данные концепции также применительно к российской действительности.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативное пространство, социальная система, жизненный мир, консенсус, коммуникативное действие

Grishenkova E.V.

Social aspects of communication in Jürgen Habermas's and Niklas Luhmann's conceptions

A comparative analysis of the approaches to communication in J. Habermas's and N. Luhmann's theories has been conducted in the work. As a result several criteria have been marked out to draw a distinction of the approaches to communication between N. Luhmann's system theory and J. Habermas's theory of communicative action. The author views these conceptions also with reference to the Russian reality.

Key words: communication, communicative space, social system, lifeworld, consensus, communicative action

Проблема коммуникации в наше время стала особенно актуальной. Это объясняется, во-первых, тем, что коммуникативное пространство постоянно расширяется, во-вторых, возникают все новые способы передачи информации. Другими словами, отдельные личности, группы людей и даже целые общества постоянно находятся во взаимодействии, и коммуникация является неотъемлемой частью их существования.

В результате проведенного анализа двух подходов, которые не теряют



Таблица 1  
Результаты сравнительного анализа системной теории Н. Лумана и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса

Критерий	ЮРГЕН ХАБЕРМАС	НИКЛАС ЛУМАН
понимание социологии	Социология - это критика общества.	Социология – наблюдение общества, точнее, самонаблюдение и самописание общества.
система	Общество подразделяется на: 1. системы (экономика, политика) 2. жизненный мир (личная жизнь, культура, общественность)	Общество есть система. Экономика, политика, СМИ, семья, все социальные контакты и т.д. - всё это социальные системы.
коммуникация	«Коммуникативное действие» подразделяется на: 1) действие человека, ориентированное на взаимопонимание, согласие в жизненном мире или 2) стратегическое, ориентированное на успех действие в системах.	Коммуникация – это то, из чего состоит социальная система. Все социальные системы происходят исключительно из коммуникации.
субъект	Теория Ю. Хабермаса направлена на субъект. Отдельные индивиды осуществляют (или не осуществляют) коммуникативные действия.	Только социальные системы, а не люди могут коммуницировать.
цель коммуникации	Цель коммуникации в достижении консенсуса, общественного согласия.	У коммуникации нет цели. Коммуникация состоит в понимании разницы между сообщением и информацией.

своей актуальности и сегодня, были выделены основные сходства и различия обеих концепций, а также их значение в современной системе отношений между людьми. Говоря о сходствах, стоит отметить, что оба ученых считают, что коммуникация – это совместная актуализация смысла. В обеих концепциях авторы акцентируют внимание на социальных аспектах коммуникации. Большое значение они придают роли языка, а также рассматривают процесс коммуникации как призму, через которую следует рассматривать социокультурные явления и отношения между людьми. Что касается различий теорий Н.Лумана и Ю.Хабермаса, то они проявляются на уровнях их понимания социологии, системы, жизненного мира, субъекта и цели коммуникации (табл. 1).

Согласно подходу Н.Лумана, коммуникация – как источник с соленой водой: чем больше из него пьешь, тем больше хочется пить, т.е. процесс коммуникации бесконечен<sup>1</sup>. Ю. Хабермас пишет о том, что цель коммуникации – достижение консенсуса, соответственно после его достижения можно считать коммуникацию завершённой<sup>2</sup>. Научный интерес представляет исследование вопроса о том, возможна ли интеграция системной теории Н.Лумана и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

Рассмотрение социальных аспектов коммуникации в данных концепциях можно применить и для российской действительности: согласно теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, в России необходимо развивать гражданское общество, т.к. только в

нем возможны дискурс и коммуникативное действие<sup>3</sup>, а с точки зрения системной теории Н. Лумана, в условиях современного мирового общества (общества риска) необходимо пытаться сократить пропасть между обществом и интеракциями<sup>4</sup>.

Исследуемая проблема представляет большой интерес для дальнейшего изучения. Многообразие составляющих компонентов такого сложного понятия как коммуникация предоставляет самые большие возможности для его исследования под разным углом зрения. Необходимо более детально изучить социальный аспект коммуникации с учетом современного развития общества.

## Ценность многодетной семьи

Грудина Т.Н.

Раскрывается проблема ценности многодетной семьи в современном российском обществе. Рассматривается роль семьи в контексте важнейших жизненных ценностей россиян. Вывод автора заключается в том, что многодетная семья и ее особая значимость на общественном уровне должна быть основой демографической политики страны.

*Ключевые слова:* многодетная семья, семейный образ жизни, потребность в детях.

Grudina TN

The value of a family with two and more children

The article discusses the problem of families with two and more children importance in modern society in Russia. Their role as one of the most important values for Russian people has been analyzed. As a conclusion the author states, that demographic policy should be based on the idea of a family with two and more children.

*Key words:* families with two and more children, family, need for children

Многодетная семья в современном российском обществе явление достаточно редкое и весьма противоречивое. С одной стороны, многодетность воспринимается как высшая ценность, за которой стоит радость материнства, семейного счастья, проявление каких человеческих качеств, как любовь, жертвенность, ответственность и т.д. С другой стороны, многодетность ассоциируется с маргинальностью, безрадостным существованием, незащищенностью и нищетой.

## Ссылки:

1 Berghaus M. Luhmann leicht gemacht. Eine Einführung in die Systemtheorie. Kцln, Weimar, Wien: Bцhlau, 2011.

2 Современная социальная теория : Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Учеб. пособие / Сост., пер. и вступ. ст. А. В. Леденевой. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1995.

3 Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Юрген Хабермас; пер. с нем. под ред. Скляднева Д.В. СПб.: Наука, 2006.

4 Луман Н. Введение в системную теорию / Никлас Луман; пер. с нем. Тимофеевой К. под общ. ред. Дирка Беккера. М.: Логос, 2007.

Россия исторически связана с понятием многодетности – четверо-пятеро детей в семье было нормой. Однако в связи с трансформацией общества многодетная семья в настоящее время воспринимается иначе. Она имеет иное строение, жизненный уклад, поскольку существует в ином социально-экономическом контексте. Под многодетной сейчас принято понимать семью с тремя и более детьми. Несомненно, структура и образ жизни многодетной семьи со временем видоизменились. А изменилась ли ценность многодетной семьи как социальное явление?

Результаты многочисленных исследований говорят о том, что семья - одна из важнейших жизненных ценностей современных россиян, намного более значимая чем, например, интересная работа, материальное благополучие, успехи в профессиональной деятельности [1, 4]. Вместе с тем, семья - одна из наиболее неблагоприятных, кризисных сфер жизни. Это проявляется в неустойчивости браков, дезорганизации общения в семье и социализации детей, нуклеаризации и малодетности [4].



Потребность общества и потребность отдельной семьи в детях может не совпадать. Возможно, что некоторые супруги могут удовлетворить свои потребности в отцовстве и материнстве, дав жизнь и воспитание одному ребенку. Однако для расширенного воспроизводства населения нужно, чтобы каждая семья родила и воспитала в среднем больше двух детей [1,2]. Необходимо изменение демографического поведения населения в направлении создания не только экономических, но и разнообразных социальных условий для укрепления семьи с несколькими детьми.

Согласно взглядам Л.Е. Дарского, переход от многодетности к малодетности связан прежде всего с переоценкой ценностей, с изменением этической системы, господствующей среди населения. В рамках как семьи, так и на индивидуальном уровне, всегда происходит конкуренция потребностей, которая осуществляется на основе тех ценностей, которые являются более важными и первостепенными. И, если потребность в нескольких детях у индивидов достаточно высока, то, несмотря на экономические и социальные факторы, она будет реализована.

Проведенное сотрудниками кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова исследование «Образ жизни многодетных семей в России и задачи демографической политики» ставило своими целями изучение положения и образа жизни современных многодетных российских семей.

Выяснилось, что у многодетных матерей действительно совершенно иная система жизненных установок в сравнении с малодетными женщинами. Достижение жизненного благополучия у них связано прежде всего:

- с отношениями с детьми (90,3%);
- с прочностью семьи (89,5%);
- с супружескими отношениями (86,4%), т.е. с семейностью.

Также, данное исследование показало, что при всей сложности, противоречивости и маргинальности многодетной семьи, роли многодетной мате-

ри, никто из респондентов не винит в этом саму многодетность, никто не считает её ошибочной или жизненным промахом [1]. Многодетная семья – это не пережиток прошлого, а реальный шанс для построения нормального будущего.

Сейчас достаточно распространено мнение о том, что иметь семью – это «не модно». Поэтому необходимо формировать, причем в первую очередь у подрастающего поколения, ценность пожизненного, зарегистрированного брака с несколькими детьми, семейного образа жизни, благополучной многодетной семьи как положительной нормы. В этом плане достаточно велика роль школы, СМИ (включая интернет), которые должны повышать значимость семьи и семейного образа жизни. Для этого, по мнению известного демографа В.А. Борисова, необходимо переориентировать средства массовой информации на пропаганду «хороших» и «благополучных» многодетных семей, на пропаганду единственного, пожизненного брака. Необходимо поднять общественный престиж семьи, домашнего хозяйства как важного социального института, обыкновенной «рутинной» жизни, социальной роли мужа, отца, жены, матери. Общественный престиж женщины-хозяйки, жены, матери не должен уступать роли передовицы труда [2].

На наш взгляд, именно многодетная семья и ее особая ценность на общественном уровне должна быть основой демографической политики страны. Важно сделать многодетность престижной. Но одной информационной и экономической политики мало. Необходимо создать условия для нормальной жизни многодетных семей. Но это не только экономические условия, но и медицинские, образовательные, юридические, а также архитектурно-градостроительные.

### Литература

1. Антонов А.И. Многодетная семья в эру депопуляции (Результаты всероссийского исследования многодетных матерей). Демографические исследо-



вания», №№8–9, <http://www.demographia.ru>

2. Борисов В.А. Демографическая дезорганизация России: Избранные демографические труды. Редактор-составитель А.И. Антонов. М.: «NOTA BENE», 2007.

3. Дарский Л.Е. Проблема изучения факторов рождаемости // Рождаемость. М.: Статистика, 1976.

4. Елизаров А.Н. Роль духовных ценностных ориентаций в процессе интеграции семьи // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 1997. - №3. - С. 59 - 67.

5. Марковская Н.Г. Место семьи в системе ценностных ориентаций личности: Автореф. дисс. канд. социол. наук. М., 1990.

## Социология кризисного управления

Грызунова Е.А.

В публикации рассмотрены основные теоретико-методологические и прикладные проблемы и перспективы изучения кризисного управления в рамках социологии. *Ключевые слова:* кризис, кризисное управление, антикризисные коммуникации, системные нарушения, системный подход, информационное пространство, информационный вирус, кибернетика, синергетика.

Gryzunova E.

Sociology of Crisis Management

The publication analyses general theoretical, methodological and applied challenges and perspectives of sociological studying of crisis management.

*Key words:* crisis, crisis management, crisis communication, system disruptions, system approach, information field, informational virus, cybernetics, synergetics.

Современная эпоха характеризуется амплификацией кризисных явлений различного характера: последствия терактов, социальных и экономических потрясений, катастроф и эпидемий усилились за счёт глобализации, новых технологий и информатизации. Кризис – это любое нарушение привычного состояния социальной системы, которое, неся в себе угрозу как структурам и функциям организаций, так и ценностям и нормам социальных групп, требует принятия управленческих решений в условиях дефицита информации и времени [3]. Характеристики кризисной ситуации: наличие угрозы; внезапность; эскалация событий; потеря контроля; нарастание вмешательства внешних сил; паника; усиление внимания к объекту кризиса [1]; неизвестность; восприятие ситуации как кризисной [3]; нарушение ожиданий и представлений об объекте кризиса [5].

Под кризисным управлением понимается комплекс организационных действий по минимизации негативных факторов системных нарушений, осуществляемый на предкризисном, кризисном и посткризисном этапах [3]. На сегодняшний день особые формы управленческих отношений и механизмы, применяемые в кризисном управлении, входят в предмет изучения социологии управления и требуют отдельного, более тщательного рассмотрения и научного осмысления. Теоретико-методологическими проблемами являются: характеристика и типология кризисных явлений, соотношение термина «кризис» с родственными понятиями и их иерархия, взаимосвязь кризисного управления с другими видами управления, кризисное управление с точки зрения различных парадигм и системных подходов. Эти исследования могут иметь колоссальное прикладное значение для применения в решении глобальных проблем, в государственном управлении или руководстве частными компаниями. Практические перспективы – формулировка рекомендаций по созданию социальных кризисных технологий и оценке их эффективности.

Понятие «кризис» соотносится со следующими группами логически взаимосвязанных явлений:

1) риск (risk), угроза (threat), опасность (hazard/ danger) и vulnerability (уязвимость);

2) чрезвычайная ситуация





(emergency), бедствие (disaster) и катастрофа (catastrophe/calamity);

3) авария (accident), провал (failure) и должностное преступление (executive malfeasance);

4) коллективное потрясение (collective stress) и массовая депривация (mass deprivation) [2];

5) транссистемный социальный излом (trans-system social rupture, TSSR) [6], социально усиленные кризисы и бедствия (socially amplified crises and disasters, SACD) [6], повреждение критической инфраструктуры (critical infrastructure breakdown, CI breakdown) [4].

Если бедствие, чрезвычайная ситуация и катастрофа обязательно подразумевают наличие физического ущерба в той или иной форме, то кризис несёт социальные последствия и развивается в субъективной плоскости коллективного осознания [3] – кризисной является та ситуация, которая воспринимается как таковая [5]. Причиной кризиса может стать как реальное происшествие, так и слух или информационный вирус, запущенный в медиапространство [7].

Таким образом, одна из социологических парадигм, в рамках которой может изучаться кризис и антикризисное управление – символический интеракционизм [3]. Одним из методов измерения как степени усугубления кризисной ситуации, так и успешности антикризисных мер является в рамках данной парадигмы контент-анализ информационного пространства (СМИ и Интернета). Показателями успешных антикризисных коммуникаций в таком случае будет считаться восприятие кризиса как незначительного, доминирование официальной версии событий и положительной оценки действий организации в информационном пространстве.

Изучение объективных показателей кризиса возможно в рамках структурного функционализма [3]. Степень кризиса определяется в соответствии со степенью нарушения социальной структуры объекта. Под этим подразумевается изменение характера привычных социальных взаимодействий (например, забастовки на производстве) и возникновение дисфункций организации. Успеш-

ность антикризисных мероприятий определяется восстановлением нормального состояния системы. Обе парадигмы могут быть применимы параллельно и взаимосвязано.

С позиций кибернетического подхода восприятие кризиса – негативное, он рассматривается как следствие управленческой ошибки. Причиной кризиса является несогласованность организационных целей (когда элементы системы собственные интересы ставят выше интересов системы), а также недостаток информации о рисках и уязвимостях. Кибернетический подход делает акцент на предкризисный этап, включающий построение устойчивой к кризисам организационной структуры и внутренних коммуникаций, а также анализ рисков и уязвимостей путём экспертных оценок или с использованием информационных технологий, в частности, нейронных сетей. Исход кризиса зависит от полноты внешней информации и беспрепятственной циркуляции внутренней информации, что полностью обеспечивает предкризисный этап.

Синергетический подход предполагает положительное восприятие кризиса. Кризис – это возможность развития и совершенствования самоорганизующейся системы. Без кризисов любая организация переходит в период стагнации и деградирует. С точки зрения синергетики, основным является посткризисный этап, на котором происходит анализ ситуации и внесение изменений. В результате правильно организованного управления кризисом организация может выиграть. Положительными последствиями кризиса могут быть: в поле субъективного восприятия – повышение репутации организации, в поле структуры и функций – её модернизация и усовершенствование.

### Литература

1. Галумов Э.А. Основы PR. М., Летопись XXI, 2004.
2. Barton A.H. Disaster and collective stress // Perry R.W., Quarantelli E.L. What is a Disaster? New Answers to Old Questions. Philadelphia, PA: Xlibris, 2005. С. 125-152.

3. Boin A. From Crisis to Disaster: towards an Integrative Perspective // Perry R.W., Quarantelli E.L. What is a Disaster? New Answers to Old Questions. Philadelphia, PA: Xlibris, 2005. С. 153-172

4. Boin A, McConnell A Preparing for Critical Infrastructure Breakdowns: The Limits of Crisis Management and the Need for Resilience // Journal of Contingencies and Crisis Management, Volume 15, # 1, 2007. С. 50-59.

5. Coombs T.W. Ongoing crisis communication: planning, managing, and responding. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc., 2007.

6. Quarantelli E.L., Lagadec P., Boin A A heuristic approach to future disasters and crises: New, old and in-between types // Rodriguez H., Quarantelli E.L., Dynes R. Handbook of Disaster Research. New York: Springer, 2006. С. 16-41.

7. Wynter L.E. Word of Mouth Can Be A Weapon // Wall Street Journal, 16.10.1993.

### Социокультурные основания возникновения экстремизма

Гуськов Д.В.

Автор анализирует механизм возникновения экстремизма в периоды смены социокультурных норм и ценностей в обществе. Кроме того в указанном научном материале

*Ключевые слова:* экстремизм, экстремус, социокультурные нормы, социокультурная среда.

Guskov D.V.

Social and cultural grounds of extremism

The author examines the mechanism of extremism in periods of change of socio-cultural norms and values in society.

*Key words:* extremism, extremus, socio-cultural norms, socio-cultural environment

Экстремизм – это сложное и многогранное явление, исследуемое несколькими смежными научными дисциплинами, цель которых найти причинно-следственную связь, обуславливающую его возникновение как феномена, классифицировать формы проявления данного феномена в жизнедеятельности человека и общества. В связи с данным обстоятельством экстремизм как научная категория имеет целый ряд трактовок. В настоящее время существуют различные методологические подходы к определению экстремизма как научной категории.

Слово «экстремизм» происходит от латинского *extremus* «экстремус», что означает «крайний». В самом широком смысле экстремизм принято определять как приверженность к крайним взглядам, мерам, действиям и решениям. Экстремизм относится к ряду

таких явлений, которые затрагивают значительное количество людей.

В науке одно и то же понятие может иметь несколько значений. В каждой науке для исследования сходных явлений и процессов применяются свои термины, поэтому иногда несколько наук используют один, по-разному трактуемый термин.

Большинство существующих трактовок и определений экстремизма в основном характеризуют его с различных позиций, проявляющееся в различных сферах жизнедеятельности человека и общества. Экстремизм в настоящее время в основном характеризуется как политическое, юридическое, психобиологическое и психосоциальное явление, но не как социокультурное явление. Хотя социокультурные основания и факторы возникновения, развития и протекания экстремизма также имеют место.

Порождающими экстремизм в социокультурной среде могут быть как негативные, так и позитивные факторы социально-экономического и социокультурного характера, деформирующие социокультурную среду.

Проблема экстремизма как социокультурного явления лежит в плоскости проблем развития культуры и динамики социальных норм.

Социальная норма закрепляет большей частью такое поведение, которое



выражает типичные социальные связи и отношения, характерные для большинства представителей данной социальной общности [1, 74 – 75].

Социальная норма как явление имеет ряд специфических характеристик (свойств), при помощи которых она выполняет свою главную функцию – регулирование социальных отношений внутри определенной социальной группы, а также между различными социальными группами.

К таким специфическим характеристикам нормы можно отнести следующие:

- полезность или общественная необходимость;
- обязательность соблюдения;
- фактическая реализация в поведении индивидуумов внутри социальной группы.

А культура же как совокупность способов и приемов человеческой деятельности (материального и духовного порядка) опирается на две стороны развития:

- поисково-экспериментальную, революционную,
- нормативно-охранительную, консервативную.

Утрата социальными нормами своих функций, а также рассогласование данных сторон культуры, её консервативно-традиционалистского и поисково-экспериментального аспектов ведет к экстремизму.

Особенности взаимодействия индивидуума и общества в рамках регулирования норм и правил, а также их динамики выражаются в таких категориях как условия и факторы.

Через анализ условий и факторов как объективных, так и субъективных можно выявить социокультурные противоречия, являющиеся причинами проявления экстремизма.

Данные противоречия можно разделить на две большие группы:

- Противоречия между индивидуумом и социумом;
- Противоречия между различными социумами.

Одним из основных условий, являющихся катализаторами социокультур-

ных противоречий, является условие утраты социальными нормами своих специфических характеристик, которые позволяют им осуществлять регулятивную функцию. В результате происходит конфликт «новых» и «старых» норм, итогом которого может быть замена устаревших норм на новые, сопровождающаяся проявлениями экстремизма как по отношению в прежним, так и новым нормам. Указанное условие порождает ряд как негативных, так и позитивных факторов, которые могут проявляться на уровне противоречий как между социумом и индивидуумом, так и между различными социумами. Естественно, что возникновение экстремизма определено взаимодействием негативных факторов социальной среды, порождаемых в условиях утраты социальными нормами своих функций в ходе социокультурной динамики, формирующихся во время различных экономических, политических и социокультурных преобразований.

Кроме того, в ряду условий, являющихся катализаторами социокультурных противоречий, можно назвать условие невосприимчивости и отторжения социокультурных норм одной социальной общности другой социальной общностью и наоборот. Смыслы одной культуры не переводятся без остатка на язык другой культуры, что иногда трактуется как несоизмеримость различных культур и невозможность диалога между ними. Однако, данный диалог возможен на индивидуальном уровне, так как в диалог вступают не сами культуры, а люди, для которых соответствующие культуры очерчивают специфические смысловые и символические границы. Данным обстоятельством может объясняться фактор страха перед «чуждым», «незнакомым».

На персональном уровне предпосылки социального экстремизма проявляются в форме этнической, классовой неприязни, агрессии, страха перед «чуждым» [2, 113 – 124]. На уровне социума экстремизм может проявляться в процессе взаимодействия различных социальных групп, этнических и религиозных общностей. В указанных обсто-

яательствах может возникнуть кризис, вызванный внедрением чуждых социальных норм в результате процесса взаимодействия социальных общностей и их культур. Спонтанное стремление к преодолению кризиса со стороны членов социальной общности порождает ряд следствий, которые могут выступать предпосылками социального экстремизма, а именно: появляется крайне враждебное отношение к другим социальным, этническим группам,

усиливается традиционализм, растут проявления ксенофобии.

### Литература

1. Кудрявцев В.Н., Нерсесянц В.С., Кудрявцев Ю.В. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. – М.: Юрид. Лит.: 1984, - 320 с.

2. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма / Э.А. Паин // Общественные науки и современность. – 2002. - № 4. – С. 113-124.

## Инфорсмент, или как белорусские работники защищают свои трудовые права

Мартинкевич А.В.

Анализируются ситуации принуждения работодателя к исполнению своих трудовых обязательств в отношении работника. На основе статистических данных рассматривается деятельность судебной системы, государственной инспекции труда и профсоюзов как основных посредников при разрешении трудовых споров. На основе данных социологического исследования выявляется наиболее предпочтительная по оценкам работников форма защиты трудовых прав.

*Ключевые слова:* инфорсмент, трудовой контракт, трудовые права, работник, работодатель, рынок труда, обеспечение исполнения контракта

Martinkevitch A.V.

Enforcement – the ways of employment rights defense by Belarusian employees

In the article the situation of enforcement practices used by employees for their defense are analyzed. On the basis of the statistical data the activity of judicial system, state inspection of labour and trade unions is studied. On the basis of the results of sociological research the most preferable form of defense employees' labour rights is revealed.

*Key words:* enforcement, employment contract, employment rights, employee, employer, labour market, enforcing contracts

На современном этапе развития любого общества именно законодательство, обеспечивающее функционирование тех или иных социальных сфер, является залогом стабильности и гарантом безопасности. Не является исключением и законодательство в области труда, которое обеспечивает функционирование всего рынка труда. Законом представляются все средства для защиты прав работников и работодателей. Но проблема всех законов (ко-

дексов, постановлений и т.д.) в том, что не всегда прописанные в них истины соблюдаются на практике, т. е. существует вечное противоречие между известными латинскими выражениями «де-юре» и «де-факто». Очень часто на практике случается так, что работник, несмотря на широкие законодательно закрепленные возможности, оказывается совершенно беззащитным, а организации-посредники, призванные охранять его трудовые права, «лишь на бумаге» могут разрешить сложившиеся противоречия. Это приводит к необходимости постоянного зондирования положения работника и работодателя, а также изучения различного рода государственных органов на предмет их эффективности в сфере защиты трудовых прав как работника, так и работодателя.

В случае если работодатель по каким-либо причинам начинает нарушать трудовые права работника, то перед работником возникает необходимость выбора между несколькими возможными стратегиями поведения:

1. *Сменить место работы.* Однако, как отмечает главный специалист социально-экономических программ Центра социально-трудовых прав Бизюков П.В., не у всех есть квалификация, позволяющая менять место работы, не

все располагают такими возможностями в силу возраста, состояния здоровья, личных и семейных обстоятельств [1; 52].

2. *Остаться на прежнем месте работы, но не предпринимать никаких действий для защиты своих трудовых прав.* Выбор данной стратегии в случае вышеназванных обстоятельств может привести к возникновению такого феномена, как деформация трудового поведения. Под деформацией трудового поведения доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной психологии Уральского государственного экономического университета Шаталова Н.И. понимает искажения, причиной которых является влияние как внешних, так и внутриличностных сил, которые действуют взаимозависимо и взаимообусловлено, усложняя общую картину социодинамики [2; 26]. При этом указанный автор выделяет следующие деформации трудового поведения: рестрикционизм (минимизация производительности труда), избыточная интенсивность труда, некомпетентность, ригидность (неспособность человека к изменениям, необходимым для выполнения работы), боязнь самовыражения, бедность ролевой структуры, закрытость личности [2; 26].

3. *Остаться на прежнем месте работы, но предпринимать все возможные действия для защиты своих трудовых прав, нарушаемых работодателем.* Именно о реализации работником указанной стратегии поведения в случае нарушения его трудовых прав работодателем и пойдет речь в данной работе.

Следует отметить, что взаимоотношения между работником и работодателем в рамках определенной организации регулируются различными *внешними нормативно-правовыми документами*, с помощью которых государство осуществляет управленческую функцию в отношении тех или иных организаций, а также *внутренними соглашениями*, которые во многом определяются внутриорганизационной средой (в частности, административной подсистемой организации). Среди ос-

*новных* внешних нормативно-правовых документов, регулирующих сферу труда в Республике Беларусь, можно выделить Конституцию Республики Беларусь, Трудовой кодекс Республики Беларусь.

В качестве *внутреннего соглашения*, регулирующего порядок взаимодействия между работником и работодателем, выступает *трудовой договор*. В рамках трудового договора можно выделить две ключевые стороны: имплицитная и эксплицитная стороны [4; 12]. *Имплицитная сторона* отражает внутренний подтекст договора (т.е. то, что не писано). В данном случае акцент делается на молчаливое понимание и признание сторонами обязанностей, которые не подкреплены юридической и внешней защитой. Основа данной стороны договора – вера субъектов контракта в честность и порядочность друг друга. *Эксплицитная сторона* представлена в виде пунктов (статей), зафиксированных в трудовом договоре в письменном виде.

Соотношение эксплицитной и имплицитной сторон определяет характер заключаемого договора и во многом определяется правовой культурой, общепринятыми нормами поведения работника и работодателя, корпоративным менеджментом, типом права, культурно-исторической традицией, типом фирмы. Однако объем реальных трудовых прав наемных работников сегодня определяется в основном волей работодателей, их правопослушностью, выгодностью для них следования трудовым нормам, а также характером взаимной (часто неформальной) договоренности работодателей с наемными работниками. Следует отметить, что именно превалирование имплицитной стороны трудового договора создает благоприятную почву для возникновения инфорсменты в отношениях между работником и работодателем.

Использование английского термина «*enforcement*» в отечественной литературе обусловлено отсутствием адекватного по своей лакоичности русского термина. Суть глагола «*force*», лежащего в корне данного термина,

означает «принуждать», т.е. этот термин означает принудительное применение права (закона), принудительное проведение в жизнь, принуждение к выполнению требований [5; 48]. Применительно к заявленной теме принуждение может рассматриваться как противоборство работника, имеющее целью добиться соблюдения своих трудовых прав, зафиксированных в различных нормативно-правовых документах (к примеру, в Трудовом кодексе). При этом особый интерес представляет то, какими способами работник в случае нарушения его прав в области труда будет добиваться их соблюдения. Можно выделить следующие способы (одновременно виды инфорсмент), которыми работник может воспользоваться для защиты своих трудовых прав [6]:

- **формальный инфорсмент**, предполагающий обращение работника к официальным посредникам при защите своих трудовых прав. Также работник в рамках данного вида инфорсмента может выступать пассивной стороной, в случаях, если официальные посредники, специализирующиеся на защите трудовых прав работников, самостоятельно проводят проверки руководителя на предмет нарушения норм трудового законодательства.

- **неформальный инфорсмент**, предполагающий обращение работника к неофициальным посредникам при защите своих трудовых прав (к политикам, СМИ и др.).

- **самоинфорсмент**, предполагающий самостоятельные действия работника в рамках норм трудового законодательства и без обращения к посредникам инфорсмента.

- **самозащита**, предполагающая самостоятельные действия работника вне норм трудового законодательства и без обращения к посредникам инфорсмента.

Официальными посредниками при разрешении трудовых споров выступают: *судебная система, государственная инспекция труда, профсоюзы.*

Для комплексного рассмотрения институциональной среды в сфере труда следует рассмотреть каждую из ука-

занных организаций-посредников в отдельности. В период с 2006 по 2010 гг. объемы *гражданского правосудия* возросли за счет более активного использования гражданами судебной формы защиты нарушенных прав и своих законных интересов. Количество рассмотренных судами дел искового производства возросло на 21 тысячу споров. При этом абсолютное большинство заявленных требований (более 93 %) нашли свое подтверждение и удовлетворены судами. Количество трудовых споров о взыскании заработной платы возросло за исследуемый период в 1,3 раза и достигло 4 тысяч в 2010 г.; число дел о восстановлении на работе увеличилось в 1,6 раза (табл. 1).

Таблица 1  
Показатели деятельности судебной системы, 2006-2010 г.

Источник: Министерство юстиции Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Система юстиции в Республике Беларусь. Минск, 2007-2011. Режим доступа: [http://www.minjust.by/ru/site\\_menu/deyat\\_min/courts\\_rb](http://www.minjust.by/ru/site_menu/deyat_min/courts_rb). Дата доступа: 02.05.2012.

Рассмотренные судами трудовые споры	2006	2010
Трудовые споры о восстановлении на работе (кол-во дел/год)	186	298
Трудовые споры о взыскании заработной платы (кол-во дел/год)	3145	4041
Нагрузка на одного судью возросла более чем в полтора раза (кол-во дел/месяц)	64	97

Согласно статистике Национального статистического комитета Республики Беларусь, уволенные работники составляют примерно 1/5 численности всего занятого населения (874,1 тыс. человек) [7; 142]. Вполне логично предположить, что какая-то часть увольнений происходила с нарушением трудового законодательства. При этом приведенные данные фиксируют рост формального инфорсмента с привлечением такой организации-посредника, как суд. С одной стороны, подобную тенденцию можно связать с улучшением работы рассматриваемой организа-

ции, с другой стороны, можно предположить, что возрос также и спрос на услуги судебной системы.

Департамент государственной инспекции труда (ГИТ), действующий под управлением Министерства труда и социальной защиты выполняет функцию осуществления контроля за исполнением трудового законодательства. Центральное место всей деятельности ГИТ занимает мониторинг ситуации с охраной труда. Наряду с данным разделом ГИТ также акцентирует внимание на вопросах заработной платы, в частности, своевременности ее выплат.

Говоря о масштабах деятельности ГИТ, следует отметить тенденцию повышения количества проверок организаций, в том числе и проверок, связанных с выплатами заработной платы. Как следствие, возросло количество выявленных нарушений и предписаний на их устранение (табл. 2).

Таблица 2  
Показатели деятельности Государственной инспекции труда, 2006-2010 г.  
Источник: Охрана труда в Беларуси [Электронный ресурс] / Итоги работы Министерства труда. Минск, 2007-2011. Режим доступа: <http://www.otb.by/news/2133-itogi-raboty-ministerstva-truda>

Показатели деятельности ГИТ	2006	2010
Количество проверок организаций (тыс.)	5,8	8,6
Количество выявленных нарушений (тыс.)	78,0	89,0
Количество выданных предписаний об устранении нарушений (тыс.)	5,6	7,0
Привлечено нанимателей к административной ответственности за нарушения законодательства о труде и об охране труда (тыс.)	2,9	3,2
Количество проверок, связанных с выплатами заработной платы (тыс.)	1,4	1,9

Еще одним органом контроля над соблюдением трудового законодательства в отношении наемных работников

является профсоюз. Несмотря на то, что на современном этапе профсоюзы не имеют права наложить вето на увольнение работника, а также имеют ограниченные возможности при участии в судебных рассмотрениях трудовых споров, тем не менее профсоюзы обладают достаточным набором средств, с помощью которых они могут осуществлять мониторинг и контроль за степенью соблюдения законов о труде.

Если рассматривать статистические данные о деятельности профсоюзных организаций в Республике Беларусь, то следует отметить, что общее число выявленных профсоюзами нарушений законов о труде увеличилось в 1,2 раза – с 26,7 тысяч до 32,2 тысяч (табл. 3). Это может свидетельствовать, с одной стороны, о снижении законопослушности белорусских работодателей, а с другой стороны, об усилении активности профсоюзов.

Таблица 3  
Показатели деятельности профсоюзов в сфере защиты трудовых прав работников, 2006 – 2010 г.  
Источник: Федерация профсоюзов Беларуси [Электронный ресурс] / Центр охраны труда. Минск 2007. Режим доступа: [http://www.fpb.by/ru/menu\\_left/protection](http://www.fpb.by/ru/menu_left/protection). Дата доступа: 08.05.2012.

Показатели деятельности профсоюзов	2006	2010
Количество нарушений трудового законодательства, выявленных профсоюзами (тыс.)	26,7	32,2
Количество работников, восстановленных на работе при содействии профсоюзов (тыс.)	1,5	2,0

Несмотря на наличие возможностей контроля за действиями работодателей и положительную динамику количества нарушений трудового законодательства, выявленных профсоюзами, экспертами критикуется ситуация, когда представитель профсоюза, призванный защищать права работников на предприятии, назначается из числа служащих предприятия путем коллективного голосования работников предприятия [8; 28]. Такое положение дел,

с одной стороны, дает работнику (служащему) статус «надзирателя» за соблюдением прав других работников на предприятии, но, с другой стороны, он как служащий остается зависимым от администрации предприятия, что, конечно же, оказывает существенное влияние на его деятельность как профсоюзного активиста.

На современном этапе развития законодательства о труде ряд международных организаций идут по пути выстраивания балльных оценок, открывающих возможность для международных сопоставлений степени эффективности законодательства в трудовой сфере. Среди таких организаций выделяются:

1. ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития)

2. МФК (Международная финансовая корпорация)

Степень эффективности законодательства той или иной страны в трудовой сфере отражается с помощью специальных индексов, называемых «индексами жесткости». Идея этих индексов проста: *сравнить в унифицированной (цифровой) форме жесткость трудового законодательства разных стран между собой*. Чем более жестким являются законодательные предписания, тем выше вероятность, что экономические агенты станут «отклоняться» от их исполнения.

Следует отметить, что Республика Беларусь не входит в список стран-участниц ОЭСР, для которых ежегодно подсчитываются индексы жесткости законодательства о труде, поэтому и говорить о методике ОЭСР, равно как и о приводимой данной организацией статистике не представляется целесообразным. Тем не менее, Международная финансовая корпорация также занимается подсчетом «индексов жесткости», и в список стран, для которых эти индексы подсчитываются, Беларусь уже входит. Применительно к заявленной теме следует акцентировать внимание именно на *обеспечение исполнения контрактов*. Этой области в докладе МФК посвящен целый раздел, ориентированный на оценку эффектив-

ности принудительных мер по соблюдению условий контрактов путем рассмотрения эволюции платежных споров и исследования времени, затрат и процедур, вовлеченных в процесс с момента подачи иска в суд до осуществления платежа за оказанные судебные услуги. В 2012 году рейтинг Беларуси по этому показателю составил 14. Рассматриваемый показатель включает следующие индикаторы [9]:

**1. Процедуры (количество)** – среднее число процедур для обеспечения исполнения контракта. Перечень процедурных шагов, составленный для каждой страны, отслеживает хронологию рассмотрения коммерческого спора в соответствующем суде. Под процедурами понимается взаимодействие между сторонами или между сторонами и судьей. Процедуры включают в себя подачу иска, процесс рассмотрения иска в суде, вынесение судебного решения и обеспечения его выполнения.

**2. Срок (дни)** – время на разрешение спора, рассчитанное с момента подачи судебного иска до осуществления платежа. Учитываются как дни судебного разбирательства, так и периоды ожидания между ними.

**3. Судебные издержки (в % от стоимости иска)** – затраты в форме судебных издержек и гонораров адвокатам, когда использование адвокатов является обязательной или обычной практикой, выраженные как процент от стоимости долга.

Пользуясь данной методологией МФК можно говорить о следующем: для принуждения работодателя к исполнению контрактов в Беларуси в 2012 году надо пройти 29 процедур (в странах Восточной Европы и Центральной Азии – 37,1, в странах ОЭСР – 30,6). На прохождение этих процедур надо потратить 275 дней. Это почти в полтора раза короче, чем в Европе и Центральной Азии (412 дней). Страны ОЭСР также имеют худший показатель (518 дней). Стоимость процедуры взыскания (судебные издержки) составляет 23,4 % его размера (в странах Европы и Центральной Азии эта цифра равняет-



ся 27,3 %, в странах ОЭСР – 19,7 %) (табл. 4).

Таблица 4  
Обеспечение исполнения контрактов в 2012 году  
Источник: Всемирный банк [Электронный ресурс] / Проект «Doing business». Минск 2012. Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreconomies/belarus#enforcing-contracts>.

Индикаторы	Беларусь	Европа и Центральная Азия	ОЭСР
Процедуры (количество)	29	37,1	30,6
Срок (дни)	275	412	518
Судебные издержки (% от стоимости иска)	23,4	27,3	19,7

При этом, если сравнивать Республику Беларусь по данному показателю с некоторыми европейскими странами, то можно констатировать следующее: Республика Беларусь опережает ряд европейских стран в указанной сфере законодательства, в частности, Бельгию, Великобританию, Венгрию, Швейцарию и Швецию. Следует отметить, что Беларусь, несмотря на более низкий рейтинг, опережает по ряду показателей некоторые страны с более высокими рейтингами. К примеру, если сравнить показатели Люксембурга, который обладает наилучшей системой процедур принуждения к исполнению контракта (по крайней мере, среди стран, для которых рассчитывается статистика МФК), с показателями Республики Беларусь, то можно констатировать, что Республике Беларусь есть, к чему стремиться в области повышения качества инфорсменты, хотя по сроку прохождения процедур она опережает Люксембург (225 дней и 321 день соответственно) (табл. 5).

Выявить предпочтения работников в выборе способов защиты своих трудовых прав позволяют именно социологические исследования. При этом если в Российской Федерации практика подобных исследований существует довольно продолжительный период

времени (к примеру, работы Т.И. Заславской, М.И. Шабановой, М.В. Курбатовой и др.), то в Республике Беларусь изучение феномена инфорсменты контрактного взаимодействия работника и работодателя до недавнего времени ограничивалось лишь анализом данных статистического учета формальных агентов-гарантов, прописанных в Трудовом кодексе Республики Беларусь, работник же как субъект права и его отношение к своим правам и механизм их реализации оставались всегда «за кадром», что, конечно же, подтверждает целесообразность социологических исследований по рассматриваемой проблеме.

Таблица 5  
Сравнение уровня обеспечения контрактов в 2012 по различным странам

Источник: Всемирный банк [Электронный ресурс] / Проект «Doing business». Минск 2012. Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org/rankings>. Дата доступа: 08.02.2012.

Страны	Рейтинг	Индикаторы		
		Процедуры (кол-во)	Срок (дни)	Судебные издержки (% от стоимости иска)
Беларусь	14	29	275	23,4
Бельгия	20	26	505	17,7
Финляндия	11	33	375	13,3
Великобритания	21	28	399	24,8
Венгрия	19	35	395	15,5
Германия	8	30	394	14,4
Люксембург	1	26	321	9,7
Франция	6	29	331	17,4
Швейцария	23	32	390	24
Швеция	54	30	508	31,2

В ноябре-феврале 2010-2011 гг. отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси было проведено исследование «Проблемы эффективного управления трудовыми коллективами на предприятиях электроэнергетической отрасли промышленности Республики Беларусь». Данное исследование было проведено под научным руководством профессора Г.Н. Соко-

ловой, где автор является участником исследования, с блоком вопросов по информсменту, по теме диссертации Е.Б. Палховской. В исследовании, сформированном по квотно-пропорциональной выборке, было опрошено 510 человек. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95%-ной вероятностью, составила +/-5%. Репрезентативность выборки позволяет экстраполировать данные выборочного исследования на генеральную совокупность – работников электроэнергетической отрасли.

Результаты проведенного исследования показали, что 28,6 % работников отметили, что сталкивались с ситуацией нарушения их трудовых прав. Чаще других категорий респондентов с нарушением трудовых прав сталкивались рабочие (до 44,4 %) (табл. 6).

Таблица 6  
Ситуации нарушения трудовых прав работников, %

Сталкивались ли Вы с ситуацией нарушения Ваших трудовых прав?	Руководитель	Специалист и служащий	Рабочий	Всего
Да	22,2	29,7	44,4	28,6
Нет	77,8	70,3	55,6	77,4

Большинство респондентов (51,9 %) не обращались за помощью третьих лиц в ситуации нарушения их трудовых прав, так как не верят в эффективность подобных обращений. 19,9 % обращались за помощью, но это не помогло; еще 16,7 % респондентов получили необходимую помощь, и это помогло разрешить сложную ситуацию. Чаще других категорий респондентов о фактах полученной помощи говорят руководители (до 100 %). Рабочие, напротив, чаще других социально-профессиональных групп не верят в успех при обращении за помощью в ситуации нарушения трудовых прав.

Необходимо отметить, что 26,1 % респондентов в процессе защиты своих трудовых прав обращались за помощью в свой трудовой коллектив или профсоюз. 6,5 % прибегали к помощи

влиятельных знакомых или родственников. Лишь 4,3 % работников в процессе защиты своих трудовых прав обращались в государственную инспекцию труда, в региональные и местные органы власти или суд обращались 3,3 %.

При ответе на вопрос «Какая организация способна наиболее эффективно защитить ваши трудовые права?», мнения респондентов распределились следующим образом: 35,3 % работников считают, что такой организацией является суд; 23,1 % – полагаются на государственную инспекцию труда; 15,6 % – на профсоюз; 0,6 % считают, что для защиты трудовых прав можно использовать СМИ. Однако 25,4 % работников не верят в эффективность ни одной из вышеназванных организаций (рис.1) Наиболее часто данную позицию выбирали специалисты (31,9 %), служащие (41,2 %) и квалифицированные рабочие (41,2%).

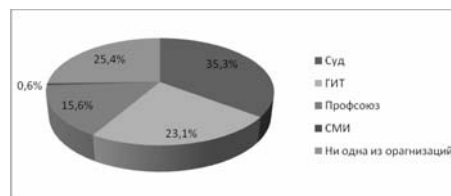


Рис. 1. Оценка работниками эффективности организаций, способных защитить трудовые права, %.

34,7% считают, что использование влиятельных родственников, знакомых может быть эффективным в разрешении ситуаций, связанных с нарушением трудовых прав. Чаще других категорий респондентов данный способ решения вопросов предпочитают руководители высшего звена (55,5 %).

Респондентам было предложено выбрать, какая организация, по их мнению, способна помочь при возникновении конкретных проблем в обеспечении трудовых прав. Были получены следующие результаты: большинство респондентов будут обращаться в суд при необходимости возврата денежных средств, удержанных из зарплаты (55%); обеспечении защитой в случаях увольнения или сокращения (45%).

Большинство работников предпочитают обратиться в государственную инспекцию труда при необходимости обеспечения рабочим местом, соответствующим трудовым нормам (48,5%); при несоблюдении на предприятии безопасности во время труда (60%). В профсоюз работники считают необходимым обращаться при решении следующих проблем: обеспечении установленного трудовым кодексом режима труда и отдыха (55,4%); обеспечении выплат положенных компенсаций, премий, зарплаты в положенные сроки и в положенных размерах (46,4%); обеспечении спецодеждой, специальной обувью, средствами индивидуальной защиты (51,9%).

Следует отметить, что профсоюз выступает в качестве посредника при разрешении большинства ситуаций, связанных с нарушением трудовых прав, однако эффективность его действий при разрешении данных ситуаций очень низкая. В ходе анализа были скоррелированы два вопроса – «Обращались ли Вы за помощью в профсоюз в процессе защиты Ваших трудовых прав?» и «Какая организация наиболее эффективно способна защитить Ваши трудовые права?». Из первого вопроса наибольший интерес представляла позиция «да». Из второго вопроса – позиция «профсоюз». Следует отметить, что в первом вопросе идет речь о действии в случае определенных (преимущественно негативных) обстоятельств, а во втором – о результате действия и его последующей оценки. Как уже отмечалось, 26,1 % респондентов в процессе защиты своих трудовых прав обращались за помощью в профсоюз. Результаты корреляционного анализа показали, что менее одной пятой (16,7%) респондентов, которые обращались за помощью в профсоюз при защите своих трудовых прав, считают указанную организацию наиболее эффективных посредником. Среди всех опрошенных процент тех, кто обращался в профсоюз в ситуации нарушения их трудовых прав и считает, что данная организация- посредник является наиболее эффективной при защите нарушенных

трудовых прав, составляет 2,6%. Как уже неоднократно указывалось в данной работе, профсоюз является организацией, максимально приближенной в юридическом и пространственном плане к работнику.

Большинство респондентов (59,2 %) в ситуации разрешения своих трудовых прав, наиболее эффективным считают самостоятельное урегулирование проблем, используя свои знания о трудовых правах и обязанностях. 32 % работников при нарушении их трудовых прав эффективным считают отказ от работы; 6,3 % – угрозы руководству; 2,4 % – игнорирование указаний руководства (рис. 2). Чаще других категорий респондентов отказ от работы и угрозы администрации в качестве методов разрешения ситуаций, связанных с нарушением трудовых прав, выбирают рабочие.

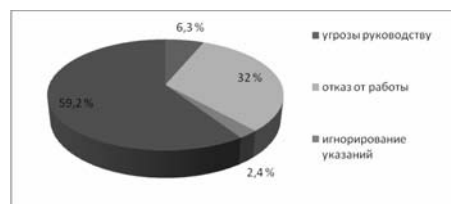


Рис. 2. Оценка работниками способов самостоятельного разрешения ситуаций, связанных с нарушением трудовых прав, %.

Таким образом, наиболее часто выбираемым способом защиты трудовых прав является самоинформсмент с использованием индивидуальных методов защиты, таких как переговоры с работодателем и отказ от выполнения работы. Профсоюз и трудовой коллектив являются основными субъектами коллективной защиты работников. Однако лишь 15,6% респондентов верят в эффективность деятельности профсоюза, что согласуется с данными исследования, проведенного социологическим центром ООО «Зеркало-Инфо» в 2011 году (11% респондентов отметили профсоюз как общественное объединение, соответствующее их интересам; объектом исследования выступили жители Республики Бе-

ларусь от 18 лет и старше; объем выборки – 1502 человека; выборка сформирована квотно-пропорциональным методом; предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95-процентной вероятностью, не превышает  $\pm 5\%$ ) [10].

При этом следует отметить, что менее одной пятой (16,7%) респондентов, которые обращались за помощью в профсоюз при защите своих трудовых прав, считают указанную организацию наиболее эффективной. Среди *всех* опрошенных процент тех, кто обращался в профсоюз в ситуации нарушения их трудовых прав и считает, что данная организация является наиболее эффективной при защите нарушенных трудовых прав, составляет 2,6%.

Эффективное использование формальных (обращение в правозащитные организации) и неформальных (влиятельные знакомые, родственники, СМИ и т.д.) способов защиты напрямую зависит от профессионального потенциала работника (уровень образования, должностной статус). Чем выше профессиональный потенциал работника, тем успешнее результат разрешения трудового конфликта. Особого внимания требует соблюдение трудовых прав рабочих, поскольку данная социально-профессиональная группа зачастую не обладает необходимыми знаниями для самостоятельного урегулирования ситуаций, связанных с нарушением трудовых прав, не верит в эффективность профсоюза и других правозащитных организаций, однако, способна на агрессивное отстаивание своих трудовых прав, выражающееся в отказе от работы и угрозах администрации.

Немаловажным является и то, что данные статистического учета (как внутригосударственные, так и международные) и данные проведенного социологического исследования свидетельствуют о расхождении сферы «де-юре» и «де-факто». В таких условиях особую важность приобретает как повышение уровня контроля за соблюдением трудовых прав работников со стороны государственных структур и профсоюзов, так и надзор вышестоящих инстанций

(к примеру, прокуратуры) за деятельностью государственных структур и профсоюзов в области защиты трудовых прав работников. Существенную роль играет и грамотная информационная политика организаций-посредников в защите трудовых прав работников, направленная на предоставление информации работникам об основных аспектах деятельности правозащитных организаций в области труда.

### Литература

1. Бизюков П.В. Индивидуальные трудовые конфликты: Могут ли работники защитить свои права в одиночку / П.В. Бизюков. М.: Центр социально-трудовых прав, 2011. С. 52.
2. Шаталова Н.И. Деформация трудового поведения работника / Н.И. Шаталова // Социологические исследования. 2000 г. № 7. С. 26.
3. Там же. С.26.
4. Лапицкая, О.В. Особенности инфорсмента трудового контракта на российском рынке труда: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / О.В. Лапицкая; Кемер. гос. ун-т. Кемерово, 2006. С. 12.
5. Курбатова М.В. Выбор работниками способов защиты своих трудовых прав / М.В. Курбатова, Н.Ф. Апарина, Е.С. Каган // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 48.
6. Мартинкевич А.В. Инфорсмент как механизм защиты трудовых прав работников в Республике Беларусь / А.В. Мартинкевич // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2012.
7. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2010: стат. сб. / Национальный стат. комитет Республики Беларусь; редкол.: В.И. Зиновский и [др.]. Минск: УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2010. С. 142.
8. Рынок труда в Беларуси: общий обзор: отчет о НИР (заключ.) / ИПМ-CASE; рук. темы М. Валевский. Минск, 2009. 62 с. № ГР 16571180254

9. Всемирный банк. Проект «Doing business». Интернет ресурс: <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/belarus#enforcing->

contracts.

10. Прафсаюзны рух Беларусі. Интернет ресурс: [http://praca-by.info/cont/art.php?sn\\_nid=4138](http://praca-by.info/cont/art.php?sn_nid=4138).

## Визуализация информации как компонент информационной культуры

Монахов Д.Н.

Работа посвящена вопросам формирования визуальной грамотности студентов средствами визуализации учебной информации.

*Ключевые слова:* визуализация, визуальная грамотность, информационная культура, опорный концепт, карта памяти.

Monahov D.N.

Visualization of the information as a component of an information culture

This article is devoted to the issues of formation visual literacy of students by means of visualization of the educational information.

*Key words:* visualization, visual literacy, information culture, the supporting abstract, mind mapping.

В условиях введения стандартов третьего поколения для системы подготовки специалистов, бакалавров и магистров особенно актуальной становится реализация компетентного подхода в обучении. Этот переход инициирует определенные изменения в образовательном процессе: увеличение времени, отводимого на самостоятельную работу студентов; повышение роли проектно-исследовательской деятельности в организации учебной работы. Приоритетным становится девиз обучения: «минимум времени — максимум информации». Поэтому так важно уделять внимание формированию и развитию информационной культуры студентов (особенно гуманитарных специальностей).

Данная дефиниция является ключевым элементом конкурентных преимуществ специалистов в любой профессии, так как не ограничивается владением современными технологиями, но охватывает также умение учиться, критически мыслить и интерпретировать информацию. Как показал генезис понятия, информационная культура эволюционирует, изменяется с развитием средств информации [1]. Визуальная грамот-

ность как компонент информационной культуры занимает одно из ведущих мест в этом интегративном понятии.

Термин «визуальная грамотность» был введен Джеком Дебесом, соучредителем Международной ассоциации визуальной грамотности. В 1969 г. Дебес отнес визуальную грамотность к группе визуальных компетенций человека, обладая которыми он может развиваться, наблюдая, присваивая и интегрируя свой чувственный опыт [2].

Визуальная грамотность – это способность интерпретировать, использовать, извлекать смысл из информации, представленной в графическом виде. Приведем лишь некоторые компетенции из достаточно большого списка, которые должны приобрести студенты, обладающие визуальной грамотностью:

- понимание основных элементов графического дизайна, техники и медиа;
- понимание пояснительных, абстрактных и символических образов;
- способность передавать и трансформировать информацию, находящуюся в графическом изображении;
- умение креативно визуально мыслить...

Одним из множества решений данной проблемы является поиск новых методов и средств работы; требуются специальные методические инструменты современного образовательного процесса для освоения и переработки научной информации в интересной, доступной форме. Визуализация в общем смысле — метод представления информации в виде оптического изображения. Набор инструментов визуализации, который можно использовать в учебном процессе высшей школы:

- Таблицы, дающие возможность сортировки, экспорта и фильтрации данных.

- Графики, которые показывают зависимость данных друг от друга.

- Диаграммы сравнения, показывающие соотношения набора данных.

- Деревья и структурные диаграммы, которые показывают структуру набора данных и взаимосвязи между его элементами.

- Диаграммы визуализации процесса, показывающие процесс, состоящий из последовательности действий.

При визуализации учебного материала следует учитывать, что наглядные образы сокращают цепи словесных рассуждений и могут синтезировать схематичный образ большей «емкости», уплотняя тем самым информацию.

Диаграмма Исикавы (схемы «фишбоун») - вид диаграмм, который позволяет проанализировать более глубоко причины событий, явлений; поставить цели, показать внутренние связи между разными частями проблемы. На такой схеме можно зафиксировать любое количество идей. Такие диаграммы можно использовать на семинарских занятиях на этапе проведения мозгового штурма. Преимущества такого способа представления учебной информации:

- с использованием графических схем можно представить всю проблему целиком, увидеть ее «с высоты птичьего полета»;

- графика помогает наглядно и понятно представить структуру проблемы;

- повышается мотивация, окружающим легче воспринимать идеи;

- с использованием схем можно сделать свое мышление более гибким, подвижным.

Наибольшей информационной емкостью, на наш взгляд, обладают структурно-логические схемы. Такой способ систематизации и визуального отображения учебной информации опирается на структуру и ассоциативные связи, характерные для долговременной памяти человека. Такие схемы выполняют функцию объединения понятий в определенные системы [3, 5, 7].

Опорные схемы и конспекты базируются на понятии опорный сигнал, под которым понимается любая совокупность знаков, расположение которых структурируется специальным образом. Можно сказать, что опорный конспект - запись, доведенная до совершенства. Понятие опорный конспект связано с именем педагога-новатора В.Ф. Шаталова, который впервые начал применять, и дал обоснование ассоциативных опорных конспектов. Универсальность опорного конспекта, на наш взгляд, заключается в том, что на одном слайде (листе) различные схемно-знаковые модели могут соединяться в цельный визуальный образ, дополняя друг друга.

Основные требования, которым должны отвечать опорные сигналы:

1. Лаконичность. В опорном сигнале должно быть минимум текста. Чем меньше печатных знаков, тем более притягательны опорные сигналы для обучаемого, тем меньше времени он тратит на самоподготовку. В дальнейшем опорные сигналы надо несколько раз пересматривать, предоставлять другим преподавателям на согласование и анализ по сокращению.

2. Структурность. В сигнале используются связи, логические блоки, объединённые стрелками, линиями, границами и пр. Обучение с помощью опорных сигналов развивает системность мышления, разделить общее и главное, выделять причинно следственные связи. Всё эти навыки развиваются у обучаемого незаметно для него – просто в ходе изучения материала.

3. Наличие смысловых акцентов. Выделение наиболее важных элементов опорного сигнала рамками, цветом, оригинальным расположением символов и пр.

4. Автономность. Каждый из четырех-пяти блоков должен быть самостоятельным, понимаемым в независимости от других блоков опорного сигнала.

5. Ассоциативность и образность. Должны возникать и запоминаться четкие ассоциации на опорный сигнал и его элементы. Смыслы разрабатываемых графических изображений опорных



знаков должны легко распознаваться. Для этого изображения должны напоминать широко распространённые образы.

6. Доступность воспроизведения от руки. Обучаемые должны будут по памяти на оценку воспроизводить разобранные на занятии опорные сигналы.

7. Цветовая наглядность. Запоминание материала облегчается за счёт подключения зрительной памяти. Часть сигналов может быть окрашена в яркие цвета.

Роль опорных конспектов в обучении: анализ и синтез; обобщение, структурирование; облегчение запоминания больших объемов учебной информации.

Ведущими средствами обучения в вузе становятся мультимедийные средства, реализующие нелинейное представление учебной информации, так как обладают наибольшим потенциалом интерактивности. Основными организационными формами обучения - мультимедийные лекции (курсы «Социальная информатика», «Новые информационные технологии», «Математическая экономика», «Эконометрика», «Имитационное моделирование социальных процессов», «Корпоративные информационные системы», «Информационные системы и технологии», «Мировые информационные ресурсы» и др.), компьютерные практикумы и электронные проекты студентов [2].

Мультимедийное сопровождение лекций обычно создается с помощью программы для презентаций PowerPoint. Программа разработки презентаций позволяет подготовить материалы, комбинируя различные средства наглядности, максимально используя достоинства каждого. Информационная насыщенность учебных дисциплин (в частности, для социологов) требует специальной подготовки материала перед его предъявлением обучаемым. Каждый слайд лекции содержит различные типы визуализации информации:

- статические (фотографии, рисунки, схемы, диаграммы, текстовые фрагменты),

- динамические (анимации, видеофрагменты) изображения;

- интерактивные визуализации (специальные цифровые образовательные ресурсы, веб-решения, с выбором параметров отображения информации).

Программное обеспечение, которое является инструментарием для создания разнообразных видов визуализации: пакеты офисных программ (Microsoft Office, OpenOffice), онлайн-инструменты; векторные и растровые графические реакторы; программы создания анимационных изображений (Adobe Flash) или языки визуального программирования; специальные пакеты программ (Mathcad, MatLab, Scilab) [6, 2].

Основные функции визуализации информации во время лекционных занятий: Объяснить – Убедить – Заинтересовать. Поэтому содержание учебного материала представляет собой максимально точно подобранную комбинацию смысла (вербальный язык), структуры (организация информации) и образов (визуальный язык) для каждого, кто его воспринимает. Основной целью визуализации информации является использование зрительного восприятия студентами учебной информации для усиления их познавательных способностей.

С использованием современного аппарата визуализации учебной информации, интегрирующего рационально-логическую и эмоционально-художественную составляющие познания, значительно упрощается процесс обучения в ВУЗе.

Визуализация учебного материала открывает возможность не только собрать воедино все теоретические выкладки, что позволит быстро воспроизвести материал, но и применять схемы для оценивания степени усвоения изучаемой темы соответствующей учебной дисциплины. На сегодняшний день востребованным становится Mind mapping как графическое выражение и результат визуального мышления, основу которого составляют карты памяти. Карта памяти показывает состав и структуру явления или понятия в виде

графа, в котором каждый узел имеет один или несколько дочерних элементов. Mind mapping помогает мозгу максимально эффективно выполнять восприятие информации через органы чувств; сохранение информации в памяти; её обработку и анализ; вывод информации в некоторой форме. Для студентов полезно конспектировать лекцию в традиционной форме, а уже затем составлять карты памяти. Для создания таких карт с использованием компьютерных технологий существует много разработанных ПО (программного обеспечения): MindManager; Visual Mind; Concept Draw; Cayra; FreeMind; VYM; xMind; Thoughtex; Personal Brain [1, 4]. Визуализацию можно считать универсальным коммуникативным инструментом, своеобразным языком для работы с научными и учебными текстами. Целью визуализации являются не картинки, а проникновение в суть изучаемого вопроса.

Комплекс принципов построения практикумов соответствующий курсов, формирующих визуальную грамотность студентов:

- вариативность - возможность выбора источников информации, содержания, форм представления отчетности с использованием Mind mapping;
- открытость - использование открытых заданий, проектов, содержащих не только познавательную, но и информационную задачу, ориентированную на визуализацию;
- деятельность - акцент на деятельность по поиску, обработке и визуализации информации;
- интеграция - объединение учебных дисциплин в единое целое с целью формирования у студентов целостной картины мира [3, 7].

В общем, случае логическую структуру дидактической интеграции, как и интеграции научной, образуют три основных элемента: базис, задача и орудие. Базисом при этом является кооперирующая дисциплина (информатика, экономика, социальные науки), задачей - исходная проблема (формирование визуальной грамотности), орудием - теоретический и технический ин-

струментарий базовой и соучаствующей в кооперации дисциплине (Excel, PowerPoint, Matlab, другое ПО). Содержание практикумов представляет собой «рабочее поле» междисциплинарной и межцикловой интеграции учебного материала дисциплин профессионального цикла и компьютерных практикумов [5, 6].

Эффективной, на наш взгляд, в процессе обучения в высшей школе представляется технология реализации компьютерных проектов, при которой студенты приобретают знания в процессе планирования и выполнения практических заданий. Темы проектов связаны с каким-то вопросом, актуальным для их профессиональной деятельности и вместе с тем требующим привлечь знания не по одному предмету, а по нескольким. Это обеспечивает естественную интеграцию знаний. Итоговые результаты представляются в виде презентаций - визуализаций, выполненных в PowerPoint или iSpring, которые на студенческих конференциях защищаются. Результатом является сформированная преимущественно на среднем или высоком уровне визуальная грамотность студентов.

Методическая система, ориентированная на информационную культуру и визуальную грамотность, прошла успешную апробацию на факультете точных наук и инновационных технологий МГГУ им. М.А. Шолохова, частично апробировалась на курсах повышения квалификации при УРАО и АСОУ.

### Литература

1. Монахов Д.Н. Визуализация информации: генезис, проблемы, тенденции. Монография. М.: МАКСПресс, 2012.
2. Монахов Д.Н. Визуализация учебной информации как компонент информационной культуры. Лекция – презентация [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://pedsovet.org/index.php?option=com\\_mtree&task=viewlink&link\\_id=62742/](http://pedsovet.org/index.php?option=com_mtree&task=viewlink&link_id=62742/) (23.01.2012).
3. Монахов Д.Н. Интеграция как парадигма формирования информационной культуры студентов экономических





специальностей / Материалы третьей Международной научно-практической конференции «Электронная Казань - 2011», 19-21 апреля 2011- С. 300-302.

4. Монахов Д.Н., Монахов Н.В. Использование возможностей online сервисов в образовании [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.rusedu.ru/detail\\_19306.html/](http://www.rusedu.ru/detail_19306.html/) (21.12.2011).

5. Монахов Д.Н., Монахова Г.А. Информационная культура в образовательной практике высшей школы. / Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции «Инновационные технологии в образовании:

субъектность, ресурсность, технологичность», 1-3 ноября, 2011-С.246-251.

6. Монахов Д.Н. ИТ как условие совершенствования информационной культуры студентов / Вторая Всероссийская заочная научно-методическая конференция «Вопросы совершенствования предметных методик в условиях информатизации образования».- Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 31 декабря 2010- С.214-217.

7. Монахов Д.Н., Монахов Н.В. Методическая система формирования информационной культуры. Монография. М.: МАКСПресс, 2012.

### Взяточничество как институциональный механизм социального взаимодействия

Симонов А.А.

В работе актуализирована необходимость социологического изучения коррупции как системного социального явления. В рамках концепции социализации П. Бергера и Т. Лукмана предпринята попытка анализа ключевых признаков взяточничества как социального института, а также основных параметров воспроизводства коррупционных взаимодействий на примере ситуации в сфере предпринимательства.

*Ключевые понятия:* коррупция, социальный институт, институционализация взяточничества

The article underlines necessity of bribery sociological investigation as a system social phenomenon. The author analyses the key signs of bribery as a social institution and basic reproduction parameters of corrupt interactions on the example of situation in the field of entrepreneurship. Author's basic conclusions are driven by P. Berger and T. Luckmann social constructions of reality and the institutionalization approaches.

*Key words:* corruption, social institution, institutionalization of bribery

Проблема коррупции является одной из наиболее серьезных преград развития современной России. Зачастую данное явление характеризуют как неизбежное зло экономического развития, неотъемлемый спутник динамичного развития общества. Однако сегодня коррупция в России является не столько приметой развития, сколько

вердиктом неэффективности экономики, бюрократизированности власти, слабости государства или нежелания руководства страны изменить ситуацию, следствием анонии в сфере культуры и размытости морально-нравственных ориентиров граждан. Коррупция не является чем-то искусственно созданным, внешним и далеким. К сожалению, это явление стало диагнозом российского общества, поразив практически все социальные институты. Более того, современных обществах коррупционные взаимодействия распространены настолько, что коррупция сама становится социальным институтом, формируя и воспроизводя социальные практики взаимодействия власти и общества. Одним из таких механизмов взаимодействия, также обладающих институциональными чертами, является взяточничество.

Суть *коррупции* состоит в использовании лицом, облеченным властью, своих полномочий для получения личной выгоды и в ущерб общественным интересам. Склонность использовать служебное положение в корыстных целях

всегда высок, особенно когда в системе государственного управления слабы механизмы контроля за поведением чиновников. Но не отсутствие контроля, пожалуй, является корнем проблемы распространенности коррупции в органах власти и правоохранительных органах, а тотальная система коррупционной зависимости чиновников друг от друга, если угодно «круговая порука». Принципы работы российской бюрократии и чиновничества далеки от идеалов, заложенных в модели рациональной бюрократии М. Вебера. Несомненно, что «лицо коррупции» в обществе формируется и под воздействием культурных механизмов, а также исторического опыта. Рассматривая обстановку в сфере коррупции в США, Европе, Китае и развивающихся странах Азии, можно констатировать их серьезные различия, обусловленные не только государственным устройством, структурой политических и экономических институтов, но ролью культурно-исторических факторов.

«Духу» отечественной бюрократии и чиновничества, на наш взгляд, как и столетия назад присущи «продажность»<sup>1</sup> и рентоориентированное поведение. Первые упоминания о коррупции в России относятся к XIII веку. Долгое время на Руси существовала система «кормлений», т.е. содержания назначенных князем или царем наместников в городах и волостях за счет населения. Фактически данная система поощряла различные злоупотребления: чрезмерное обогащение, взяточничество, кумовство, использование полномочий в собственных интересах, прививала традиции подкупа и пренебрежительного отношения к закону. Таким образом, ментальность русского народа с древнейших пор «была обогащена» осознанием того, что, *во-первых* – чиновник будет «кормиться» с управляемых им земель, либо получать выгоду от своего привилегированного положения, *во-вторых* – именно он, а не закон является высшей инстанцией и, следовательно, *в-третьих* – уверенностью в продажности «государевых людей». Отсутствие противодействия за-

рождению устойчивых коррупционных механизмов (по сути дела, невозможность противодействия, поскольку коррупция при таком понимании является не социальным злом, а «волей царя», т.е. механизмом формирования управленческого аппарата и поддержания политической стабильности) привело к тому, что коррупция в России сформировалась как социальный институт.

Под *социальным институтом* принято понимать ценностно-нормативную систему, регулирующую социальные отношения в определенной сфере жизнедеятельности общества, либо совокупность организаций, упорядочивающих и воспроизводящих взаимодействия людей. Социологический подход к определению «социального института» предусматривает более широкий набор трактовок. В частности, классик институционализма Т. Веблен, один из первых предложивших целостное научное определение, понимал социальные институты как «обычаи, преобладающие стереотипы мышления, способы и методы деятельности, укоренившиеся в сознании людей» [1, р. 193]. Несмотря на различия в понимании принципов существования общественных систем и механизмов их развития, схожая по духу трактовка социальных институтов принадлежит и Т. Парсонсу («социальные институты есть образцы стандартизированных ожиданий, которые управляют поведением индивидов и социальными отношениями» [2, р. 143]), и Дж. Хомансу (у него представлено 4 типа объяснения сущности институтов, которые условно можно свести к следующему: «социальные институты – это относительно устойчивые модели социального поведения, на поддержание которых направлены действия многих людей») [3, р. 6]. В целом понимание социального института как системы социальных взаимодействий, образующих типизации поведения и/или создающих структуры (формальные или неформальные) для удовлетворения потребностей сближает большинство социологических подходов.

Как таковой традиции рассмотрения коррупции в качестве социального



института в нашей стране практически не сформировалось, поскольку в научной среде закрепилось понимание социальных институтов как неких общественно полезных систем отношений и организаций (почти всегда формальных), выполняющих, помимо прочего, функцию стабилизации общества, его подсистем и недопущения различного рода аномалий. Анализ коррупции в этой системе координат представлялся не совсем уместным. Взятничество рассматривается многими как раз в качестве аномалии функционирования различных политических, экономических и иных институтов. В частности, вопрос о том, является ли коррупция социальным институтом, может возникнуть в результате сопоставления особенностей данного явления и ключевых функций, которые выполняют институты. В частности, в соответствии с трактовкой Я. Щепаньского [4, с. 96] социальный институт:

1. создает возможность членам общества удовлетворять потребности различного рода.

2. Регулирует действия в рамках социальных отношений, то есть обеспечивает выполнение желательных действий и осуществляет репрессии по отношению к нежелательным действиям.

3. Обеспечивает устойчивость общественной жизни, поддерживая и продолжая безличные общественные функции.

4. Осуществляет интеграцию стремлений, действий и отношений индивидов и обеспечивает внутреннюю сплоченность общности.

В соответствии с данной трактовкой, коррупция, на первый взгляд, не удовлетворяет критерию «обеспечения устойчивости общественной жизни». Принято считать ее исключительно дисфункциональным социальным явлением, разрушающим существующие институциональные рамки, приводящим к дезинтеграции общества. В целом необходимо отметить, что перечень черт, признаков и функций социальных институтов зачастую строится не на основе их систематического изу-

чения, а в результате характеристики существующих традиционных институциональных образований (к примеру, семьи, государства, системы здравоохранения, науки и прочих) и экстраполяции основных черт данных институтов на все прочие. Понимание социальных институтов в рамках социологических теорий позволяют при рассмотрении феномена коррупции и взяточничества взглянуть на данную проблему несколько иным, не столь категоричным образом.

Другой трактовкой термина «социальный институт» является понимание его как социального явления, характеризующегося следующими чертами: наличием регулярных и продолжительных социальных практик, направленных на удовлетворение особой потребности, формирование социальных норм, регламентирующих взаимодействия членов общества, установление системы статусов и ролей [5, с. 106-107]. Как отмечает Я. Гилинский, перечисленных оснований достаточно, чтобы считать коррупцию социальным институтом. В результате упорядочивания повторяющихся социальных практик происходит институционализация коррупции. Об этом свидетельствуют, по крайней мере, следующие признаки:

- Коррупция существует не только в качестве выражения индивидуального проявления жадности или стремления к наживе, но сформировалась в целостное социальное явление, выполняющее ряд функций («упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, консолидация и реструктуризация отношений между социальными классами и группами, содействие экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров, оптимизация экономики в условиях дефицита ресурсов и др.» [6]).

- Коррупционные отношения предполагают наличие непосредственных субъектов («принципал-клиент», патрон - агент) и осознанное субъектами разделение ролей (взяточкодатель, взяточполучатель, посредник).

· Несмотря на латентный характер данного социального института в обществе, субъектами коррупционных взаимодействий воспроизводятся (приобретаются, осознаются и передаются) нормы, «правила игры», закреплённые в языке (сленг), жестах и символически.

· В некоторых случаях коррупция выступает лифтом вертикальной социальной мобильности. К примеру, в условиях существования сословного общества или крайне высокой степени дифференциации населения по уровню доходов, взяточничество может быть единственным шансом гражданина на улучшение условий жизни, поддержки предпринимательской инициативы, получения высшего образования и т.д.

Кроме того важнейшим свидетельством институционального характера, на наш взгляд, выступает историчность коррупции. «Это такое же древнее явление, как и социальный порядок, управляющий жизнью людей, каков бы ни был этот социальный порядок» [7, с. 5]. Исторические корни взяточничества в России крайне глубоки. К примеру, исследователь начала XX века П. Берлин охарактеризовал расцвет коррупции на протяжении всей истории России следующим образом: «взяточничество неразрывно спелось и срослось со всем строем и укладом политической жизни» [8, с. 48]. Несмотря на глобальные изменения, за более чем вековую историю Россия сделала довольно мало эффективных шагов в деле минимизации коррупционных проявлений, снижения коррупционных издержек. О ситуации в сфере коррупции в российской истории, пожалуй, наиболее остро высказался М.Е. Салтыков-Щедрин своим изречением: «При таких законах жизнь в России без взяток была бы не возможна».

Несмотря на принятие в стране антикоррупционного законодательства, во многих сферах жизни общества сохраняется правовой вакуум и существуют многолетние устойчивые практики коррупционных отношений. По мнению ряда экспертов, сегодня речь идет о формировании «теневого порядка, существующего параллельно официаль-

ному» [9, с. 206], другими словами, можно с уверенностью говорить о том, что коррупция нашла себе место в среде экономических, политических, образовательных и иных институтов государства и активно воспроизводится в повседневной жизни. При этом охватываемы коррупцией различные уровни – от простого гражданина страны до представителей высших эшелонов власти, что позволяет рассматривать следующие виды коррупции: *бытовую* (на уровне оказания услуг населению при взаимодействии с представителями органов власти, организациями), *деловую* (обычно появляется в ходе взаимодействия представителей бизнеса и органов власти) и *административную* (связанная с деятельностью самих органов власти) [10, с. 40].

В рамках данной статьи мы бы хотели уделить особое внимание проблеме взяточничества как институционального явления в сфере предпринимательства, т.е. преимущественно деловой коррупции. Взяточничество является одним из базовых проявлений, по данным официальной статистики МВД – самым распространенным коррупционным преступлением в России, в частности в 2009 г. за получение взятки было осуждено около 5,5 тыс. человек, что составляет около 95% от всей массы подобных правонарушений [11].

Не секрет, что малый и средний бизнес в большинстве экономически развитых стран является опорой государства, основой налоговой базы, серьезным фактором экономической, социальной и политической стабильности. Создание приемлемых условий для развития законопослушного и социально ответственного бизнеса должно быть приоритетом власти любой страны мира. Однако сегодня в России можно констатировать отсутствие благоприятного предпринимательского климата наличие серьезных преград для развития бизнеса. Ключевыми препятствиями, по оценкам предпринимателей и экспертов, являются проблемы коррупции, административных барьеров и неэффективности государственного управления. Указанные барьеры являют-



ся, на наш взгляд, звеньями одной цепи и условиями институционализации взяточничества в сфере предпринимательства. Другим серьезным фактором развития коррупции выступает слабость судебной системы или, как минимум, неверие субъектов предпринимательства и граждан в защищенность своих прав в суде, «де-факто» ущербный правовой статус по сравнению с представителями органов власти.

В данной работе мы рассматриваем «социальный институт» в рамках «концепции социального структурирования реальности» П. Бергера и Т. Лукмана как комплекс «объективированных взаимных типизаций действий и деятелей» [12, с. 92] или устойчивый комплекс воспроизводимых и передающихся в рамках «повседневного знания» формальных и неформальных норм, ролей, практик, сконструированных на основе закрепления членами общества типичных действий и оформившихся в качестве образцов поведения. Институционализацию коррупции можно представить как процесс возникновения, закрепления и передачи социального порядка, в терминах Бергера и Лукмана – типизации, объективации и легитимации [12, с. 89-150]. Взятничество в сфере предпринимательства в России также целесообразно рассматривать в рамках концепции институционализации, поскольку данная социальная практика, являясь базовым проявлением коррупции, давно и устойчиво характеризует социальную реальность.

Сущность стадии «типизации» заключается в формировании комплекса массовых опривыченных социальных действий, которые от раза к разу совершаются членами общества ради удовлетворения социальной потребности («хабиитуализации»). Взятничество в российском обществе еще в виде «мздоимства» и «лихоимства», сегодня приобрело угрожающие масштабы. Беспокойство вызывает тенденция восприятия коррупционных проявлений как неотъемлемого атрибута реальной действительности, чуть ли не как соци-

альной нормы [13, с. 30]. Главными акторами коррупционных взаимоотношений в экономической сфере выступают чиновник, представитель органов власти, контролирующий орган и субъект предпринимательства. В интересах недобросовестных чиновников – искусственно создавать дефицит права и легальных возможностей, предельно зарегулировать действия предпринимателя, использовать капитал административных решений для получения бюрократической ренты [9, с. 91-92]. Осознание чиновничеством собственных возможностей, в отсутствие должного контроля, приводит к установлению «правил игры», воспроизводства и типизации (опривычиванию) взяточничества. «Поставленные в условия жесткой зависимости от административных решений, предприниматели во многих случаях ищут и находят пути для развития собственного дела не в оптимальной организации законных рыночных операций и открытой конкуренции, но в теневых сделках с чиновниками» [9, с. 91-93]. Зачастую в процессе взаимодействия предпринимателя и чиновника происходит понуждение бизнесмена к взятке. Социологический анализ коррупции в сфере предпринимательства [9] свидетельствует о том, что зачастую вымогательство со стороны чиновника за открытие бизнеса воспринимается с покорностью, поскольку в предпринимательской среде типизировалось представление о чиновнике как о субъекте, выдающем и отбирающем право на предпринимательскую деятельность. «Соглашаясь платить чиновнику уже на стадии открытия своего дела, предприниматель руководствуется не формальным юридическим правом <...>, но нормами права *обычного*, согласно которым решение чиновника воспринимается как особый товар, имеющий свою цену (хотя «де-юре» это право является не товаром, а общественным благом – примечание мое А.А.). Интерес же предпринимателя заключается в том, чтобы купить этот товар и подешевле, и с наименьшими транзакционными издержками» [9, с. 94].

Вторым этапом процесса институционализации взяточничества, следующим за типизацией отношений чиновников и предпринимателей, является «объективация». С определенного момента взяточничество в данной сфере стало социальным фактом, типичным для множества людей (в концепции Бергера и Лукмана этот процесс обозначен как «седиментация»). Кроме того, обязательным признаком институционализации взяточничества на данном этапе является формирование коррупционной «знаковой системы» - в общем смысле знания неформального языка чиновников, сленга («отмывание», «крышевание», «откат», «дать на лапу»), жестов, поговорок («не подмажешь, не поедешь», «власть - не тот стол, из-за которого добровольно выходят», «чем больше в государстве коррупции, тем больше законов по борьбе с нею», «кошка в перчатках ловить мышей не будет» [13, с. 27] и пр.) Объективность институтов, в понимании Бергера и Лукмана, подтверждается их историчностью, повторяемостью в опыте нескольких поколений.

Переходным к третьему, завершающему этапу институционализации с позиции «концепции социального структурирования реальности» является процесс формирования устойчивых ролевых отношений. «Роли – это типы деятелей <...> Играя роли, индивиды становятся участниками социального мира. Интернализируя эти роли, они делают этот мир субъективно реальным для себя» [12, с. 121]. Типами деятелей взяточничества в общем случае, очевидно, выступают взяткодатель и взяткополучатель, однако данный институт в силу своей латентности и нелегального характера сформировал дополнительный тип деятелей – посредник. С целью обезопасить взаимодействие в некоторых случаях, как чиновники, так и предприниматели пользуются услугами таких посредников, иногда даже вводят их в структуру собственной организации под вывеской «специалиста по взаимодействию с государственными органами» и т.п.

Заключительной стадией институционализации Бергер и Лукман считали

«легитимацию», т.е. расширение социального порядка за пределы жизни одного поколения. «Потребность в легитимации — объяснении и оправдании существующего порядка — появляется в силу того, что историческая реальность наследуется новым поколением как традиция. Первоначальный смысл институтов не доступен новому поколению в терминах памяти, в то время как поддержание социального порядка напрямую зависит от усвоения в ходе социализации смысловых содержаний деятельности» [14, с. 99]. Таким образом, в контексте институционализации процесс передачи опыта о распространённости и приемлемости взяточничества в определённых условиях можно охарактеризовать как «коррупционную социализацию». При этом происходит формирование так называемых «легитимаций», т.е. когнитивных и нормативных объяснений социальной реальности, которые являются для субъектов веским стимулом сохранения порядка вещей. В ходе эмпирического исследования И. Клямкина и Л. Тимофеева в этом контексте интересны когнитивные установки предпринимателей, считающих, что «их бизнес чиновник всегда сможет прижать к ногтю», «давая взятку, предприниматель платит за спокойное развитие своего бизнеса, включая коррупционную составляющую в перечень запланированных эффективных издержек»<sup>2</sup>. Таким образом, формируется коррупционная сеть, в рамках которой, как показало исследование, оба субъекта взаимодействия находят выгоду – чиновник получает вознаграждение и «постоянного клиента», а предприниматель, смирившийся с неизбежностью неформальных выплат, может расценивать данный взнос как гарантию стабильности развития предприятия, защиты от закрытия.

Как любой традиционный социальный институт, взяточничество выполняет также контролирующую функцию. И. Клямкин и Л. Тимофеев по итогам эмпирического исследования отмечают, что «даже уплатив соответствующую взятку и открыв свое дело, бизнесмен не покидает (и не может покинуть)



рынок административных решений, он получает не полную свободу экономического маневра, но лишь некоторое ограничение «рациональных прав», границы которых всегда упираются в интересы государственной или местной администрации» [9, с. 96].

Нет сомнений в том, что распространение взяточничества является крайне негативным последствием слабости государства: недостаточного контроля действий чиновников, серьезной бюрократизированности, отсутствия громкий судебных процессов, которые бы инициировали антикоррупционную практику в масштабах страны, начиная с «головы» государственного аппарата, а также отсутствия реальной политической воли у руководства страны. Помимо коррумпированных чиновников и представителей правоохранительных органов, продажность решений не выгодна ни предпринимателям, ни государству и обществу в целом. Последним приходится адаптироваться к реалиям неформальной экономики, волей-неволей встраиваясь в коррупционную сеть, конкурируя в рамках создавшихся условий, тем самым воспроизводя коррупционные институты. В рамках данной работы, мы стремились показать каким образом взяточничество переросло в системное социальное явление на примере предпринимательства. Концепция институционализации взяточничества объясняет не только действия «жертв коррупции» - вынужденных институциональными ограничениями или механизмами контроля взяточничества как института, но и акторов, инициирующих коррупционные отношения. Деятельность обеих сторон крайне важна, поскольку они являются субъектами легитимации взяточничества как института (т.е. оправдывают и передают черты социального порядка), а также в целом конструируют данную среду в обществе.

### Литература

1. Veblen T. The theory of leisure class. N.Y., 1924.
2. Parsons T. Essays in Sociological Theory. NY. 1962.

3. Homans G.S. The sociological relevance of behaviorism. // Behavioral sociology. Ed. R.Burgess, D.Bushell. N.Y., 1969.

4. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Издательство «Прогресс», 1969.

5. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. Казань, 1997.

6. Гишинский Я. Коррупция: теория и российская реальность [Электронный ресурс] / Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. - URL: <http://www.sartraccc.ru> (дата обращения 01.02.2012).

7. Антикоррупционная политика: Учеб. Пособие / Под ред. Г.А. Сатарова. М., 2004.

8. Берлин П. Русское взяточничество как социально-историческое явление // Современный мир. 1910. №8.

9. Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М: РГГУ, 2000.

10. Добренков В.И., Исправникова Н.Р. Коррупция: современные подходы к исследованию. М.: Академический проспект; Альма Матер, 2009.

11. Коррупционная статистика 2008-2010 годов // Газета «Коммерсантъ». № 4 (4545), 14.01.2011.

12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995.

13. Охотский Е.В. Коррупция: сущность, меры противодействия // Социологические исследования. 2009. №9.

14. Островская-младшая Е.А. Концепции институционализации в германской теоретической социологии второй половины XX века // Вестник РУДН, серия Социология, 2003, №1(4).

### Ссылки:

2. Согласимся с выводами Я. Гишинского о том, что феномен продажности является ключевым в понимании социальной сущности коррупции.

2 Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М: РГГУ, 2000. С. 98.

## Средства и барьеры в социальной адаптации сельских тружеников Республики Беларусь (на примере Могилевской области)

Титова Е. Н.

В статье рассмотрены наиболее острые проблемы аграрного сектора Республики Беларусь, направления их решения, закрепленные в Программе возрождения и развития села на 2005–2010 гг. и Государственной программе устойчивого развития села на 2011–2015 гг., а также достигнутые результаты. Акцентируется внимание на социальной адаптации сельчан к происходящим изменениям в аграрной сфере как важнейшей характеристики эффективности проводимых преобразований. Особое внимание уделено анализу средств и барьеров адаптационного процесса.

*Ключевые слова:* социальная адаптация, сельчане, аграрная реформа, средства адаптации, барьеры адаптации.

Titova E. N.

Means and barriers in social adaptation of rural workers of Republic of Belarus (on an example of the Mogilyov area)

In article the most acute problems of agrarian sector of Republic of Belarus, the directions of their decision fixed in the Program of revival and development of the village for 2005-2010 and the State program of a sustainable development of the village for 2011-2015, and also the reached results are considered. The attention is focused on social adaptation of villagers to occurring changes in the agrarian sphere as most important characteristic of efficiency of carried-out transformations. The special attention is given to the analysis of means and barriers of adaptable process.

*Key words:* social adaptation, peasants, agrarian reform, means of adaptation, adaptation barriers.

Белорусское крестьянство в XX – нач. XXI вв. прошло через ряд аграрных преобразований, коренным образом менявших условия хозяйствования на земле, – Столыпинскую реформу, национализацию земли, продразверстку, новую экономическую политику, насильственную коллективизацию, аграрные преобразования 1990-х гг., реализацию Программы совершенствования агропромышленного комплекса Республики Беларусь на 2001-2005 годы.

В настоящее время село переживает новый этап аграрного преобразования, основы которого сформулированы в «Программе возрождения и развития села на 2005-2010 гг.» и получили дальнейшее развитие в «Государственной программе устойчивого развития села на 2011-2015 годы».

Реализация указанных программ призвана решить ряд проблем в аграрном секторе Беларуси, которые препятствуют эффективному обеспечению продовольственной безопасности страны и ориентации этой отрасли на устойчивое экспортное производство. К ним относится, в первую очередь, – стремительное сокращение численности сельского населения и, в частности, занятого в АПК. Количество сельчан за 1990-2010 годы сократилось на 1034,9 тыс. и составило в 2010 году 2422,1 тыс. чел. [1, с. 44; 2, с.52]. То есть, за последние двадцать лет потеряно около трети сельского населения Беларуси. За указанный период более чем в 2 раза уменьшилось количество работников, занятых в сельскохозяйственном производстве. Если в 1990 году среднесписочное количество трудящихся в сельском хозяйстве составляло 915 тыс. человек, то в 2000 году – 627,7, а в 2010 всего лишь 450,4 тыс. [3, с. 32; 2, с. 52].

Количественный дефицит трудовых ресурсов порождает недостаточную обеспеченность сельскохозяйственных предприятий квалифицированными кадрами. За период с 2000 по 2010 год почти на 15 % сократилась численность работников с высшим и средним специальным образованием (в 2000 году – 122051 чел., в 2010 – 104098 чел.) [4, с. 133]. По данному показателю сельское хозяйство уступает всем отраслям экономики: доля трудящихся указанной квалификации составляет здесь 25,1%, что на 8,8 процентных пунктов ниже, чем в следующей за ним отрасли (лесное хозяйство) в ранжированном ряду [4, с. 136].

Количественный и качественный дефицит трудовых ресурсов сформировался в ходе длительного кризиса аграрного сектора, существенного от-





ставания села по уровню развития производства и социальной сферы, наличия таких проблем, как большая доля тяжелого физического труда, низкий уровень оплаты, жилищная и бытовая неустроенность, ограниченные возможности для отдыха, оздоровления и т.д.

Возникло серьезное противоречие между потребностью в кадровом потенциале для агропромышленной сферы экономики и усилением факторов, препятствующих мотивации работников к труду и жизни на селе.

Для решения вышеперечисленных проблем «Программой возрождения и развития села на 2005-2010 гг.» были предусмотрены радикальные преобразования существенно изменяющие существующий уклад жизни сельчан, которые эволюционно продолжают реализовываться в «Государственной программе устойчивого развития села на 2011-2015 годы». Данная программа, впервые за всю историю суверенной Беларуси, явилась комплексной и сбалансированной, она включила не только динамику развития агропромышленного производства, но и главное – комплексное развитие всей социальной инфраструктуры сельской местности.

Цели указанных программ идентичны: возрождение и развитие социальной и производственной сфер белорусского села на основе укрепления аграрной экономики, обеспечение условий для устойчивого ведения сельскохозяйственного производства; повышение доходов сельского населения, создание основ для престижности проживания в сельской местности и улучшения демографической ситуации на селе и др. [5, с. 14; 6].

Программы предполагают работу по двум направлениям: развитие **социальной и производственной** сфер села. Приоритетным направлением развития социальной сферы является «формирование необходимых условий для жизнеобеспечения населения, создание основ для повышения привлекательности сельского образа жизни и труда» [5, с. 18]. Достижение указанной цели предусматривает реализацию

следующих мероприятий: преобразование сельских населенных пунктов в благоустроенные поселки (агрогородки), повышение занятости и уровня доходов в сельскохозяйственной отрасли, развитие жилищного строительства и коммунального обустройства, модернизация автомобильных дорог и развитие транспортного сообщения, совершенствование образования, медицинского обеспечения, культурно-досуговой деятельности, сохранение традиционной культуры регионов, улучшение бытового и торгового обслуживания жителей села [5].

В производственной сфере предусмотрено формирование микро- и макроэкономических систем хозяйствования в рыночных условиях, обеспечивающих развитие и последовательное повышение эффективности агропромышленного производства. Программой оговаривается обеспечение рационального сочетания различных форм собственности и хозяйствования. Прогнозируется создание в каждой области 100-150 фермерских хозяйств, оснащенных высокопроизводительной техникой и оборудованием, с высоким уровнем интенсивности и культуры сельскохозяйственного производства; содействие их кооперации с крупнотоварными сельскохозяйственными и перерабатывающими организациями и т.д. Предусматривается особое внимание уделить развитию личных подсобных хозяйств [5].

Подводя итоги реализации «Программы возрождения и развития села на 2005-2010 годы», необходимо констатировать, что определенные результаты достигнуты. На ее реализацию из бюджета республики выделено около 70 трлн. бел. руб. [5, с. 15] и в предстоящую пятилетку предполагаемая сумма расходов на осуществление «Государственной программы устойчивого развития села на 2011-2015 годы» составит еще 27 трлн. [6].

За пять лет реформ начисленная среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства выросла практически в три раза и составила в 2010 году 815,2 тыс. рублей [4, с. 294].

Выполнен план по преобразованию сельских населенных пунктов в агрогородки, расширяется их социально-бытовая инфраструктура, открываются новые образовательные, культурные учреждения. Торговых объектов создано почти в три раза больше запланированного. Введено в эксплуатацию 874 тыс. кв. метров общей площади жилья, что почти в два раза больше, чем за период с 2000 года по 2004 год. Улучшилось снабжение сельских потребителей электроэнергией, качественной питьевой водой и т.д. [7, с. 7].

Совершенствуются условия для расширения различных форм сельского бизнеса. За время реализации Программы в семь раз увеличилось число субъектов малого предпринимательства на селе (с 309 в 2005 году до 2131 в 2010) [1, с. 486].

Сложилась ситуация для многоукладности экономики, сформированы многообразные формы хозяйствования, основной структурной единицей которых стали сельскохозяйственные производственные кооперативы (СПК).

Однако, несмотря на предпринимаемые меры, негативные тенденции в развитии села сохраняются. Порой, мы можем наблюдать определенный регресс в его количественных и качественных показателях. Невзирая на то, что с каждым годом заработная плата в сельском хозяйстве растет, тем не менее, она отстает от прогнозируемого уровня (320-360 долларов США) и несоизмеримо меньше, чем в других отраслях народного хозяйства (к примеру, в промышленности она в 1,5 раза больше). По уровню заработной платы сельское хозяйство находится на предпоследнем месте в ранжированном ряду [4, с. 290].

Количество фермерских хозяйств сократилось с 2204 в 2005 году до 2149 в 2010 году. Однако начало фермеризации выглядело достаточно оптимистично. Новая форма аграрного предпринимательства казалась перспективной и вызвала живой интерес. В 1995 году в стране насчитывалось 3029 таких хозяйств, однако в последующие годы появилась устойчивая тенденция

к их сокращению, сохраняющаяся и по сей день [8, с. 516].

Не наблюдается стабильной тенденции уменьшения количества убыточных сельскохозяйственных организаций. В 2005 году за счет кардинальных мер (объединения сильных хозяйств со слабыми) зафиксирован их исторический минимум – 0,7% от общего числа. В последующие годы ситуация развивалась нелинейно и в 2010 году их количество составило 3,1% [9, с. 529].

Выполнение указанных программ не приводит и к стабилизации некоторых демографических показателей. За время их реализации численность сельского населения сократилась на 3,3 %, занятого в сельском хозяйстве на 0,3% [4].

Таким образом, несмотря на то, что в ходе реализации «Программы возрождения и развития села на 2005-2010 гг.» определенные успехи достигнуты, многие проблемы (сокращение численности сельского населения и занятого в отрасли, низкая заработная плата, сокращение фермерских хозяйств и др.) не решены в полной мере.

Важнейшей характеристикой эффективности проводимых преобразований является субъективное восприятие их сельчанами, степень приспособленности последних к происходящим изменениям в аграрной сфере.

Интегральным показателем, характеризующим степень адаптированности жителей села к социально-экономическим преобразованиям в аграрной сфере, является оценка ими своей освоенности в новых условиях. Результаты социологического исследования, проведенного Могилевским институтом региональных социально-политических исследований (МИРСПИ)<sup>1</sup> в 2011 году при участии автора позволяют условно разделить сельчан на четыре группы по степени приспособленности (табл. 1).

1. Адаптировавшиеся (48,9%). К данной группе относятся сельские труженики, которые уже успешно освоились в новых социально-экономических условиях.

2. Частично адаптировавшиеся (25%). В нее включены сельчане, кото-



рые либо частично приспособились, либо видят предпосылки для позитивного завершения адаптационного процесса. К данной группе отнесены респонденты, которые на вопрос «Удалось ли Вам освоиться в современных условиях?» ответили «пока освоился (-ась) частично, но, думаю, освоюсь» и «еще не освоился (-ась), но, думаю, со временем освоюсь». Указанные варианты характеризуют различные степени приспособленности сельских жителей к новым социально-экономическим условиям, балансирующие между успешным и неуспешным завершением процесса адаптации.

3. Неадаптировавшиеся (11%). Третью группу составляют сельчане, которые не могут адаптироваться к изменениям в АПК и, более того, не надеются, что это вообще произойдет («освоился (-ась) частично и вряд ли освоюсь полностью», «совсем не освоился (-ась) и вряд ли освоюсь»).

4. Неопределившиеся в уровне своей адаптированности (15,4%). Данную когорту составили респонденты, которые не могут определить степень своей освоенности в новых социально-экономических условиях.

Таблица 1  
Распределение ответов на вопрос «Удалось ли Вам освоиться в современных социально-экономических условиях?», %

Варианты ответов	Все занятые в сельском хозяйстве (%)
Да, вполне	48,9
Пока освоился (-ась) частично, но, думаю, освоюсь	18
Освоился (-ась) частично и вряд ли освоюсь полностью	8,8
Еще не освоился (-ась), но, думаю, со временем освоюсь	7,0
Совсем не освоился (-ась) и вряд ли освоюсь	2,2
Трудно сказать	15,4

Следует отметить, что приспособленных женщин оказалось почти в два раза меньше мужчин (21, 3% и 41,9%

соответственно). Видимо, женщины тяжелее и медленнее осваиваются в новых условиях. Однако, среди них в 4,5 раза меньше неадаптировавшихся по сравнению с сильным полом.

Адаптация населения к новым социально-экономическим условиям происходит под воздействием большого числа социальных факторов – как препятствующих этому процессу, так и стимулирующих его. Природа этих факторов достаточно разнообразна. Российский социолог Корель Л.В. выделяет три группы средств, с помощью которых адаптант приспособляется к изменяющейся среде: институциональные, нормативно-регулятивные и личностные. К первым относится деятельность индивидов, санкционируемая и поддерживаемая с помощью социальных норм, которые участвуют в осуществлении приспособительных процессов в обществе. Они включают конкретные организации и институты, общественные объединения, средства массовой информации и т.д.

Нормативно-регулятивные средства адаптации представляют собой нормы культуры, традиции, обычаи, ритуалы, которые направляют адаптивную деятельность, осуществляют социальный контроль за ходом адаптивного взаимодействия сторон.

Личностные – включают социально-психологические, статусно-ролевые и поведенческие средства адаптации. К первым относятся особенности характера, воспитания, социально-психологические черты. Они не изменяются в одночасье и, естественно, определяют скорость усвоения населением новых рыночных ценностей и стандартов поведения. Статусно-ролевые средства обусловлены тем социальным положением, которое адаптант занимает в социальном пространстве. И, наконец, в основе поведенческих средств адаптации лежит действие предпринимаемое адаптантом [10].

Анализ результатов социологического исследования констатирует преобладание личностных средств в адаптационном процессе сельчан, к которым относятся: чувство ответственно-

сти за семью, умение работать на земле, трудолюбие, предприимчивость, помощь близких, чувство безысходности (табл. 2).

Таблица 2  
Распределение ответов на вопрос «Что или кто помогает Вам приспособиться к современным условиям жизни на селе?», %

Варианты ответов	Все занятые в сельском хозяйстве (%)	Мужчины (%)	Женщины (%)
Органы власти всех уровней	11,4	14,0	5,8
Устоявшиеся традиции, обычаи	10,7	14,5	2,3
Предприимчивость, инициатива	8,5	9,1	7,0
Чувство ответственности за семью	42,3	36,6	54,7
Умение работать на земле, трудолюбие	36,8	33,9	43
Помощь соседей, знакомых, родственников	8,5	7,5	10,5
Чувство безысходности	5,5	5,4	5,8
Чувство ответственности за село	5,5	7,0	2,3
Пример друзей, знакомых, соседей	10,7	12,4	7,0
Ничего не помогает	9,6	12,9	2,3

Чувство ответственности за семью является ведущим стимулом адаптации сельских жителей к новым социально-экономическим условиям. Оно помогает освоиться 42,3% респондентам. Ответы более трети опрошенных (36,8%) указывают на то, что трудолюбие и умение работать на земле остаётся одной из важнейших особенностей сельчан, благодаря которым они сегодня выживают. Жители села полагают, что обеспечить себе и близким достойное существование, можно, в первую очередь, посредством активной трудовой деятельности. Не последнее место занимает и пример адаптации знакомых и родственников. Десятая часть респондентов (10,7%) старается подражать более успешным адаптивным моделям окружающих их людей.

Значительно меньшее количество опрошенных в процессе приспособления опирается на институциональные

средства. В частности, сельчане не рассматривают институт власти как весомый адаптивный инструмент. Поддержку с их стороны ощущают только 11,4% сельчан.

Приверженность нормативно-регулятивным средствам адаптации, выраженным в устоявшихся традициях и обычаях выразило только 10,7 % респондентов.

Таким образом, стремясь освоиться в новых условиях, сельчане, в первую очередь, рассчитывают на себя и ресурсы черпают в себе и своих близких.

Вызывает озабоченность тот факт, что десятой части сельских тружеников (9,6%) никто и ничто не может помочь приспособиться к современным условиям. Эта группа людей не почувствовала позитивных результатов проводимого в последние годы преобразования АПК.

Подчеркнем, что женщины в три раза реже мужчин выделяют внешние силы (органы власти) в качестве весомого инструмента адаптации. В большей степени им присущ оптимизм, чувство ответственности за семью, которое не позволяет «опускать руки» в сложной жизненной ситуации. Среди женщин в 5 раз меньше респондентов не видящих средств для достижения успешной адаптации.

Характеризуя адаптивные процессы в сельском социуме, невозможно обойти вниманием барьеры, которые представляют собой факторы, противодействующие успешному приспособлению сельчан, тормозящие и осложняющие его ход. Они могут быть как внешними, так и внутренними и представлены дефицитами и помехами:

Внешние дефициты определяются отсутствием условий во внешней среде, которые необходимы для успешной адаптации социальной системы. В рамках данного социологического исследования их индикаторами явились недостаточная проработанность программ реформирования АПК; отсутствие необходимых законов; отсутствие близких людей, на которых можно положиться.

Внешние помехи представляют собой факторы, условия, обстоятельства созданные средой, которые препятствуют адаптации социальной системы (невнимание органов власти к нуждам сельчан).

Внутренние дефициты проявляются в отсутствии или недостаточном присутствии необходимых для адаптации внутренних свойств, качеств, характеристик приспосабливающейся социальной системы (неважное состояние здоровья, отсутствие инициативности, недостаток образованности).

Внутренние помехи определяются присутствием выше указанных элементов у адаптирующейся социальной системы, которые препятствуют процессу ее адаптации (неуверенность в своих силах, возраст, большое число иждивенцев, мягкий характер, боязнь всего нового) [10].

Каковы же барьеры, препятствующие успешной адаптации сельских труженников к новым социально-экономическим условиям? Респондентам был задан вопрос: «Что (Кто) мешает Вам преодолевать возникающие трудности в сельской жизни?» (табл. 3).

Таблица 3  
Распределение ответов на вопрос «Что (Кто) мешает Вам преодолевать возникающие трудности в сельской жизни?», %

Варианты ответов	Все занятые в сельском хозяйстве (%)
Невнимание органов местной власти к нуждам сельчан	27,2
Неважное состояние здоровья	24,3
Отсутствие близких людей, на которых можно положиться	13,6
Мягкий характер	11,0
Недостаточная проработанность программ реформирования АПК	9,6
возраст	7,4
Неуверенность в своих силах	6,6
Отсутствие необходимых законов	5,5
Недостаток знаний, образования	5,1
Ничего не мешает	4,8
Отсутствие инициативности	4,4
Большое число иждивенцев	2,9
Боязнь всего нового	2,9
Отсутствие денег	0,4

Проранжировав ответы на поставленный вопрос, считаем необходимым акцентировать внимание на двух ярко выраженных преградах адаптационного процесса, на которые в совокупности указало более половины респондентов: невнимание органов местной власти к нуждам сельчан (27,2%) и неважное состояние здоровья (24,3%).

С одной стороны, сельские труженники достаточно объективно оценивают значимость своих внутренних резервов, поскольку успешная адаптация к новым социально-экономическим условиям на селе предполагает, наряду с другими аспектами, тяжелый ежедневный физический труд, что, безусловно, не может не сказаться на состоянии их физического самочувствия. Эффективность трудовой деятельности в сельскохозяйственной отрасли построена на личной самоэксплуатации работника, которая в весенне-осенний период достигает физически возможных пределов. И, естественно, жителям села, не обладающим «богатырским» здоровьем, достаточно сложно освоиться в новых рыночных условиях. Значительное влияние на их самочувствие оказывает и злоупотребление спиртными напитками. Около трети (26,5%) сельчан употребляют алкоголь при любой возможности.

С другой стороны, сельчане возлагают большую долю ответственности за успешность своей адаптации на действующие органы власти, рассматривая их невнимание к своим нуждам в качестве барьера. Представители местного управления и самоуправления — самая близкая к человеку власть и эффективность их работы во многом определяется степенью освоенности сельчан в новых условиях жизнедеятельности. Однако местные органы власти зачастую бездействуют, о чем, свидетельствует отсутствие либо скудость помощи сельчанам с их стороны. Большинство жителей села (67,6%) не получает от них никакой помощи. Нельзя не отметить, что в большей степени сетуют на отсутствие содействия со стороны сельского исполнительного комитета пенсионеры (78,7%), в то время как они должны

получать ее в первую очередь. К примеру, согласно результатам исследования, помощь в обработке приусадебного участка получает почти каждый пятый молодой (не достигший тридцатилетнего рубежа) житель села и только каждый двенадцатый пенсионер.

Третьей по степени важности преградой на пути успешной адаптации сельчан, на которую указало 13,6 % респондентов, является отсутствие близких людей, на которых можно положиться. Это связано с тем, что дети, внуки стремятся поскорее покинуть деревню и «пустить корни» в городе, в то время как родители зачастую остаются один на один с тяготами сельской жизни.

Заставляет задуматься тот факт, что отсутствие инициативности практически не осознается сельскими тружениками в качестве барьера адаптации. На первый взгляд, можно сделать вывод, что сельчане, в целом, достаточно активная когорта, поскольку лишь 4,4% отметили ее отсутствие в качестве фактора, препятствующего успешной адаптации. При более детальном анализе мы видим, что это не совсем так. Одним из показателей активности, инициативности индивида является стремление к предпринимательской деятельности, которое в сельском социуме выражается, в первую очередь, в ведении фермерского хозяйства либо продаже продукции с собственного подворья. Однако, результаты опроса показывают, что только 9,6% опрошенных готовы сами организовать фермерское хозяйство. Около половины сельчан (41,5%) не реализует продукцию, произведенную в личном подсобном хозяйстве. 26,8% – излишки продают, но лишь небольшую часть – менее четверти выращенной продукции. Видимо, значительная часть сельского населения не осознает важность предприимчивости и инициативности в достижении жизненного успеха.

Таким образом, анализ полученных данных свидетельствует, что сельские труженики в оценке обстоятельств, препятствующих освоению в новых условиях, в первую очередь, склонны ссылаться на внешние помехи (невнимание органов власти к нуждам сель-

чан) и внутренние дефициты (неважное состояние здоровья), которые в свою очередь препятствуют результативности преобразований в аграрном секторе Беларуси.

Неравенство адаптивных способностей и возможностей людей, различия в их умении преодолевать существующие барьеры обусловили разный уровень адаптированности сельских жителей к новым социально-экономическим условиям. Одни барьеры имеют глубокий характер (отсутствие инициативности, мягкий характер и т.д.). Они если и могут быть преодолены, то только по истечении некоторого (возможно, длительного) времени. Другие же барьеры (невнимание органов власти к нуждам сельчан, недостаток знаний, образования; отсутствие необходимых законов) могут быть устранены либо ослаблены за более короткий срок путем организации постоянной разъяснительной работы с сельчанами и оказания им помощи со стороны органов власти.

На наш взгляд, необходима разработка целевых государственных программ по оптимизации процесса социальной адаптации сельских жителей, своевременном выявлении неадаптированных групп сельчан, требующих специальной государственной поддержки, а также перспективных ресурсных групп с высоким адаптационным потенциалом.

В целях устранения основных барьеров адаптационного процесса сельчан существует потребность не только в законодательном, но и реальном снижении трудовой нагрузки на них; обеспечении прохождения ими систематического медицинского осмотра с целью выявления и профилактики заболеваний. И, в заключение, отметим, что определяющим эффективностью деятельности органов местного управления и самоуправления должно стать положение – «оказание конкретной помощи сельским жителям».

### Литература

1. Регионы Республики Беларусь: стат.сб. / Минстат Республики Беларусь; редкол.: В.И. Зиновский и [др.]. – Минск, 2010. – 800с.



2. Саковіч, В.С. Сельскагаспадарчыя кадры Рэспублікі Беларусь у канцы 20 – пачатку 21 стагоддзя / В.С. Саковіч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гіст. навук. – 2004. – №3. – С. 52–58.

3. Сельское хозяйство Республики Беларусь: стат.сб. / Минстат Республики Беларусь; редкол.: В.С. Метез и [др.]. – Минск, 2010. – 269с.

4. Труд и занятость в Республике Беларусь: стат.сб. / Минстат Республики Беларусь; редкол.: Е.И. Кухаревич и [др.]. – Минск, 2011. – 348 с.

5. О Государственной Программе возрождения и развития села на 2005-2010 годы: Указ Президента Республики Беларусь, 25 марта 2005г., №150 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 52. – 1/6339.

6. Государственная Программа устойчивого развития села на 2011-2015 годы // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://mshp.minsk.by/programms/b05296a6fb2ed475.html>. – Дата доступа: 21. 11. 2011.

7. Ханда, В. Новая госпрограмма

направлена уже на развитие агрогородков / В. Ханда // Белорусская нива. – 2010. – 1 окт. – С. 7.

8. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь: стат.сб. / Минстат Республики Беларусь; редкол.: И.С.Кангро и [др.]. – Минск, 2011. – 537 с.

9. Статистический ежегодник, 2011: стат.сб. Минстат Республики Беларусь; редкол.: В.И.Зиновский и [др.]. – Минск, 2011. – 633 с.

10. Корель, Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики /Л.В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с.

### Ссылки:

3 Могилевским институтом региональных социально-политических исследований (МИРСПИ) в 2011 году был проведен анкетный опрос жителей села Могилевской области (n=414) в разрезе половозрастных, образовательных и профессионально-квалификационных групп. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95%-ной вероятностью, составляла + / – 3%.

## Проблемы рекрутирования политической элиты современной России

Шашков Д.А.

В работе раскрываются основные проблемы рекрутирования политической элиты современной России. Представлены основные результаты социологического исследования, посвященного анализу структуры и особенностей формирования элиты России в условиях трансформации политической системы.

*Ключевые слова:* политическая элита, политическая система, рекрутирование элиты.

Shashkov D.A.

The Political Elite: Problems of Recruitment in Contemporary Russia

The article is about main problems of political elite recruitment in contemporary Russia. The author analyzes an elite forming in terms of political system transformation.

*Key words:* political elite, political system, elite recruitment.

Роль элиты в любом государстве трудно переоценить, поскольку принимаемые ей решения влияют на жизнь и

судьбы широких народных масс. Структура, социальный состав, динамика развития высших субъектов политической власти во многом являются показателями качества и потенциала политической системы. Поэтому задача, поставленная перед автором, сводилась к следующему - исследовать специфику структуры, социальные характеристики и особенности формирования и рекрутирования политической элиты современной России.

Для анализа элиты был выбран позиционный метод. То есть элита определялась как группа лиц, занимающих высшие позиции в структуре политической системы России, ответствен-

ных за разработку политического курса и принятие решений общегосударственного уровня. Таким образом, эмпирическим объектом исследования выступили 670 человек: Президент и члены его Администрации (N=45), Председатель Правительства РФ, Руководители Аппарата Правительства, главы министерств, служб и агентств (N=92), главы субъектов России (N=83) и Депутаты Государственной Думы VI созыва (N=450).

Был сделан вывод о том, что оформление современной политической элиты началось с приходом к власти В.В.Путина в 2000 году, который в условиях дестабилизации политической системы выбрал курс на централизацию и построение вертикали власти. Реставрация моноцентрического устройства государства подразумевала нейтрализацию двух центров принятия решений – Федерального собрания и Региональных лидеров, формирование которых шло по открытым каналам рекрутирования, т.е. через институт выборов. И в ходе трансформации политической системы России, федеральная исполнительная элита (в лице Администрации президента и Правительства РФ) постепенно монополизировала властные полномочия и становилась единственным самостоятельным центром разработки политического курса.

Формирование состава элиты при новом президенте происходило через сохранение элитных кадров предшествующей эпохи, которые затем планомерно вытеснялись с политической арены, а также за счет активного привлечения на государственную службу бывших коллег и знакомых В.В.Путина. А приход к власти президента Д.А.Медведева не сильно сказался на персональном составе действующей элиты за исключением структурных ротаций.

При В.В. Путине и Д.А. Медведеве стало характерным усиление влияния трех основных социальных групп: бюрократии, представителей силовых структур и бизнеса, за счет которых пополнялись высшие органы исполнительной власти. Что подтверждают цифры об их доли в структуре, получен-

ные в ходе эмпирического исследования. В целом, каналом рекрутирования для 48% членов Администрации и Правительства РФ выступил бюрократический аппарат, что в первую очередь было связано с необходимостью инкорпорации профессиональных администраторов, 33% были рекрутированы через силовые институты, а 23% являются бывшими бизнесменами.

Основные изменения в процесс формирования элиты с 2000 года начинают происходить в губернаторском корпусе. Введение института Полномочного представителя Президента в Федеральном округе, а также отмена прямых выборов глав субъектов регионов в 2004 году позволили обрести полный контроль над региональными лидерами. Неудовольствие губернаторы теперь могли легко лишиться своей должности.

Как показывает анализ данных, интенсивность сменяемости глав регионов возрастает с 2005 года, а резкий рост интенсивности приходится на период президентства Д.А.Медведева. Так, всего с 2008 по февраль 2012 г. обновляется 42% (35 чел.) губернаторского корпуса. При этом 24 (29%) губернатора из 83, ныне занимающих пост главы региона, были в свое время избраны в результате народного голосования до принятия Федерального закона о назначении губернаторов, а 59 глав регионов получили свой статус через назначение из федерального центра и никогда не избирались через региональные выборы.

Построение вертикали власти особым образом отразилось на изменении политического статуса высшего законодательного органа государственной власти – Федерального Собрания. Государственная Дума перестает быть самостоятельным политическим игроком и становится согласительной площадкой, а не местом борьбы элитных групп за разработку государственного курса. Совет Федерации превращается в институт резервации старых элитных кадров.

Расклад политических сил после выборов 4 декабря 2011 г. в Государственную думу VI созыва не сильно зат-





ронул доминирующее положение партии власти, при этом персональный состав Государственной думы обновился на 48%, а 52% депутатов участвуют в работе парламента уже не первый срок. Каналами рекрутирования депутатов Государственной Думы РФ были следующими: Партия Единая Россия сформирована на 39% бывшими бизнесменами, а партия Справедливая Россия на 51%. Наибольшее количество силовиков сконцентрировано в правящей партии, 16% ее фракции состоит из бывших сотрудников силовых институтов. А наибольшее количество бюрократов сосредоточено во фракции КПРФ (60,9%), наименьшее в партиях Справедливая Россия (23,4%) и Единая Россия (25,3%).

Таким образом, верховная исполнительная власть в лице Администрации Президента и Правительства РФ обрела полный контроль над процессом

элитобразования. Тем не менее, президентом Медведевым был сформулирован крупномасштабный план модернизации российского общества. Были предложены конкретные инициативы по реформированию политической системы (возвращение прямых выборов губернаторов, новый закон о политических партиях, изменение порядка назначения членов Совета Федерации), реализация которых, безусловно, скажется на процессе политического рекрутирования. Однако многие из этих инициатив сегодня существуют исключительно в виде проектов, а результат их воплощения можно будет почувствовать, по всей видимости, спустя немалый промежуток времени. А пока элите удалось установить такие правила игры, которые обеспечивают ее бесконтрольность, результатом чего является углубление взаимного отчуждения власти и общества.

### Причины успешного ведения семейного малого бизнеса в Алтайском крае

Яковлева А.А.

В данной статье анализируются основные причины успешного ведения малого бизнеса в семейной сфере, описываются основные теории ведения предпринимательской деятельности, а также выявляются современные тенденции в системе семейного малого бизнеса в Алтайском крае.

*Ключевые слова:* субъекты малого бизнеса, семейный малый бизнес, купечество, семейный традиции, система поддержки малого бизнеса.

Yakovleva A.A.

The reasons of successful leading of a small family business in Altai Region.

This article analyses the main reasons of high level of leading a small business in a family sphere; describes the main theories in a small family business; re-researches the modern trends at a family sphere of a small business in Altai Region.

*Key words:* subjects of a small business, family small business, merchant class, family traditions, a system of support a small business.

Экономический потенциал Алтайского края сложно ограничить какой-либо одной сферой ведения предпринимательской деятельности: промышленность, строительство, сельское и

лесное хозяйство, добыча полезных ископаемых, торговля - все это представляет интерес для инвесторов. Малые семейные предприятия постепенно становятся неизменным элементом предпринимательской инфраструктуры края. С давних пор в России существуют семейные купеческие традиции, благодаря которым из поколения в поколение передаются секреты профессионального мастерства, капитал, накопленный годами жизненный опыт.

Перспективность ведения семейного малого бизнеса обусловлена следующими факторами:

1. Не требует значительных капитальных затрат.
2. Обладает высокой адаптивностью, оперативностью на изменения потребительского спроса.
3. Обладает самостоятельностью в рамках осуществления деятельности,

т.е. способно быстро и мобильно внедрять новые технологии

В январе-феврале 2012 г. бы проведен опрос среди субъектов малого семейного предпринимательства с целью оценки сложившейся ситуации в сфере малого семейного бизнеса. В опросе участвовало 150 субъектов малого семейного бизнеса по Алтайскому краю (Барнаул, Бийск).

Опросный лист для субъектов малого семейного бизнеса содержал вопросы, касающиеся межличностных отношений, складывающихся в результате совместного ведения малого бизнеса, проблем, возникающих в результате ведения бизнеса, возможных путей их разрешения.

Таким образом, суть социальной проблематики изучаемой тематики сводилась к рассмотрению следующих аспектов: аспект семейственности рассматривается

- с этнической точки зрения; с психологической точки зрения; с позиции

социального взаимодействия в семье (семейные отношения: административные, властные, либо, наоборот, компромиссные, партнерские.

- Сами причины успешного ведения семейного малого бизнеса могут быть вызваны многими социальными процессами, происходящими в обществе, в том числе и росту предпринимательской активности в крае.

- При изучении данной тематики были использованы такие теории, как: Дж.Ф. Мур<sup>1</sup>, Теория соконкуренции А.М. Бранденбургера:<sup>2</sup> Новаторские концепции ведения бизнеса Г. Хэмел и К.К. Прахалад.<sup>3</sup>

В результате исследования были получены следующие результаты (табл. 1).

Наиболее успешными видами деятельности в крае оказались:

1. Оптовая и розничная торговля (35,1%)
2. Обрабатывающие производства (18,4%)

Таблица 1

Положительные аспекты в ведении малого семейного бизнеса	Проблемы, возникающие в результате ведения малого семейного бизнеса
<p>- Энергия и инициатива, предприимчивость и трудолюбие, терпение и решимость идти на риск — вот те «киты», на которых держится семейный бизнес, по мнению самих его участников</p> <p>- Работников связывают не только экономические интересы и условия труда, но и общие семейные цели, забота о будущем благе семьи, стремление достичь уважение в обществе, передача семейных традиций и опыта</p> <p>- Совместно работают люди, хорошо знающие и доверяющие друг другу, ответственные в отношении взятых обязательств</p> <p>- Большинство владельцев семейного бизнеса стараются передавать свое дело детям, стараясь всячески мотивировать их.</p> <p>- Семейный бизнес — по мнению опрошенных, одна из основ общества, т.к. речь идет не столько о накоплении капиталов, а о передаче бизнес традиций и навыков.</p>	<p>- Очень часто именно по причине отсутствия в кругу семьи и постоянной занятости на работе происходит распад семей и конфликтные ситуации в бизнесе.</p> <p>- Основными проблемами малого бизнеса в крае являются высокий уровень налогообложения (62,7%), низкий уровень кадрового обеспечения квалифицированными рабочими (48,8%), недостаток финансовых ресурсов (44,2%).</p>

3. Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство (14,5%)
4. Операции с недвижимым имуществом, аренда, предоставление услуг (8,4%)
5. Строительство (5,9%)
6. Транспорт, связь (5,8%)
7. Прочие виды экономической деятельности (4,8%)
8. Гостиницы и рестораны (4,4%)
9. Коммунальные, социальные услуги (1,8%)
10. Здравоохранение (0,9%)

Таким образом, чтобы добиться как количественного, так и качественного роста малых семейных предприятий в крае, необходимо:

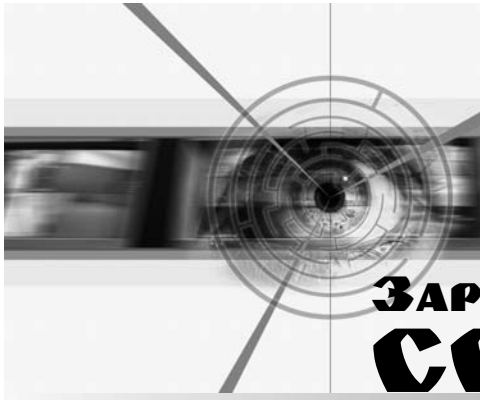
- развитие и поддержка предприятий в социально значимых сферах экономики, инновационных сферах.
- развитие социальной ответственности предприятий, улучшение налоговой политики в крае
- умение находить баланс как в семейных, так и в рабочих отношениях, способствуя тем самым укреплению и росту малых семейных предприятий.

### Ссылки:

1 Moore J.F. The Death of Competition. — N.Y.: Harper Business, 1996. Теория предпринимательских экосистем: среда бизнеса связана с живой природной средой, в которой имеет место быть не только борьба, но и эволюция сотрудничества, взаимодействия

2 Brandenburger A.M., Nalebuff B.M. Co-opetition. — N.Y.: Doubleday, 1996. Применять к стратегиям ведения бизнеса теорию игр. Например, в борьбе за инвесторов фирмы являются соперниками, но в определенных случаях им целесообразно сотрудничать, удешевляя сделку, освоение капитальных вложений, а также производимый продукт, добиваясь более высокого уровня потребления с меньшими затратами

3 Hamel G., Prahalad C.K. Competing for the Future. — Boston: Harvard Business School Press, 2000. Перспективность фирмы определяется первенством не на сегодняшнем, а на будущем рынке. Будущие рынки еще не существуют, но их необходимо представлять уже сейчас и стремиться к их формированию, на что может понадобиться свыше пяти лет. Использование такого подхода ориентирует органы управления экономической системой на постоянное наращивание ресурсов, сопоставление их структуры с направлением движения, превращается в процесс использования всех возможностей, необходимых для очередного шага по направлению к стратегической цели. При этом деятельность не сводится только к удовлетворению сегодняшних запросов потребителя, а нацелена на разработку новых продуктов и формирование для них рынков



# ЗАРУБЕЖНЫЕ СОЦИОЛОГИ

## Сельская местность в Черногории – миграционные движения и тенденции

Шарович Р.

Социологический аспект рассматривает опустошение сельской местности и деаграризацию как сложные общественные процессы, в основе которых лежат понятия: движение, перемены, развитие города и дева­стация сельской местности в качестве постоянных явлений. Основными особенностями являются скорость их осуществления и масштаб. Нет ни одной резкой общественной перемены, которая не повлекла бы за собой ряд других общественных перемен, повлиявших, конечно, на основу общества, производство, потребление, а также и на жизнь населения в целом. Если на этом уровне рассуждать о восстановлении и возобновлении сельскохозяйственной агломерации в Черногории, важнее, и для общества более значимо, понять, каким способом сохранить те места, которые в силу дерурализации, исчезают.

*Ключевые слова:* демопопуляционные движения, сельская местность, деаграризация и дерурализация

Village in Montenegro - the migratory movements and trends

Seen from a sociological point, exodus of people from village and land reclamation issue are complex social processes, at the basis of which lies the notion of movements, changes, development of urban and devastation of rural areas as a permanent fact. Basic characteristics that adorn this fact are the speed at which it occurs and its massiveness. However, there is no sudden social change, which did not pull along a number of other social changes, which of course affect the very basis of society, production, consumption, and overall life of the inhabitants. At that level, when considering the rehabilitation and reconstruction of devastated rural agglomerates of Montenegro, it is important and far more significant to society, how to save settlements which are on the verge of its own disappearance due to the process of deruralisation.

*Key words:* population - population trends, village, migration, deagrарization, deruralization

### Введение

Современные социологические исследования демопопуляционных движений и тенденций в сельской местности обычно начинаются с предположения о том, что существуют два основных фактора, существенно меняющих общественную структуру современного села и семьи в нем: 1. *резкое уменьшение численности крестьянства*, как демографическо-статистической категории, и его социокультурный переход к городскому образу жизни; 2. *уход от сельского хозяйства*, как от источника дохода, тех людей, которые живут на участках, в результате чего возникает расхождение между современным селом (которое становится более урбанизированным) и современным сельским хозяйством (находится в процессе индустриализации). Однако миграции населения в более-менее нормальных масштабах являются спецификой не только черногорского общества. Во всех развитых странах мира наблюдались периоды массовых миграций из сельской местности и от сельского хозяйства в города, особенно миграции молодежи. Эрик Хобсбаум считает, что исчезновение крестьянства является одной из самых далеко идущих общественных перемен второй полови-

ны XX века. Этот автор указывает на интересные примеры Испании и Португалии, где в 1950 году население, занимающееся сельским хозяйством, составляло чуть менее половины, а тридцать лет спустя его численность снизилась до 14,5%, также в Японии численность населения, работающего на земле, составляла 52,4% (1947) и снизилась до 8,5% (1985), в Южной Америке, России и т.п. Только в трех регионах земного шара – в субсахарской Африке, южной, континентальной и восточной Азии и Китае – сельская местность и земля доминируют (Хобсбаум, 2002, 221). Для остальных развитых стран как европейских, так и мировых, характерно то, что в них, или в большинстве из них, миграционные процессы из сельской местности в город осуществлялись в соответствии с экономической политикой и в зависимости от развития промышленности в целом и сельского хозяйства в частности.

### **Миграции населения и их последствия**

Когда речь идет о черногорском обществе и сельской местности, нужно подчеркнуть, что различные структурные переходы и процессы по-разному оказывали влияние на жизнь сельской местности в Черногории. Социалистическое устройство путем проведения амбициозных проектов перехода общества вызвало сильные потрясения для уже существующей аграрной структуры и традиционного образа жизни крестьян. Индустриализация, национализация, колонизация, коллективизация, продуманная ориентация производства – это основные попытки улучшить состояние в стране после Второй мировой войны. Осуществлялось нецелесообразное и, в рамках либеральных обществ, грубое давле-

ние на крестьян. Индивидуальное сельскохозяйственное производство больше не являлось видом промышленной отрасли с очень важным общественным значением, и это повлияло на целостность сельской местности, сельского общества и жизни на селе. Хозяйство не развивается и становится менее значимым в структуре общества, почти полностью потеряв влияние в общественной цепочке событий. Тогда поощрялось сельскохозяйственное производство промышленного типа, с базой в крупных коллективных хозяйствах, примером этого в Черногории всегда служил и будет служить Агрокомбинат «13 июля» (производитель алкогольных напитков). Через разные виды сотрудничества и объединений с субъектами промышленности и институтами глобального общества меняется роль сельских хозяйств, в результате чего они трансформируются в высшую форму производства. Запланированные проекты отчасти и были реализованы, но с огромными социальными потерями и разными дисфункциональными эффектами. В таком взаимоотношении крестьянин и его семейное хозяйство подчиняются требованиям промышленного общества, образцам поведения, не типичным для него и не всегда ему понятным. «Город, большие компании, предприятия, банки, органы управления и министерства – они определяют будущее и судьбу крестьянина» (М. Зупанчич, 2002: 69).

Пропагандировавшийся принцип равенства в промышленных отраслях и в их развитии теряет свою значимость. Особенностью этого периода является возникновение и развитие промышленных центров, которое сопровождалось сильной миграцией населения из сельской местности в городские центры и пригороды. К причинам

миграции из сельской местности в город относятся как экономические и образовательные, так и психологические. Замкнутая жизнь в черногорских горных селах была тяжелой и ограничивала молодых людей, которые не могли найти свое место и роль. Кроме этого, все более заметной становилась демографическая разница регионального характера.

Ссылаясь на статистические показатели, мы подчеркиваем, что в досоциалистический период в Черногории насчитывалось 380 000 жителей, огромную долю здесь составляло крестьянство (88%) и типичные мелкие сельские хозяйства. По окончании войны началась миграция населения из сел в города, по данным переписи 1948 года доля сельскохозяйственного населения в общем населении составляла 71,6%, 1971 г. – менее половины (35%), а в 1981 году было всего 13,5% жителей, занимающихся сельским хозяйством. Новейшие данные Статистического центра Черногории 2011 г. указывают на тенденцию уменьшения численности населения в сельской местности – из общего населения Черногории (620 000) только 6% осталось жить в сельской местности. Такая тенденция продолжается, но главным, постоянным показателем нецелесообразного отношения государства к сельской местности в Черногории является участие активных крестьян (для которых сельское хозяйство является единственной деятельностью) в общей жизни населения. Только за прошедшие восемь лет сельскую местность покинули 3% населения, что является значительным количеством не только для Черногории, но и для более развитых стран.

Усиление интенсивности миграции населения вызвало демографический взрыв в черногорских

городах и, следовательно, резкое развитие уровня урбанизации. Существуют оценки того, что в период 1949 – 1969 черногорскую сельскую местность покинуло около 185 000 жителей. С другой стороны, городские центры северной и средней частей Черногории в период 1949-2003 гг. характеризуется исключительно положительным демографическим состоянием. Самые сильные миграционные движения оказались из отдаленных горных сел северного и среднего регионов, в которых преобладает каменистая почва: области городов Андриевица, Беране, Мойковац, Колашин, Плевля, Жабляк, Шавник, Плужине, Цетинье.

Однако процесс постоянного опустошения черногорских деревень привел к тому, что и город в последние годы не развивается с такой интенсивностью, как раньше. Данные последней переписи населения в Черногории (2011) указывают на демографический рост только в городах Бар, Будва, Подгорица. По сравнению с данными 2003 г., в Подгорице в 2011 г. проживает на 18 000 больше жителей, в Будве на 3000. Из общего количества муниципалитетов (21) в 2011 году, только в 7 из них больше жителей приехало, чем уехало, в то время, как в 14 муниципалитетах существует отрицательный миграционный баланс.

Наблюдается огромная неравномерность в территориальном распределении населения: на 4.462 кв.км в северной части Черногории (32,3% территории страны) проживает 67,174 человек или 10,7% населения Черногории (15 человек на 1 кв.км); на 2.842 кв.км на северо-востоке страны (20,6% территории) проживает 127.635 человек или 20,7% населения страны (45 человек на 1 кв.км); на 4.917 кв.км средней части Черногории (35,6% тер-

ритории) проживает 279.489 человек или 45,1% (57 на 1 кв.км); на 1.591 кв.км приморского региона (11,5% территории) проживает 145.847 человек или 23,5% населения (92 человека на 1 кв.км).

Одним из основных элементов (последствий) миграции в Черногории становится процесс деаграризации, когда члены определенных семей или даже целые семьи покидали землю и больше не занимались сельским хозяйством. Слово деаграризация происходит от латинского слова «ager» (поле, земля) и приставки «de» (отделение от чего-то), в прямом значении – отделение от земли. Но это понятие нельзя, как это часто делают, отождествлять с дерурализацией – покинуть село, потому что несельскохозяйственное население и население сельской местности во многом отличаются.

В социалистическом государственном устройстве сельское хозяйство и сельская местность являлись источником учредительного капитала и главным ресурсом рабочей силы в процессе создания промышленной страны. Образцы развития всегда обеспечивались обменом между сельским хозяйством и промышленностью, но всегда в ущерб сельскому хозяйству, впоследствии чего возникало расслоение сельского общества в социальном, экономическом, культурном, политическом смыслах. Разница в заработке между сельскохозяйственным и несельскохозяйственным населением в это время являлась главным мотивом деаграризации, потому что переход из сельского хозяйства в другие отрасли происходит чаще всего тогда, когда средний заработок в сельском хозяйстве настолько отличается от заработков в других отраслях, что даже возможно амортизировать расходы в связи

с переходом, как это было в Черногории (Монстат, 2006, 20). С другой стороны, на пути «модернизации» села и сельского хозяйства оказывались многочисленные препятствия и ограничения: определение максимальной площади участка, запрет на использование дополнительной рабочей силы, административный запрет на приобретение сельскохозяйственной техники до 1967 г., отсутствие медицинского страхового полиса до 1965 г., социального страхового полиса до 1979 г., постоянное уменьшение цен государственной монополией, задержки выплат, неточное взвешивание и т.д. Сельскохозяйственное общество постоянно деградировало и уничтожалось, крестьянский уклад жизни, т.е. сельская местность и сельское хозяйство в целом. В связи с этим, можно согласиться с утверждением Душицы Сферагич о том, что особенностями социалистической позиции с самого начала являлись «четкий концепт и негативная политика по отношению к сельской местности» (Д. Сферагич, 2002, 17).

Кроме того, для нашей темы важно указать на деаграризацию самого семейного хозяйства (потому что сельское хозяйство сегодня, как мы видим, возможно и без сельскохозяйственной семейной жизни). Благодаря этим процессам, в хозяйстве возникают новые потребности его членов, существование которых во все меньшей степени связано с сельским хозяйством, а больше с другими отраслями промышленности, центры которых находятся в городах. В таком взаимоотношении уменьшается численность «чистого» сельскохозяйственного населения, т.е. тех, кто всю свою жизнь и работу видит только в сельском хозяйстве. Последствием приведенных выше движений для экономической базы

общества, кроме прочего, является большая степень зависимости населения сельской местности от города, т.е. от отраслей, центры которых находятся в городах.

Данные факторы привели к возникновению и развитию смешанного семейного хозяйства как последствия специфического типа деаграризации. В начале этого процесса человек постепенно отдалялся от сельского хозяйства, но не так резко, как это происходило в случае вынужденных миграций. Поэтому мы должны строго разграничивать переход населения от сельского хозяйства к несельскохозяйственным отраслям, с одной стороны, и переход сельскохозяйственного населения в несельскохозяйственное, с другой. Первый способ – бросить сельское хозяйство и устроиться на работу вне деревни – одновременно значит и деаграризацию этой части населения. Когда речь идет о переходе сельскохозяйственного населения в несельскохозяйственное, тогда те, кто устроился на работу не в отрасли сельского хозяйства, и те, кто от него зависит в финансовом смысле, полностью ушли от хозяйства. Эта часть населения постепенно деаграризируется, т.е. трансформируется из сельскохозяйственного в несельскохозяйственное и, таким образом, представляет собой переходный слой населения.

Предыдущий период характеризуется направленностью крестьян к более выгодным и легким способам заработать, к профессиям в промышленности и к другим несельскохозяйственным профессиям, что постепенно уничтожает традиционно-аграрный уклад жизни и планы в связи с землей и семейным хозяйством. Доля сельскохозяйственного населения в общем населении минимальна и в каче-

ственном, и в количественном отношении. В основе деаграризации лежит, прежде всего, социально-экономический фактор. Из-за продолжительности своего действия эти факторы оставили неблагоприятные последствия на «большинство» населения и на структуру общества в сельской местности, потому что чаще всего уезжали молодые, т.е. более молодая часть населения, а оставались люди постарше, и, таким образом, формировались биологически непродуктивные семьи. В таких семьях, рождаемость меньше, смертность больше, естественный прирост – нулевой или отрицательный. Следовательно, депопуляция, как явление в настоящее время, в отличие от социалистического периода, намного более выразительна, чем первоначальная миграция. Таким образом, население сельской местности уменьшается, и это явление представляет собой не только проблему сельской местности, а проблему черногорского общества в целом.

### Заключение

Миграция населения сельской местности и деаграризация в Черногории представляют собой процессы, автоматически обозначающие старение, а потом и дерурализацию нашего сельского наследия. По своим особенностям процесс дерурализации отличается в разных областях Черногории: как мы уже видели, в наибольшей степени уезжали и продолжают уезжать из северной и средней частей Черногории, т.е. из регионов, в которых сельское хозяйство является экстенсивным, а села в этих регионах небольшие и неразвитые. Процесс дерурализации замедляет свое развитие в последнее десятилетие XX века, отчасти, потому что сельская местность





уже давно опустела, и потому что кризис, охвативший наше общество на разных уровнях, продвигает село, как единственную более-менее надежную среду для «жизни и работы». В период ярко выраженных экономических и политических переворотов, в 90-ые годы прошлого века, по социально-экономической лестнице крестьяне спускались намного медленнее, чем другие слои общества – рабочие, чиновники, служащие, и, в итоге, меньше всех были в зависимом положении от глобальных (неблагоприятных) общественных движений, являющихся особенностью данного периода.

Возникшие региональные отличия в Черногории, прежде всего, носят экономический характер. Экономические показатели, как, например, доля ВВП, совершенно четкие и узнаваемые на уровне всех черногорских областей, роль средней и, в определенной степени, южной областей, является самой доминирующей. Такая тенденция есть «последствие» общественного отношения и постоянного обеспечения экономического развития, и не только экономического, данной области. Однако не все экономические положительные «последствия» могут быть оправданными и рациональными – из-за социально-экономического неравенства, «образовался» неразвитый север, несмотря на то, что северная часть занимает больше половины территории Черногории, там живет более одной трети населения страны, а его доля ВВП составляет только одну десятую. Таким образом, не все экономические последствия положительны при глобальном рассмотрении для черногорского общества и его определенных регионов, не всегда рациональны, оправданы и полностью понятны. Иногда мы встре-

чаем и такие случаи, когда с целью прогресса, быстро и несогласованно с потребностями общества, рушится старое и традиционное, как, например, на севере Черногории в течение индустриализации и в период постсоциализма, причем, новое ухудшило даже то, что хотелось улучшить.

### Литература

1. Dušica Sferagić, *Selo izbor ili usud*, Institut za društvena istraživanja u Zagrebu, Zagreb 2002
2. Hobsbaum Erik, *Doba ekstrema*, Dereta, Beograd. 2002.
3. Milan župančić, *Obiteljska poljoprivredna gospodarstva i ruralni razvoj Hrvatske*, Sociologija sela, 168. 2005 <http://hrcak.srce.hr/sociologija-i-prostor> pristupljeno: 11.02.2011
4. Milan župančić, *Vitalni poljoprivrednici i drugi akteri u razvoju ruralnih područja, U, Selo izbor ili usud*, Institut za društvena istraživanja u Zagrebu, Zagreb 2002
5. Mitrović Milovan *Sociologija sela*, Službeni glasnik Beograd 1999.
6. Svetozar Livada, *Sudbina crnogorskih ruralnih naselja nastalih za historijski trenutak*, Podgorica, CANU, 2004
7. Gudović Zoran, *Selo i seljaš tvo – prilog sociologiji sela*, Standard, Beograd, 2008.
8. ZAVOD ZA STATISTIKU CRNE GORE *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011. godine* S A O P Š T E N J E Broj: 83 Podgorica,
9. ZAVOD ZA STATISTIKU CRNE GORE *Prvi rezultati popisa poljoprivrede 2010. godine za porodièna poljoprivredna gazdinstva* S A O P Š T E N J E Broj: 68 Podgorica, 22. 07. 2011 <http://www.monstat.org/cg/> Pristupljeno: 17.06.2011
10. Vukićević Slobodan (2003), *Crna Gora na prelazu milenijuma*, Cetinje, Centralna narodna biblioteka Crne Gore „Đurđe Crnojević“



## Sens społeczeństwa obywatelskiego

Woźniak Mariola<sup>1</sup>, Zaborowski Tadeusz<sup>2</sup>

Społeczeństwo obywatelskie charakteryzuje się aktywnością publiczną, świadomością swoich celów, przede wszystkim jawi się jako społeczeństwo zdolne do samoorganizowania się dla realizacji aspektów ekonomicznych, politycznych i społecznych

Znaczenie społeczeństwa obywatelskiego odzwierciedla się w ramach;

- organizacji pozarządowych
- związków zawodowych
- grup interesów
- opinii publicznej
- form aktywności obywatelskiej
- etyki życia publicznego
- posiadanych umiejętności

Obywatele tworzące społeczeństwo mogą zdobywać i analizować informacje na temat życia publicznego. Ważny jest proces komunikowania się w sprawach publicznych i podkreślenie rangi opinii publicznej, rozpoznawanie przyczyn i przewidywania skutków różnych problemów życia publicznego. Stosowanie najważniejszych procedur demokratycznych, w tym wyborów władz, głosowania, debaty publicznej oraz znajomość zasad uczestniczenia w nich. Samoorganizowania się, organizowania działań o charakterze obywatelskim. Rozumienie norm prawnych i wykorzystywania w praktyce znajomości własnych praw i obowiązków. Istotne jest

kształtowanie postaw wobec aktualnych spraw społecznych, gospodarczych i politycznych poprzez angażowanie się w sprawy publiczne, śledzenie działań władzy rządowej i samorządowej, jednocześnie podejmowanie działań w obronie własnych interesów, a także dobra społeczności.

Społeczeństwo wpływa na kształtowanie odpowiedzialności za innych. Zorganizowane społeczeństwo zapewnia porządek społeczny. Społeczeństwo obywatelskie jest czynnikiem pobudzającym innowacyjność. Dla rozwoju świadomości i wolności społeczeństwa przyczynia się proces ruchliwości społecznej.

Dobrowolna współpraca łatwiejsza jest w społeczności, która odziedziczyła istotny kapitał społeczny w postaci norm wzajemności i sieci obywatelskiego zaangażowania.

Podstawą społeczeństwa jest pomocniczość. Podstawy ideowe obecnych reform związane są z zasadą pomocniczości, którą odnajdujemy w preambule polskiej ustawy zasadniczej „Ustanawiamy Konstytucję Rzeczypospolitej Polskiej jako prawa podstawowe dla państwa oparte na (...) zasadzie pomocniczości umacniającej uprawnienia obywateli i ich wspólnot. Pomocniczość jest podstawową zasadą w filozofii społecznej i naczelną normą ustrojową. Władza w ogóle, a państwo w szczególności nie powinny przeszkadzać osobom lub grupom społecznym w podejmowaniu ich własnych działań, to znaczy w najpełniejszym użytkowaniu ich energii, wyobraźni, wytrwałości dla dokonania dzieł, przez które same się realizują z pożytkiem dla interesu ogólnego, jak i dla interesu partykularnego. Zwolennicy zasady pomocniczości zakładają, że warunkiem rozwoju społecznego jest współdziałanie różnych podmiotów w realizacji dobra wspólnego. Optymalny rozwój uzależniony jest od mądrego podziału zadań między państwo, organizacje społeczne i podmioty komercyjne<sup>3</sup>.

Subsydiarność udziela społeczeństwu obywatelskiemu kompetencji do wykonywania zadań.

Działanie społeczeństwa obywatelskiego nabiera znaczenia w polityce społecznej i decentralizacji<sup>4</sup>.

Decentralizacja rozumiana jest jako posiadanie przez samorząd terytorialny i inne wspólnoty możliwości podejmowania samoistnych decyzji<sup>5</sup>.

Ludzi zaangażowanych w organizacje pozarządowe cechuje wrażliwość na potrzeby innych, umiejętność zmiany, elastyczność w reagowaniu na nowe problemy. Są oni motywowani podobnym systemem wartości bardziej misją niż etatem i zainteresowaniami, przeważnie też są osobiście zaangażowani w dany problem. Pracują w niehierarchicznych, partnerskich, demokratycznych zespołach, które wspierane są zapleczem doradczym w postaci Rad, Walnych Zgromadzeń oraz pracą wolontariuszy<sup>6</sup>.

Organizacje pozarządowe spośród innych form aktywności wyróżnia się przede wszystkim wspólny im zespół wartości:

- organizacje tworzą programy oparte o wartości, nie o kryterium zysku.
- założyciele, władze i członkowie organizacji w nich uczestniczą w podziale wypracowanych przez organizację zysków.
- organizacje są suwerenne i niezależne wobec struktury aparatu państwa.
- organizacje charakteryzują się uproszczonymi procesami podejmowania decyzji i poziomą strukturą wewnętrzną.
- organizacje zajmują krytyczne stanowisko wobec autorytetów i dogmatów.
- podstawą działania organizacji jest wyrażanie niezgody na istnienie jakiegokolwiek społecznej alienacji.
- w przypadku konfliktu interesów organizacje starają się wypracować wspólne stanowisko<sup>7</sup>.

Szczepański podaje trzy znaczenia organizacji:

1. Organizacja oznacza grupę celową, zrzeszenie ludzi zmierzających do realizacji pewnych celów w sposób zorganizowany.
2. Organizacja to sposób zarządzania i kierowania ludźmi oraz różnymi środkami działania, sposoby koordynowania czynności, harmonizowania wysiłków i

sprawdzania ich wyników dla osiągnięcia określonego celu przez zespół ludzi wykonujących zadania cząstkowe.

3. Organizacja społecznej zbiorowości to układ sposobów działania jednostek, podgrup i instytucji, środków kontroli społecznej, ról społecznych i systemów wartości, które zapewniają współzycie członków zbiorowości, harmonizują ich dążenia i działania, ustalają dopuszczalne sposoby zaspokojenia potrzeb, rozwiązują problemy i konflikty<sup>8</sup>.

Autor zastrzega aby organizację społeczną nie kojarzyć z ustrojem społecznym, w którym dokonuje się podział społeczny.

Ustrój społeczny rozumie się najczęściej system stratyfikacyjny społeczeństwa, tzn. ułożenia klas i warstw według zasady wyższości i niższości<sup>9</sup>.

Zasada subsydiarności rzutuje na sprawne funkcjonowanie społeczeństwa obywatelskiego.

W szczególności zasada subsydiarności oznacza decentralizację państwa, prawo do samorządu, prawo obywateli do uczestniczenia w służbie cywilnej, prawo dostępu do informacji publicznej oraz prawo do zrzeszania się. Zasada ta obliguje władzę państwową do zaniechania jakiegokolwiek ingerencji i działalności w tych dziedzinach, w których jednostki i powołane przez nie organizacje mogą same zaspokoić swoje potrzeby bez zagrożenia dla praw i wolności innych jednostek i organizacji. W innych przypadkach, tzn. tam gdzie jednostki i ich organizacje nie są w stanie samodzielnie zaspokoić swoich potrzeb, uzasadniona jest działalność władzy państwowej<sup>10</sup>.

Intencją społeczeństwa obywatelskiego jest przede wszystkim rozwiązywanie problemów społecznych. Kolejną inicjatywą obywateli jest zrzeszenie się w związkach zawodowych.

Związki zawodowe nie mają statusu organizacji pożytku publicznego, ale prowadzą działalność społecznie użyteczną. Świadczą pomoc rodzinom i osobom w trudnej sytuacji życiowej. Podejmują działania na rzecz osób niepełnosprawnych. Prowadzą aktywizację zawodową osób

pozostających bez pracy.

Wiceprzewodniczący OPZZ Ryszard Łepik wskazuje na rolę związków zawodowych, mianowicie muszą upubliczniać wiedzę na temat nadużyć i niedoskonałości prawa. Informacje te, to także źródło wiedzy dla pracodawców z innych państw, szczególnie Europy Zachodniej, bo dostarczają danych o powstaniu nieuczciwej konkurencji i dumpingu pracy.

Elżbieta Wichrowska-Jankowska dyrektor Zespołu Prawa Pracy Biura Rzecznika Praw Obywatelskich kładzie nacisk na współpracę z organizacjami związkowymi. Podejmowane są działania w zakresie informacyjno – edukacyjnym. Związki uczestniczą, a także współorganizują konferencje na temat aktualnych zagadnień jakie pojawiają się w stosunkach pracy, nowych form zatrudnienia, dyskryminacji, mobbingu. Natomiast Henryk Lewandowski uważa, że związki zawodowe winny zmienić strategię działania. Podkreśla znaczenie związków zawodowych, że od postawy ich wiele zależy, ale często z ich strony można usłyszeć negację wobec wszelkich zmian. W wielu sytuacjach nie godzą się na żadne ustępstwa. W Europie Zachodniej organizacje związkowe znajdują nowe możliwości poprzez

wchodzenie do komitetów i zespołów, które opracowują rozwiązania gospodarcze.

Aktywność w formach partycypacyjnych to przyszłość związków zawodowych<sup>11</sup>.

Grupy interesów są związkami utworzone dla wspierania partykularnych interesów poprzez wywieranie nacisku na decyzje rządu. Grupy te rozwijają się w państwach, których organizacja dopuszcza rozmaite możliwości dostępu i gdzie działalność rządu dotyczy szerokiej skali interesów społecznych i gospodarczych.

Modalizm genetyczny pozwala grupę interesów porównać do kręgu społecznego, ponieważ jak opisuje Szczepański „ich działalność w społeczeństwie polega na tym, że kształtują opinie lub też stwarzają i dostarczają jednostkom materiału do ukształtowania sobie poglądu na sprawy



dyskutowane w kręgu. Stąd też kręgi zawsze odgrywały ważną rolę w życiu intelektualnym, artystycznym, a częściowo także politycznym. Każdy krąg ma zawsze w centrum wybitniejszą osobowość spełniającą rolę przywódcy, który w jakiś mniej lub bardziej wyraźny sposób podsumowuje wyniki dyskusji, formułuje myśli wypowiedziane, daje materiał do ustalenia opinii werbalnej. Socjologowie amerykańscy nazywają ich *opinion leaders*<sup>12</sup>.

Podstawową cechą grupy jest wspólny cel.

Pojawienie się zadania dla całości z konieczności pociąga za sobą pojawienie się środków na realizację zadania, zinstytucjonalizowanego sposobu dysponowania środkami, formy kontroli i rozliczeń z dysponowania środkami, ocenę zbiorową, wykonania zadań, nowy system stosunków między członkami i konieczność ich instytucjonalnego uregulowania. W ten sposób zadanie grupy staje się czynnikiem rozwijania systemu kontroli i organizacji wewnętrznej.

Opinia publiczna stanowi istotny czynnik rozwoju społeczeństwa obywatelskiego. Opinia publiczna to inaczej głos tłumu, grupy jednostek. Przejawiają się różne wartości, idee, różnorodne oczekiwania. Jednostki różnią się pod względem kulturowym, behawioralnym. Regiony w szczególności mają wpływ na społeczną mentalność.

Świadomość zbiorowa spełnia bardzo ważną rolę w strukturze, ponieważ reguluje funkcję wewnątrz sfery publicznej oraz konstytuuje więź między centrum i peryferiami społeczeństwa obywatelskiego.

Zakres opinii publicznej nabiera znaczenie wówczas kiedy interpelacje obywateli nie są sfalszowane. Rzetelność opinii publicznej jest wynikiem odpowiednio dobranej próby reprezentatywnej. Trudno wskazać na opinię publiczną, jeśli wskaźnik procentowy wynika z niewielkiej ilości badanej populacji.

Opinia publiczna tworzy się z indywidualnych poglądów jednostek, światopogląd człowieka zatem kształtuje się

od dzieciństwa i rozwija się oraz zmienia przez cały proces życiowy.

Pierwszym czynnikiem kształtującym system wartości, normy, poglądy społeczne i polityczne są: rodzina, grupy koleżeńskie, grupy odniesienia, instytucje wychowawcze, jak szkoła, kościół, zakład pracy. Ważną rolę w kształtowaniu opinii publicznej odgrywają środki komunikacji społecznej, książki, filmy, muzyka, środki masowego przekazu.

Opinia publiczna w krajach ugruntowanej demokracji ugruntowanej demokracji jest funkcją wolności, narzędziem edukacji obywatelskiej. Opinia publiczna jest strażnikiem wartości społeczeństwa obywatelskiego, rozwija jego koncepcję, poszukuje coraz to nowych rozwiązań w relacjach jednostka – wspólnota, nadaje im znaczenie, które wynika z dynamiki społeczno – kulturalnej i umożliwia rozwój także gospodarczej. W dużej mierze regulują percepcję przekazu, jaki rodzi się w działalności obywateli na rzecz wspólnoty<sup>13</sup>.

Opinia publiczna jako świadomość zbiorowa wyraża potrzeby, jednocześnie występuje w charakterze siły społecznej wskazując na możliwości rozwoju społeczeństwa obywatelskiego w demokratycznym państwie.

Znajomość potrzeb społecznych, interesów grup rekomenduje postępek społeczny.

Opinia publiczna może mieć charakter *behavioral habit* – odpowiednik werbalny; gest, dźwięk, znaki<sup>14</sup>.

Elementami opinii publicznej są:

1. Sądy diagnostyczne.
2. Sądy wyjaśniające.
3. Sądy prognostyczne.
4. Sądy oceniające.
5. Sądy normatywne.

Wypowiadane publicznie sądy diagnostyczne są wyrazem własnego przekonania oraz instrumentem perswazji. Sądy diagnostyczne mogą dotyczyć procesów i tendencji obejmujących większe grupy społeczne, na przykład stosunku społeczeństwa do konstytucji RP.

Sądy diagnostyczne zawierają implicite lub explicite pewne przekonanie o

potencjalnych celach przedmiotów, przykładowo stwierdzenie „Niemcy są odwiecznym wrogiem Polski, którzy chcą odebrać jej Ziemię Zachodnie i przesiedlić na nie Niemców z byłego Związku Radzieckiego” zawiera wyraźnie przekonanie na temat niebezpieczeństw, jakie mają Polskę grozić ze strony Niemiec.

Sądy wyjaśniające występują w trzech różnych formach:

➤ Jako odpowiedzi na pytania „dlaczego”.

➤ Jako odpowiedzi na pytanie „po co”.

➤ Jako odpowiedzi na pytanie „kto za to odpowiada”.

Formułowanie sądów prognostycznych, tj. odpowiedzi na pytanie „co będzie dalej”. Sądy oceniające dotyczą walencji; dobre – złe, pozytywne – negatywne oraz ważności. Czasami sądy oceniające mają formę pseudodiagnostyczną, na przykład wychowanie seksualne w szkole to propedeutyka prostytucji.

Formułowanie sądów normatywnych, mówiących o tym, jak być powinno, na przykład wszystkim obywatelom powinny przysługiwać jednakowe prawa.

Formy publiczne mogą odgrywać istotną rolę w kształtowaniu kolektywnych programów działań<sup>15</sup>.

Wypowiadanie jest czynnością mającą początek wewnątrz jednostki, jest próbą uzewnętrznienia, wyjawienia, unocznienia czegoś, co zawiera jej wewnętrzność<sup>16</sup>.

Aby doprowadzić do utrwalenia więzi społecznej potrzebna jest częsta interwencja jego wewnętrznej władzy publicznej.

Należy zgodzić się z Czyżewskim, iż opinia publiczna jest agregatem indywidualnych preferencji.

Blumer określił następujące wyznaczniki opinii publicznej; opinia publiczna jest częścią społeczeństwa;

➤ Społeczeństwo jest społecznie zorganizowane

➤ Opinia publiczna jest społecznie zorganizowana (kształtowana, różnicowana, wyrażana)<sup>17</sup>.

We współczesnej myśli socjologicznej uformowały się trzy główne sposoby

rozpatrywania problemu opinii publicznej:

1. Nurt afirmatywny.

2. Nurt krytyczny.

3. Nurt ironiczny.

Nurt afirmatywny wyraża się w szczególności w przychylniej diagnozie ogólnego stanu sfery publicznej. W nurcie tym mieści się tradycja interakcjonistyczna, wyrastająca z amerykańskiego pragmatyzmu.

Ujmowanie opinii publicznej w nurcie krytycznym i ironicznym odnosi się do wspólnych punktów wyjścia w postaci tezy, iż ukształtowana na liberalno-oświeceniowych wzorach sfera publiczna znajduje się w stanie głębokiego kryzysu. Natomiast w nurt krytyczny i nurt ironiczny wyciągają całkowicie odmienne wnioski. Nurt krytyczny skupia się na krytyce tendencji rozwojowych współczesnego społeczeństwa oraz środków masowego przekazu i twierdzi, że dotknięta kryzysem sfera publiczna (wraz ze swym kluczowym składnikiem w postaci opinii publicznej) powinna zostać poddana procesom odbudowy i rekonstrukcji. Nurt ironiczny przyznaje, że liberalno – oświeceniowa sfera publiczna znajduje się w stanie głębokiego kryzysu, lecz stwierdza zarazem, iż sfery publicznej nie należy odbudowywać, gdyż byłoby to zadanie niewykonalne albo nawet w swych konsekwencjach szkodliwe.

Nurt afirmatywny i krytyczny w kwestii diagnozy sytuacji zakładają, że opinia publiczna jest fundamentem demokratycznego ładu społecznego lub społeczeństwa obywatelskiego, a jej brak stanowi deficyt. Nurt afirmacji mówi o deficycie potencjalnym, nurt krytyczny o deficycie realnym. W nurcie ironicznym, twierdzi się, że w prawdzie opinii publicznej w liberalno-oświeceniowym sensie nie ma, lecz ten brak wale nie stanowi deficytu. Badania opinii publicznej traktowane jako instrumentalny element życia politycznego, którego zadaniem nie jest bynajmniej przyczynianie się do wzrostu samowiedzy społeczeństwa<sup>18</sup>.

Życie publiczne obejmuje wszelkie sfery życia zbiorowego, należy do niego działalność intelektualna, moralno – religijna,

gospodarcza, społeczno – polityczna.

Przeznaczeniem człowieka jest przede wszystkim działanie pisze Ortega y Gasset. Dla niektórych żyć, to pozostawać takim się jest, bez podejmowania jakiegokolwiek wysiłku w kierunku samodoskonalenia, to płynąć przez życie jak boja poddająca się biernie zmiennym prądem morskim. A więc z dwóch pierwiastków społeczeństwa jeden jest z natury swej aktywny drugi reaktywny, działający pod wpływem okoliczności<sup>19</sup>.

Spółeczeństwo, którego obywatele nie są gotowi sporo dać z siebie, ma małe szanse na rozwój, a poza tym jest narażone na manipulację. Prawidłowy rozwój społeczeństwa i państwa wymaga zarówno osób o postawach idealistycznych, niepokornych, a nawet rewolucyjnych, jak i osób o postawach rozważnych, pragmatycznych, konformistycznych.

Hamulcem rozwoju społeczeństwa obywatelskiego poprzez aktywację publiczną może być zjawisko alteracji. Zjawisko alteracji występuje wyniku wojen, konfliktów społecznych, a także jest wynikiem bogactwa. Powoduje to odrętwienie - a odrętwienie to najwyższa forma alteracji. Dalej Ortega y Gasset wskazuje na niebezpieczeństwo tego zjawiska. Twierdzi on, że demagodzy, fabrykanci alteracji, którzy przyczynili się do śmierci wielu cywilizacji popędzają wciąż ludzi, aby nie mogli się oni zastanowić, usiłują utrzymać ich zgromadzonych w tłumy<sup>20</sup>.

Komisja Wspólnot Europejskich we wniosku dotyczący „Decyzji Parlamentu Europejskiego i Rady” w sprawie ustanowienia programu „Obywatele dla Europy” na rzecz promowania aktywnego obywatelstwa europejskiego w okresie do 2007 do 2013 przedstawiła ocenę ex – ante, kładzie nacisk na potrzeby stwarzania systemu wsparcia dla ponadnarodowych działań w dziedzinie aktywnego obywatelstwa. Ogólnym celem programu, którego dotyczy wniosek, jej przyczynienie się do:

- stworzenia obywatelom możliwości współpracy i udziału w tworzeniu Europy, która byłaby im coraz bliższa, zjednoczona w swojej różnorodności kulturowej i wzbogacona przez nią,

- tworzenia tożsamości europejskiej w oparciu o uznane wspólne wartości, historię i kulturę,

- poprawy wzajemnego zrozumienia między obywatelami Europy, którzy szanują i doceniają różnorodność kulturową, przyczyniając się do dialogu międzykulturowego,

- umożliwienie zbliżenia członków społeczności lokalnych z całej Europy w celu wymiany doświadczeń, opinii i wartości, wyciągnięcia wniosków z historii oraz budowania przyszłości,

- wspieranie działań, debat i refleksji związanych z obywatelstwem europejskim poprzez współpracę organizacji społeczeństwa obywatelskiego na poziomie europejskim,

- wspieranie zrównoważonej integracji obywateli i organizacji społeczeństwa obywatelskiego we wszystkich Państwach Członkowskich, co przyczyni się do dialogu międzykulturowego i ukaże zarówno różnorodność, jak i jedność Europy, ze szczególnym uwzględnieniem działań dotyczących Państw Członkowskich, które niedawno przystąpiły do Unii Europejskiej.

Bez pełnego uczestnictwa obywateli i organizacji społeczeństwa obywatelskiego rozwój Europy będzie znacznie ograniczony.

Dokument określa trzy działania:

*Działanie 1:* Aktywni obywatele dla Europy.

W ramach tego środka wsparcie zostanie udzielone różnym projektom o wymiarze ponadnarodowym, w którym obywatele biorą bezpośredni udział. Projekty te mają umożliwić obywatelom o zróżnicowanych poglądach wspólne działania lub dyskusje dotyczące wspólnych kwestii europejskich rozwijając wzajemne zrozumienie i poszerzając wiedzę o procesie integracji europejskiej.

*Działanie 2:* Aktywne społeczeństwo obywatelskie w Europie.

Konieczne jest, aby organizacje społeczeństwa obywatelskiego zaistniały i były zdolne do działania i współpracy na poziomie europejskim w wielu dziedzinach będących przedmiotem ogólnego zainteresowania na przykład wspólne

wartości i dziedzictwo, wolontariat, zagadnienia społeczne. Środek ten zapewni im stabilność i zdolność do działania w charakterze ponadnarodowych katalizatorów w stosunku do ich własnych członków oraz społeczeństwa obywatelskiego na poziomie europejskim. Istotnym elementem w tym obszarze jest wzmocnienie sieci transeuropejskich. Organizacje społeczeństwa obywatelskiego takie, jak organizacje pozarządowe, związki zawodowe, federacje, zespoły ekspertów itd., mogą włączać obywateli do swoich działań lub reprezentować ich interesy poprzez debaty, publikacje, rzecznictwo i inne konkretne projekty ponadnarodowe. Bezpośrednia współpraca organizacji społeczeństwa obywatelskiego z różnych Państw Członkowskich przyczyni się do wzajemnego zrozumienia różnych kultur i punktów widzenia oraz do rozpoznania wspólnych trosk i wartości.

*Działanie 3: Razem do Europy.*

Środek ten ma na celu wsparcie organizowanych przez Komisję Europejską lub we współpracy z nią wydarzeń o znacznej skali i zasięgu, które dotyczą ważnych dla ludności Europy zagadnień, przyczyniają się do zwiększenia poczucia przynależności do wspólnoty, włączają ludzką w dialog międzykulturowy i przyczyniają się do rozwoju tożsamości europejskiej<sup>21</sup>.

W strategiach zrównoważonego rozwoju postulat aktywizacji społecznej stanowi podstawy i jednocześnie znaczący czynnik kształtowania świadomości społecznych praw. Zadaniem obywateli jest konstruowanie demokracji bezpośredniej oraz lokalnej.

Artykułowane potrzeby muszą być realizowane przez samych obywateli, zaś państwo należy spostrzegać jako strukturę, w ramach której aktorzy społeczni działają. W tym celu organizowane są konferencje naukowe obejmujące program społeczno – polityczny, gospodarczy oraz ekonomii społecznej. Przykładem jest konferencja pt. „Kongres Obywatelski”. Sam tytuł jest wymowny, niosący komunikat werbalny jak również symboliczny. „Głównymi celami idei Kongresu jest stworzenie możliwości lepszej

i silniejszej artykulacji głosu obywatelskiego w sprawie rozwoju kraju. Głosu, opartego na myśleniu kategoriami dobra wspólnego (publicznego)”<sup>22</sup>. Należy zgodzić się z postulatem, iż „Polska potrzebuje nowej kultury międzyśrodowiskowych debat publicznych. Dialog społeczny musi mieć nowy model, czyli dialog „między”: międzydyscyplinarny, międzyśrodowiskowy, międzypokoleniowy, międzyregionalny”<sup>23</sup>.

W kompetencji obywateli jest określenie wizji rozwoju społeczeństwa, sformułowanie problemów społecznych, które w swej istocie wskazują na konieczność poprawy sytuacji. Natomiast cele społeczne to obraz przyszłych sytuacji dotyczących jakości życia.

Aktywność obywatelska przejawia się w działalności różnorodnych wspólnot, przede wszystkim w działalności organizacji pozarządowych o charakterze obywatelskim, wspólnot lokalnych i samorządowych a także nieformalnych grup u ruchów społecznych i indywidualną aktywność obywatelską obejmującą postawy i świadomość obywatelską<sup>24</sup>.

Niemniej jednak indywidualna aktywność obywatelska charakteryzuje się słabymi stronami:

- Niska świadomość obywatelska cechująca się brakiem aktywności i odpowiedzialności za wspólnotę.
- Brak szerokiej edukacji obywatelskiej.
- Niewielki zakres „otwartości” instytucji państwowych wobec obywateli w zakresie: partycypacyjnych metod zarządzania.
- Niski poziom kapitału społecznego mierzony deklaracjami zaufania społecznego do instytucji państwa, wzajemnego zaufania pomiędzy instytucjami publicznymi a instytucjami obywatelskimi.
- Często napotykana niechęć administracji do dzielenia się pracą z organizacjami i przekazywania im zadań.
- Niewielka „szerokość” i „głębokość” wolontariatu i filantropii.

Świadomi i aktywni obywatele stanowią potencjał tworzący aktywne wspólnoty, urzeczywistniając podstawowe zasady i



wartości demokratycznego ładu społecznego, opartego na więziach społecznych. Aktywne wspólnoty zorganizowane w sposób formalny lub występujące jako grupy nieformalne, stanowią główną determinantę rozwoju kapitału społecznego jako szczególnej syntezy potencjału zasobów ludzkich, instytucji publicznych i pozarządowych oraz infrastruktury społecznej oraz wzajemnych relacji między nimi.

Aktywni świadomi obywatele, aktywne wspólnoty lokalne stanowią kluczowy priorytet w kwestii rozwoju społeczeństwa obywatelskiego.

Program operacyjny Społeczeństwo Obywatelskie zawiera określone sfery działania:

1. Edukacja obywatelska.
2. Aktywizacja obywateli w sprawach publicznych.
3. Aktywizacja społeczności lokalnych w partnerstwach lokalnych (kapitał społeczny).
4. Tworzenie lokalnej infrastruktury dla działań obywatelskich.

Edukacja obywatelska jest szczególną formą kształtowania wiedzy i umiejętności pozwalających na aktywne uczestnictwo w życiu społeczno – politycznym. Jej uniwersalny wymiar zawiera się w powszechnym oraz instytucjonalnie różnorodnym oddziaływaniu na postawy społeczne. Adresatem edukacji obywatelskiej powinny być wszystkie elementy struktury społecznej, począwszy od rodziny i społeczności lokalnych aż do społeczeństwa globalnego.

Świadomość społeczna (poznawcza, ekonomiczna, polityczna, kulturalna) jest funkcją aktywizacji obywateli w sprawach publicznych. Zrozumienie procesów społeczno – ekonomicznych, spraw publicznych sytuacji życiowej jest możliwe jedynie poprzez skutecznie działający system bezpłatnej informacji, poradnictwa obywatelskiego i pomocy prawnej. Szczególnie ważne jest zapewnienie powszechnie dostępnej pomocy prawnej dla najuboższych, osób i grup społecznie wykluczonych, w tym ich reprezentacji wobec urzędów czy kontaktów z sądem.

Słaba aktywność obywatelska powinna być przedmiotem powszechnej troski, praktycznie wyrażonej wsparciem i promocją obywatelskiego zaangażowania w sprawy publiczne, na przykład poprzez udział w debatach publicznych lub w konsultacjach społecznych w kwestiach najważniejszych dla kraju, regionu i społeczności lokalnej.

Aktywność świadomych obywateli jest podstawą sprawnie działającej demokracji lokalnej i budowania lokalnej wspólnoty, w oparciu o demokratyczny ład społeczny. Konieczne staje się inwestowanie w kapitał ludzki oraz kapitał społeczny, czyli inwestowanie w ludzi i w budowanie związków między nimi, w ich wzajemne zaufanie i zaangażowanie w sprawy wspólnoty.

Tworzenie lokalnej infrastruktury służy działaniom obywatelskim. Ułatwianie dostępu do niewielkich środków, które mogą wspierać prowadzone wspólnie działania, a także powszechnego dostępu – do chociażby podstawowej – technicznej i społecznej infrastruktury (co najmniej jedno miejsce spotkań w każdej gminie, dostęp do internetu, itd.) stanowi przykład elementarnych środków realizacji działań w zakresie wzmocnienia podstaw funkcjonowania społeczeństwa obywatelskiego<sup>25</sup>.

Aktywne społeczeństwo chroni swych obywateli przed wykluczeniem społecznym, uczy samorządności i samoorganizacji.

Cechą charakterystyczną społeczeństwa obywatelskiego jest aktywność obywateli w sferze publicznej oparta na dialektycznych związkach: pomiędzy interesem indywidualnym a dobrem wspólnym oraz pomiędzy zasadą wolności jednostki, poszanowaniem praw wolności jednostki jako osoby a solidaryzmem społecznym<sup>26</sup>.

Ważnym aspektem jest partycypacja obywatelska.

Partycypacja obywatelska jest to zespół działań i metod uczestnictwa obywateli w określaniu i rozwiązywaniu ich własnych problemów.

Kroki w rozwoju zasad obywatelskiego uczestnictwa przedstawia tabela 1.

Inaczej partycypację społeczną można określić jako aktywny udział mieszkańców gminy w istotnych dla niej, jej mieszkańców

Tabela 1

SZCZYT	<b>SAMO ZARZĄDZANIE</b>	
Krok IV	Obywatele załatwiają swoje własne sprawy <b>PARTNERSTWO</b> Obywatele razem z władzami <b>KONSULTACJE</b> Władza wysłuchuje obywateli	partycypacja obywatelska
Krok III		
Krok II	<b>ODPOWIEDZI</b> Władza wyjaśnia obywatelom <b>OPOZYCJA</b> Obywatele wyrażają sprzeciw <b>INFORMACJA</b>	brak partycypacji obywatelskiej
Krok I	Władza mówi do obywateli	
PODSTAWA		

lub określonych grup społecznych sprawach.

Partycypacja obywatelska to proces, w którym dwie lub więcej stron współdziałają w przygotowaniu planów, realizacji określonej polityki i podejmowaniu decyzji.

Cechą charakterystyczną partycypacji jest aktywny udział wszystkich partnerów biorących udział w procesie współdziałania. Aktywność obywateli polega na zdolności do samoorganizowania się w celu osiągnięcia określonych celów.

Poziomy aktywności obywatelskiej:

1. Podstawowy – dotyczy niewielkich grup społecznych, takich jak: grupa sąsiedzka, grupa środowiskowa itd.

2. Pośredni – dotyczy wspólnot i społeczności lokalnych.

3. Zbiorowy – dotyczy dużych zbiorowości, jakimi są np. organizacje związkowe, reprezentacje grup i środowisk zawodowych a przede wszystkim narodu.

Na każdym z tych poziomów w inny sposób przejawia się uczestnictwo obywateli w życiu publicznym. Często najpowszechniejszymi formami uczestnictwa, regulowanymi obowiązującym prawem tylko w określonych okolicznościach i przy zastosowaniu określonego trybu, są: wybory, referenda i konsultacje społeczne. Dla rozwoju aktywności społecznej ograniczanie się tylko do tych form uczestnictwa jest niewystarczające. Dlatego ważne jest, aby

stwarzać szanse obywatelom do stosowania różnych innych form aktywności, najbardziej odpowiednich dla ich potrzeb i możliwości rozwiązywania konkretnych problemów. Mogą one mieć charakter sformalizowany, jak stowarzyszenia, fundacje, związki zawodowe, partie polityczne albo niesformalizowany, przykładem niesformalizowanej aktywności obywatelskiej są wszelkie akcje charytatywne, protesty, zebrania społeczne, udział w pracach np. parafii, koła gospodyń wiejskich, ochotniczej straży pożarnej<sup>27</sup>.

Reforma ustrojowa III Rzeczypospolitej zapoczątkowała proces przebudowy organizacji państwa.

Inicjatywa samorządu terytorialnego umożliwia rozwój społeczeństwa obywatelskiego. Samorząd powiatowy, gminny opiera się na założeniu, że mieszkańcy regionu samorządowego stanowią wspólnotę, świadomość obywatelską swoje cele i potrzeby. Zadaniem obywateli przede wszystkim samorządu jest zarządzanie własnymi sprawami lokalnymi.

Profesor Jerzy Reguński współtwórca reformy administracji publicznej wprowadził w gminach przejrzystą strukturę zarządzania.

Program *Przejrzysta gmina* ma na celu zwiększenie zaufania ludzi i społeczności lokalnych do swoich wybranych władz. Uważa, że można mieć zaufanie, kiedy się rozumie, na czym polegają podejmowane decyzje i jeśli ma się poczucie, że się w tych

decyzjach uczestniczy. Program poprzez realizację zadań przewiduje aktywność społeczności lokalnej w podejmowaniu decyzji.

Akcja społeczna *Przejrzysta Polska* określa zadania wykonywane przez jednostki samorządu terytorialnego. Zadania przypisane są do sześciu zasad:

1. Zasada przejrzystości.
2. Zasada braku tolerancji dla korupcji.
3. Zasada partycypacji społecznej.
4. Zasada przewidywalności.
5. Zasada fachowości.
6. Zasada rozliczalności<sup>28</sup>.

Zadania te posiadają status obligatoryjny lub fakultatywny. Teoretyczne założenia zadań wyznaczają standardy realizacji programu. Zasada przejrzystości zobowiązuje władze publiczne do przekazywania obywatelom podstawowe informacje o zasadach swojego funkcjonowania w szczególności przekaz informacji dotyczyć powinien tematów ważnych dla mieszkańców. Założenia zasada przejrzystości ma zaktywizować społeczeństwo obywatelskie, poprzez uczestnictwo na sesjach rady, komisjach. Na bieżąco mieszkańcy zapoznają się z dokumentami regulujące sposób funkcjonowania administracji publicznej. Celem zadania jest umożliwienie społeczności lokalnej udział w życiu publicznym poprzez dostęp do informacji pozbawionej politycznego komentarza zarówno o planowanych przez samorząd działaniach i wydarzeniach, jak i podjętych już decyzjach.

Zasada braku tolerancji dla korupcji obligatoryjnie wiąże się z kodeksem etycznym pracowników administracji publicznej. Zasada o statusie fakultatywnym określa plan szkoleń dla urzędników z zakresu etyki w życiu publicznym, opracowane procedur postępowania w przypadku naruszenia kodeksu, wdrożenie kodeksu etycznego radnego. Społeczność lokalna powinna być poinformowana o kodeksie etycznym urzędnika w tym o wartościach deklarowanych przez ludzi pełniących służbę publiczną. Mieszkańcy mają możliwość zapoznania się z kodeksem postępowania przedstawicieli instytucji

publicznych, a także mają możliwość wyrażenia uwag na temat zasady postępowania urzędników.

Uwzględniając zasadę przewidywalności obywateli aktywnie buduje strategię rozwoju społeczno – ekonomicznego swojego regionu. Strategiczny plan poprzedza wnikliwa analiza obecnej sytuacji społeczno – gospodarczej na obszarze jednostki.

Zasada fachowości generuje ogólny status społeczny jednostki. Ci którzy sprawują funkcje ekonomiczne bądź wykonawczą powinni odpowiednio kształtować związki ekonomiczne związane z wiedzą i doświadczeniem. Zasada fachowości zwiększa umiejętność sprawczą w partycypacji społecznej między przedstawicielami władzy a mieszkańcami danej gminy, powiatu. Ponadto program obligatoryjnie gwarantuje obywatelom równego dostępu do stanowisk pracy i weryfikacji kandydatów na pracowników w oparciu na kryterium fachowości.

Zasada rozliczalności wpływa na kreowanie świadomości obywatelskiej, ponieważ celem tego działania jest umożliwienie mieszkańcom uzyskanie informacji o tym, jak zaprojektowano budżet.

Kwestia etyki odgrywa znaczącą rolę w kreowaniu społeczeństwa obywatelskiego.

To, czy społeczeństwo posiada system etyczny, można dostrzec w mentalnych konstrukcjach wartości, jakimi ono dysponuje, wyrażane są one jako zasady, do których ono się odwołuje w celu kierowania zachowaniem społecznym (tj. mającym wpływ i znaczenie dla innych oraz w celu osądzania go w skali dobra i zła)<sup>29</sup>.

#### Podsumowanie

Społeczność obywatelskie posiada umiejętność samoorganizowania, rozumienia własnych praw, współpracy, wyrażania swoich interesów. Potrafi analizować zjawiska społeczne, polityczne i gospodarcze, natomiast empirycznie wyciągać wnioski z opinii publicznej. Załatwiać sprawy o charakterze obywatelskim, pisanie podań urzędowych, petycji, listów do redakcji gazet. Chodzi o rozwijanie umiejętności autorefleksji i racjonalnego określania swoich postaw

obywatelskich.

We wszystkich koncepcjach społeczeństwa obywatelskiego podkreśla się możliwość jego zaistnienia i rozwoju tylko wówczas, gdy podstawową cechą obywateli, jego członków będzie umiejętność osiągania konsensu. Umiejętność ta wymaga od obywateli co najmniej trzech praw:

1. Postawy na osadzonej w tradycji społecznej i wykształconej w indywidualnym procesie edukacji tolerancji, dzięki której jest zdolny do wchodzenia w relacje z innymi obywatelami (nie jest obciążony postawami charakterystycznymi dla tradycyjnych, zamkniętych przez „serdeczne stosunki” wspólnot: szowinizmu, ksenofobię itd.).

2. Odwagi obywatelskiej, prowadzącej się do zdolności, umiejętności i woli obrony własnych interesów w procesie dochodzenia do konsensusu.

3. Wykształconej w procesie negocjacji z innymi podmiotami swej sfery a przede wszystkim zbiorowymi ale i indywidualnymi negocjacjami ze sferą polityczną (państwem i jego instytucjami) krytyczno – racjonalną postawę aktywnego zaangażowanego i odpowiedzialnego obywatela<sup>30</sup>.

<sup>1</sup> Europejski Ruch Społeczny Frankfurt n/Menem, Niemcy

<sup>2</sup> Wyższa Szkoła Zawodowa „Kadry dla Europy” Poznań, Polska

<sup>3</sup> Organizacja pozarządowa partnerem dla samorządu lokalnego. Listopad – grudzień 2000r., s.3

<sup>4</sup> T. Zaborowski, M. Woźniak. Meritokratismus und machiavellismus als soziale erscheinung beim management. W: Studia i Materiały t. XVIII/XIX, nr 1-2, 2001 r. Seria: Referaty

<sup>5</sup> Organizacja pozarządowa dla samorządu lokalnego. Obywatelskość w dobie przemian ustrojowych s.1

<sup>6</sup> Organizacja pozarządowa partnerem dla samorządu lokalnego. Listopad – grudzień 2000r., s.7

<sup>7</sup> tamże s.8

<sup>8</sup> Szczepański s. 128

<sup>9</sup> tamże 129

<sup>10</sup> Jacek Kwiatkowski. Partycypacja społeczna i rozwój społeczny. Warszawa 2003r., s.

<sup>11</sup> Przegląd Wydarzeń Związkowych Nr 7-8, s. 6-10

<sup>12</sup> Szczepański (1965) s. 144

<sup>13</sup> www.propublicobono.pl

<sup>14</sup> Marcin Czerwiński. Telewizja i społeczeństwo. Warszawa 1980r., s. 113

<sup>15</sup> pod red. Krystyny Skarzyńskiej. Psychologia polityczna. Poznań 1999r., s. 100-101

<sup>16</sup> Jose Ortega y Gasset. Bunt mas i inne pisma socjologiczne. Warszawa 1982r., s.627

<sup>17</sup> Henryk Blumer. Public Opinion and Public Opinion Polling, artykuł z 1948r., przedruk w H. Blumer Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Prentice Hall, Englewood Cliffs 1969

<sup>18</sup> Marek Czyżewski. Kultura i Społeczeństwo. Polska Akademia Nauk. PL ISSN 0023-5152

<sup>19</sup> Jose Ortega y Gasset. Bunt mas i inne pisma socjologiczne. Warszawa 1982r., s. 351

<sup>20</sup> tamże s. 356

<sup>21</sup> Ministerstwo Polityki Społecznej. Program operacyjny społeczeństwo obywatelskie. Narodowy Plan Rozwoju 2007–2013. Warszawa 2005r., s. 4

<sup>22</sup> Jan Szomburg. „Kongres Obywatelski” Warszawa 2005r. – <http://wiadomosci.ugo.pl/wiadomosci/138411.html>

<sup>23</sup> tamże

<sup>24</sup> Ministerstwo Polityki Społecznej. Program operacyjny społeczeństwo obywatelskie. Narodowy Plan Rozwoju 2007-2013. Warszawa 2005r.

<sup>25</sup> Ministerstwo Polityki Społecznej. Program operacyjny społeczeństwo obywatelskie. Narodowy Plan Rozwoju 2007–2013. Warszawa 2005r., s. 29,32,50,60

<sup>26</sup> Pod red. Wiesława Bokajły i Kazimierza Dziubki. Społeczeństwo obywatelskie. Wrocław 2001r., s. 65

<sup>27</sup> Jacek Kwiatkowski. Partycypacja społeczna i rozwój społeczny. Warszawa 2003r., s.9-10

<sup>28</sup> Akcja społeczna „Przejrzysta Polska” red. Anna Hejde. Warszawa 2005r., s. 6/109

<sup>29</sup> pod red. Petera Singera. Przewodnik po etyce. Warszawa 1998,2000r., s.44

<sup>30</sup> pod red. Wiesława Bokajły i Kazimierza Dziubki. Społeczeństwo obywatelskie. Wrocław 2001r., s.65



# На разные темы

## Социально-иконографический подход в визуальной социологии

**Батаева Е.В.**

Социальная иконография занимается изучением содержания социальных икон/образов, конструируемых и транслируемых в социальном пространстве. В статье выделяются два уровня в социальной иконографии: 1) уровень анализа специфической природы социальных образов; 2) уровень исследования особенностей восприятия социальных икон социальными акторами. В обоих случаях в центре внимания визуального анализа находится феномен «визуальной коммуникации».

Ключевые слова: иконография, образ, визуальная коммуникация, массмедиа, симулякр, конструктивизм, иконология, диссонанс, модель.

Bataeva Ye.V.

Social-iconographic approach to visual sociology  
Social iconography deals with studying the content of social icons/images constructed and translated in social space. Two levels in social iconography are specified: 1) the level of analysis of social image specific nature; 2) the level of studying peculiarities of social icon perception by social actors. In both cases, the phenomenon of "visual communications" occurs to be in the center of visual analysis.

Key words: iconography, image, visual communication, massmedia, simulacrum, constructivism, iconology, dissonance, model.

В современной визуальной социологии и философии, изучающих образно-визуальные проявления социальной жизни (которые можно наблюдать в СМИ, в Интернете, в рекламе, в шоу-бизнесе и т.д.), исследующих природу образной гиперреальности (Ж.Бодрийяр), особенно востребованным становится социально-иконографический подход, предмет которого составляют социальные образы/иконы. Сам термин «иконография»<sup>1</sup> может быть переведен как «образное письмо» или «образ-текст» («imagetext» Т.Митчелла [Mitchell,1994: p.418]) и может трактоваться максимально широко как дисциплина, занимающаяся образной аналитикой. В истории мысли можно обнаружить по крайней мере пять концепций иконографии. В первую очередь следует упомянуть церковную иконографию, в которой разрабатываются каноны композиционного, цветового, сюжетного построения изображений Иисуса Христа, Девы Марии и святых. Во-вторых, всемирно известной является искусствоведческая и культурологическая концепция иконографии Э.Па-

нофского, в которой можно обнаружить феноменологическое описание художественной образности, представленной на полотнах и в архитектурных строениях готической, ренессансной и современной эпох<sup>2</sup>. Близко к концепции Э.Паннофского находится семиотическая теория иконограммы У.Эко [Эко, 1998: с.175], представленная в работе «Отсутствующая структура». В своей концепции У.Эко пытается выявить и проанализировать «иконаграммы» (или элементарные визуальные формы) в самых разных контекстах социальной и культурной жизни, - в рекламе, кино, архитектуре. Несколько иную версию иконографии предложил русский философ А.Лосев в «Диалектике мифа», в которой миф предстает в роли словесной иконы Бога<sup>3</sup>. И, наконец, последний вариант концепции иконографии, собственно, *социальной* иконографии, можно обнаружить в визуальной социологии и антропологии. Так, российская исследовательница-антрополог С.Быкова проанализировала содержание «советской иконографии» [Быкова, 2009: с.105], представленной на плакатах советской эпохи, а американская исследовательница В.Боннелл представила анализ «иконаграфии рабочих и крестьян» [Боннелл, 2009: с.183]. Однако в исследовательском подходе С.Быковой и В.Боннелл фактически дублируются концептуальные установки церковной иконографии (собственно социальная теория иконографии в их работах отсутствует), меняются лишь смысловые акценты: в своих статьях исследовательницы предлагают описание композиционных особенностей советской образности, составляют своеобразный каталог видео-/фото- сюжетов советской визуальности. Не будет преувеличени-

ем сказать, что на данный момент в визуальной социологии и философии отсутствует сколь-нибудь серьезное теоретическое обоснование социально-иконографического подхода, не отрефлексировано само понятие «социальной иконы» (которое отличается от понятий «церковной иконы», словесной «мифо-иконы»). В данной статье будет сделана попытка сформулировать ряд тезисов (опираясь на концепции Ж.Бодрийяра (1929-2007), П.Вирильо (род.1932), Б.Гройса (род.1947), Н.Лумана (1927-1998), Т.Митчелла (род.1942), Ж.-Л.Нанси (род.1940), В.Флюссера (1919-1989), А.Гостева (род.1950), Н.Сосны и др.), которые можно расценить как введение в теорию социальной иконографии.

Социальная иконография, как новое направление в теоретической и практической визуалистике, занимается изучением содержания социальных икон/образов, конструируемых и транслируемых в социальном пространстве. Можно выделить два уровня в изучении социальной образности: 1) уровень анализа специфической природы социальных образов (в их отличии от не-социальных образов, таких как художественные или церковные иконы, а также в их отличии от социальных не-образов (или знаков)), - план аналитики «иконы-в-себе»; 2) уровень исследования особенностей восприятия социальных икон социальными акторами, - план изучения «иконы-для-нас». В любом случае в центре внимания визуального аналитика находится феномен «визуальной коммуникации», в структуре которой можно выделить четыре компонента: создатель образа - образ (или визуальное сообщение) - восприятие/интерпретация образа - рецепи-



ент/адресант. Надо сказать, что восприятие социального образа не всегда сопровождается пониманием/интерпретацией его содержания, - оно вполне может быть бессознательным, вне-рефлексивным. Элементы визуальной коммуникации, используя терминологию Н.Лумана, могут быть «расцеплены» [Луман, 2004: с.143] и существовать в «разбалансированном режиме». Тем не менее, в ситуации визуального коммуницирования всегда должно иметь место событие трансляции образа. Таким образом, можно определить социальную «визуальную коммуникацию» как процесс передачи визуальных сообщений/образов от одного социального актора к другому посредством массмедиа.

Попробуем описать специфику визуальной социальной коммуникации в двух аналитических контекстах: 1) выясним основные характеристики социальной иконы; 2) проанализируем специфику восприятия социальной образности социальными акторами.

### **Концепция социального образа/иконы**

Образы, циркулирующие в социальном пространстве, обладают специфической природой, отличающей их от других разновидностей икон. Попробуем выявить некоторые характерные особенности социальных икон.

**Массмедийность социальной иконы.** Принципиальной особенностью социальных икон, изучаемых в социальной иконографии, является техно-опосредованная форма их функционирования, - они возникают и транслируются в массмедийном пространстве. Может возникнуть возражение: все иконы (а не только социальные) обладают параметром медийности, трактуе-

мой максимально широко, как возможность выражения определенной сущности при посредничестве материальных/виртуальных носителей. Так, «медийностью» (или материальным посредником) для церковных икон являются краски, церковные стены или другие поверхности для нанесения изображения; «медийностью» для мифо-икон являются книги, в словах иллюстрирующие их содержание. Однако в том случае, если термин «медиа» понимать в узком смысле, который собственно и утвердился в современной теории массовых коммуникаций, если «медиа» трактовать как информационный канал трансляции массовой информации, именно как *масс-медиа*, то станет вполне очевидной специфика социальных икон. Социальные образы транслируются скорее на массовом (а не столько на индивидуальном) уровне посредством каналов телевидения, Интернет-сайтов и прессы; для их оформления используются материальные носители, одной из основных особенностей которых является тиражируемость, воспроизводимость, повторяемость (видео, фото, цифровая запись). То есть, именно посредничество электронной техники и машинного воспроизводства становится наиболее показательным для массмедийного функционирования социальных икон (по мнению Н.Лумана, именно техно-посредничество является центральной характеристикой массмедиа: «понятием «массмедиа» должны быть охвачены все общественные учреждения, использующие технические средства для распространения сообщений. Прежде всего, подразумеваются книги, журналы, газеты, изготавливаемые на печатном станке; а также результаты всякого рода фото- или электронного копирования, в том случае, если массовые продукты

производятся ими для еще не определенных адресатов. Распространение сообщений в эфире также подпадает под это понятие, если сообщения общедоступны. ... Только машинное производство какого-либо продукта как носителя коммуникации – а не письменность как таковая – привело к обособлению особой системы массмедиа» [Луман, 2005: с.9]). Учитывая техно-опосредованный и массовый характер функционирования медийных икон, для их обозначения можно использовать еще два термина: изобретенный В.Флюссером концепт «технического образа» («технический образ – это образ, созданный аппаратом» [Флюссер, 2008: с.13]), а также концепт «публичного образа» П.Вирильо, в котором концептуализируется тоталитарное желание сделать все прозрачным и поднадзорным [Вирильо, 2004: с.65].

В то же самое время, парадоксальным образом можно заключить, что несмотря на возможность (и реальность) увековечивания социальных изображений посредством записи на электронных носителях, их неотъемлемой характеристикой является эфемерность, «подвешенность», «стираемость»: в отличие от церковных икон, которые «длятся во времени» и в тот же самый момент являются над-временными и над-историчными, социальные образы (образы политиков, поп-звезд, шоу-менов; образы партий, корпораций, событий; гендерные, социокультурные и т.д. образы) недолговечны. Их социальный возраст исчисляется не годами, а днями и неделями. Если же социальные образы регулярно не подтверждают своего присутствия в медиа-пространстве, это чревато их исчезновением, стиранием из памяти социальных акторов, со-

циальным забвением (равносильным социальной смерти).

По мнению известного теоретика массмедиа Б.Гройса, любой массмедийный продукт автоматически приобретает параметр «подозрительности». Визуальный концепт «подозрительности» содержит в себе смысловой аспект недоверия, сомнения в искренности и правдивости какого-либо явления/события/субъекта, что порождает желание рассмотреть его со всех сторон, увидеть, что оно скрывает «под» собой (эти смыслы становятся очевидными при дефисном написании слова «подозрительный», то есть находящийся «под» прицелом взгляда, выворачивающим наизнанку подозрительный объект). «Под подозрение» подпадает все медиальное пространство, скрывающее чьи-то меркантильные интересы, идеологемы медиа-собственников, камуфлирующих и ретуширующих свои амбиции посредством медийного глянца. «Весь мир медиа стоит для нас под подозрением в манипуляции. Его знаки необходимым образом интерпретируются нами как улики, указывающие на скрытое преступление. Недаром криминальный жанр занимает центральное место в современной культуре» [Гройс, 2006: с.195]. Медийные социальные образы производятся медиальными субъектами, которые могут осуществлять посредством этих образов манипулятивное воздействие на участников визуальной коммуникации, что и делает социальные иконы «подозрительными» (параметр, отсутствующий в церковных и художественных иконах, которые находятся «по ту сторону» политических, идеологических и меркантильных интересов).

**Модельность социальных икон.** По мнению Ж.Бодрийяра, сориентированность массмедиа на воспроизводство и культивирова-





ние моделей (моделей-людей и моделей-роботов) является определяющей характеристикой функционирования любого медийного продукта: «масс-медиазация – это не совокупность техник распространения сообщений, а навязывание моделей» [Бодрийяр, 2007: с.247]. Так, на медийных иконах изображаются не столько реально существующие личности, сколько безликие «модели», – абстрактные и анонимные наборы наиболее типичных и социально-востребованных качеств, позиционирующие определенный стиль жизни (например, богемный, молодежный, нонконформистский и т.д.), определенную профессию либо определенный гендерный тренд<sup>4</sup>. По мнению Ж.Бодрийяра, тот факт, что социальные образы клонируют моделей (а не изображают живых личностей), сообщает им «какую-то отрицательную напряженность» [Бодрийяр, 2000В: с.27-28], холодность, мертвенность, пустоту. Как следствие, не обладая живой энергетикой церковных икон, социальные иконы не в состоянии сублимировать, преображать человеческое бессознательное, хотя в то же самое время они прекрасно владеют суггестивной техникой внушения необходимости подражательства изображенным на них моделям.

**Социальные иконы как симулякры.** Понятие «симулякр» Ж.Бодрийяра помогает многое понять в функционировании социальных икон. Смысл этого концепта можно лучше понять, если воспользоваться бодрийяровской классификацией образов, четвертую позицию в которой как раз занимает образ-симулякр: «вот какими могли бы быть последовательные фазы образа:

- образ является отображением глубинной реальности;

- образ маскирует и искажает глубинную реальность;

- образ маскирует отсутствие глубинной реальности;

-образ лишен связи с какой-либо реальностью: он является чистым симулякром самого себя.

В первом случае образ является хорошей видимостью – репрезентация принадлежит порядку таинства. Во втором случае он является плохой видимостью – принадлежит порядку порчи. В третьем – он играет роль видимости – и принадлежит порядку колдовства. В четвертом случае он принадлежит не порядку видимости, а симуляции» [Бодрийяр, 2004: с.12-13]. Образ-симулякр самодостаточен (он не является копией никакой иной реальности, кроме самого себя; для него вообще не существует никакой реальности, но – лишь гиперреальное пространство моделей); образ-симулякр «плоскостен» и «поверхностен» (для него не существует духовного или трансцендентного плана жизни, который мог бы быть в нем учтен). Симулятивность социальных икон (массмедийных образов) проявляется в том, что либо вообще отсутствует референт/живая личность, история (а не вымышленная легенда) которой была бы изображена на медиа-иконе, либо те личности, образы которых «клонировались» в массмедиа, в действительности являются лишь «типажами» (собираемыми образами), олицетворяющими абстрактные идеи<sup>5</sup>, например, идеи красоты и успешности (Анжелина Джоли), харизматичности и революционности (Юлия Тимошенко), силы и мужественности (братя Кличко) и т.д.

В отличие от социальных образов, на церковных иконах изображаются реальные Личности (Личность Богочеловека или святых),

которые прославились/обожились в земной истории. Изобразительная форма церковных икон не является симулятивной; она не плоскостна и не одномерна, но – многомерна. На церковных иконах присутствуют историческое и транс-историческое, человеческое и божественное, телесное и духовное измерения, каждое из которых вполне полно представлено в иконическом пространстве. Однако в классификации Ж.Бодрийяра отсутствует тип образа, представленный в церковных иконах: ведь христианские иконы не просто являются «отображением» глубинной реальности (первый тип образа, описанный Ж.Бодрийяром, который по сути является лишь заменителем или «знаком» реальности), но – ее реальным присутствием, которое становится вполне очевидным/видимым для верующего человека.

**Код желания в социальных иконах.** Медийные образы ставят перед собой вполне «прозрачную» цель: вызвать у зрителей эротизированное желание (осознаваемое или неосознаваемое) завладеть медиа-образом, идентифицироваться с ним, поглотить его видео-посылы (желание стать такой же красивой, как топ-модель; такой же успешной/ стильной, как «икона гламура»; таким же сильным и богатым, как ТВ-модель бизнесмена и т.п.). Медиа-желание синхронизировано с чувством *ressantiment'a*, – чувством зависти, сопряженной со стремлением «занять место» медиа-модели, присвоить себе ее престижные качества. Коды желания в социальных образах порождают у созерцающего их человека иллюзию «как бы»-обладания, «как бы»-приобретения, «как бы»-присвоения изображенных моделей. Всматриваясь в лица красивых топ-моделей, жен-

щина может вообразить, что она такая же изысканная (стоит лишь воспользоваться «такой же» тушью), а мужчина – что он именно тот Герой, который может свести с ума «Ее». Однако, как гениально заметил Ж.Бодрийяр, режим «как бы», в котором действует вождение социальной образности, на глубинном уровне сопоставляется с феноменом фрустрации, внутренней опустошенности, порождаемой невозможностью реализовать свои желания. «Рекламный образ обманчив, его функция – показывать и не даваться. Во взгляде есть презумпция соприкосновения, в образе есть презумпция обладания. То есть реклама не дает ни галлюцинаторного удовлетворения, ни практического опосредования, подхода к миру; состояние, которое ею создается, – это робкая и нереализованная попытка, незавершенный жест, постоянная возбужденность и постоянная неудача... избытие образов всегда направлено к тому, чтобы не давать человеку обраться к реальности, чтобы постоянной фрустрацией исподволь поддерживать в нем чувство вины, чтобы блокировать его сознание в состоянии мечтательной удовлетворенности» [Бодрийяр, 1995: с.146-147]. В отличие от социальных образов, церковные образы возбуждают не эротизированные желания, а Желание стать лучше, стать ближе к Богу; церковные иконы не фрустрируют, а, напротив, ориентируют человека на самораскрытие в реальном мире, а не в мире «галлюцинаторного удовлетворения».

Пробуждая желания в душе социального актора, медиа-образ незаметно вкладывает в его сознание программу потребительских действий (так что человек не замечает никакого медиа-насилия,



будучи абсолютно уверенным в свободности своего выбора). По мнению Ж.Бодрийяра, уникальность рекламного образа (и шире – медиа-образа) как раз и заключается в том, что в нем сопрягается несопрягаемое, – происходит наложение двух фрейдовских принципов, – принципа реальности и принципа удовольствия. «В обществе потребления процесс одаривания получает грандиозные масштабы, но и процесс подавления тоже; в рекламном же образе и дискурсе мы воспринимаем их одновременно, здесь репрессивный принцип реальности срывает в самом сердце принципа удовольствия» [Бодрийяр, 1995: с.148].

**Конструктивизм социальных икон.** Социальные образы конструируются, создаются, являясь плодом сознания или воображения их авторов, – имиджмейкеров, рекламщиков, теле-/интернет-менеджеров. «Образы являются конструкцией. Это означает, что они неизменно созданы для репрезентации какого-либо значения, что их кто-то сделал для некоторой цели в определенный исторический момент времени» [Сергеева, 2009: с.178]. Можно выделить два модуса конструирования социальной образности: во-первых, специфическое содержание социальных образов, выбор представленных в них моделей может быть обусловлен «конструкцией взгляда» (В.Савчук), дискурсивностью их производителя, обладающего собственным видением и пониманием основных трендов социальной жизни. Во-вторых, конструирование социальных образов, как это ни парадоксально, может осуществляться бессознательно: авторы социальных икон могут инерционно, без рефлексивного анализа повторять те формы социальной образности, которые

уже утвердились и завоевали популярность в медиа-пространстве.

Кроме того, можно заметить еще один аспект проявления конструктивизма социальных икон (описанный Н.Луманом в «Реальности массмедиа»): социальные образы «схематизируют», моделируют поведение воспринимающих их социальных акторов, ориентируя их на реализацию кодов потребления. В подобном «программирующем»<sup>6</sup> эффекте медиа-образов проявляется репрессивность, суггестивность их природы: социальные образы, транслируя определенное визуальное содержание, «внедряются» в сознание и подсознание социальных акторов, навязывая им определенный ракурс восприятия социальной реальности. К примеру, многократная и высокочастотная демонстрация медийных образов нарциссизма, гламурности, сексуальности «вкладывает» в сознание современного потребителя уверенность в том, что именно «это» является эталоном повседневной и публичной жизни, что именно «так» должна/должен раскрывать свое «Я» женщина/мужчина. Бесперебойная трансляция образов агрессивности и насилия (в политических ток-шоу, в теле/кино/мультфильмах) подспудно формирует «хабитус» брутально-конфликтного поведения, которое воспринимается как символ силы, социального веса, значимости и влиятельности. Подобное кодирование социальных акторов, вживание в их сознание сомнительных ценностей (или не-ценностей) включено в ситуации восприятия церковных икон, которые «просто» показывают определенные духовные события, предоставляя самому человеку возможность принятия жизненно важного решения: верить или не верить. Не-конст-

руктивность церковных икон проявляется также в том, что они не измышляются (= не создаются, не производятся), но становятся плодом реальных (а не эфемерных) событий, символически выражаемых с помощью холста и красок.

**Репрессивные структуры в социальных иконах.** Согласно формуле Ж.-Л.Нанси, образы - насильственны: «насилие всегда завершает себя в образе» [Nancy, 2005: p.20]. Суггестивность, репрессивность социальных образов вносит новые смысловые оттенки в термин «социальные иконы», который приобретает характеристики другого феномена, - идола, который исторически находился в противоречивых отношениях с иконой<sup>7</sup>. Смысловое наложение концептов «иконы» и «идола» можно заметить, в частности, в том факте, что в массмедийном дискурсе они часто используются как взаимозаменители («икона гламура» = «поп-идол»). Кроме того, можно констатировать идейное пересечение социальных версий этих концептов, которое станет очевидным, если упомянуть некоторые содержательные особенности термина «идол», - его гипнотичность, властность, эротизированность, воспроизводимость (=не-уникальность). «Идол - чистый, заражающий собой образ, насильственно реализованный идеал... Идолы - система великолепного заводского производства, восхитительный синтез стереотипов любви и жизни. Они воплощают одно-единственное влечение: влечение к образам и имманентность желания образу» [Бодрийяр, 2000А: с.127]. Томас Митчелл полагает, что специфичность «идола» заключается в его иррациональной власти над человеком: «идол, технически говоря, - это просто образ, который обладает

иррациональной властью над кем-нибудь; он становится объектом поклонения, вместилищем власти, которую другие проецируют на него, но которой в действительности он не обладает... Идол, таким образом, является просто образом, переоцененным другими» [Mitchell, 1986: p.113].

Французский философ Ж.-Л.Нанси в книге «Основание образа» обращает внимание на смысловой аспект «сфабрикованности» идола (аспект, который присутствует и в вышеприведенном определении Ж.Бодрийяра): идол является плодом произвольных усилий самого человека, он - творение человека, которому делегируются властные интенции его автора. «Идол - сфабрикованный бог, не репрезентация Бога; и презренный и фальшивый характер его божественности проистекает из того факта, что он сфабрикован. Это образ, ценный сам по себе, а не как представитель Бога, образ, который сам по себе является божественным присутствием и по этой причине должен быть сделан из самых дорогих и прочных материалов» [Nancy, 2005: p.30].

Все вышеперечисленные характеристики идола можно обнаружить и в массмедийных иконах: они сфабрикованы/сконструированы; они самодостаточны (их самооценность/переоцененность конвертируется в сверхнарядность, глянцевоcть, напыщенный блеск, роскошную избыточность, фееричность оформления медиа-образов); они требуют обожания, влюбленности, замороженной прикованности взгляда почитателей; они «внедряются в души», завладевают воображением; манипулируют сознанием своих поклонников, вынуждая их реализовывать медиа-желания.

Заикленность социальных икон на самих себе, порождающая

идолатрическое поклонение, не предусматривает возможности выхода за пределы образности, но, напротив – заставляет человека блуждать «внутри» образного пространства. И в этом можно заметить еще один пункт расхождения между социальной и церковной образностью. Как полагает Н.Сосна, церковная икона ориентирует человека на самую Реальность, которая изображается на иконе, но не может быть всецело замкнута в ней, которая одновременно и присутствует на иконе и трансцендирует ее. Церковная икона устремляет человека к самому Богу, за пределы иконы: «у иконы нет другого способа существования, кроме вступительного, предваряющего, ориентирующего. Она не предназначена к пассивному созерцанию, она – оператор, деятель, участвующий в спасении» [Сосна, 2011: с.106].

**Потребление социальных икон.** Социальные образы можно потреблять как своеобразный визуальный продукт, как товар, цена которому назначается в зависимости от его способности «нравиться», «доставлять зрительное удовольствие». Медиа-образы становятся своеобразным ответом на медиа-вопрос: «Ну, чем вы нас сегодня порадуете?», «что у нас сегодня в медиа-меню»? Основная задача медиа-икон – заинтересовать зрителя-потребителя, заставить его смотреть и поглощать видео/фото-messages, никогда до конца не насыщая визуального голода. Впитывать в себя, поглощать, переваривать, отбрасывать устаревшие медиа-шлаки, и снова – вкушать гламурные образы, – вот нескончаемый процесс медиа-потребления. «В случае ТВ, например, происходит переход от обозначенных в образе событий к потреблению образа как такового

(к потреблению его именно в качестве отличного от событий, в качестве зрелищной, «кулинарной», как сказал бы Брехт, субстанции, которая исчерпывается в ходе самого поглощения и никогда не отсылает вовне)» [Бодрийяр, 2006: с.161-162]. Подобная продаваемость-покупаемость социальных образов, их исчисляемость в эквиваленте удовлетворенных желаний, эротизированность/товарность их вида, – все это принципиальным образом отсутствует в церковных иконах, которые невозможно «поглощать» и «потреблять» (вернее, при потребительски-накопительском отношении к церковному образу сама икона как феномен исчезнет, – ее место займет «произведение искусства» или «экземпляр коллекции»).

### Восприятие социальных икон

Данный тематический раздел социально-иконографической концепции посвящен аналитике визуальных контактов между образом и взглядом, изучению специфики визуального взаимодействия между отправителем и получателем образного сообщения.

**Во-ображение в визуальной коммуникации.** Феномену образа сопологается явление во-ображения<sup>8</sup>, вхождения в образ, принятия образа, идентификации с образом, сопровождающейся модификацией, изменением личности человека, – он становится именно тем и именно таким, каким является принимаемый образ: «магия воображения состоит в том, что человек становится тем, что он воображает» [Вышеславцев, 1994: с.62]. Необходимым условием во-ображения является привлекательность образа, в которой пытаются «войти» человек, – он должен «нравиться», он должен быть

желанным и ценным, в противном случае, если образ вызывает неприятные эмоции, человек попытается «закрыться» от его выразительной энергетике и не будет ему уподобляться. Реальность во-ображения (вхождения в образ) становится особенно интересной для социологов: социальные иконы, транслируемые по массмедиа, - это не просто «безобидные картинки», украшающие и расцвечивающие социальное пространство, это – мощнейший фактор трансформации человеческих личностей, способный «лепить» из них нужный для общества потребления «материал», поэтому возникает насущная необходимость в проведении социологических мониторингов образного содержания массмедийной продукции с целью выявления (а по возможности и нейтрализации) негативных образных тенденций.

Во-ображение может осуществляться с различной интенсивностью и с разной степенью вовлеченности в ситуацию «вхождения в образ». При недостаточной уверенности в подлинности образа (и в то же самое время, находясь в состоянии завороченности его социальной востребованностью и популярностью) социальный актер может попытаться включиться в *театрализованную* (фантазмагорическую) игру с виртуальными переодеваниями, с примериванием различных масок, желая «нравиться», «быть в струе», «не отставать от жизни». При этом он будет делать «вид» или создавать «видимость» (поверхностное впечатление) того, что «маска» является его подлинным лицом, а театральная образ – его подлинным «образом жизни» (идеалистическое «представление себя другим» И.Гофмана осуществляется в данной ситуации максимально откры-

венно). Однако «видимость» мимолетна и незакрепляема; «делать вид» слишком долго невозможно, - «театральные постановки» быстро заканчиваются и социальный актер вынужден переключаться от одного образа к другому (более модному), от одной театральной сцены к другой (гарантирующей видимость более высокого статуса), по-прежнему сохраняя поверхностный стиль игры, не ставя перед собой цели «вжиться» в образ. Как можно заметить, в концепции социальной драматургии основную смысловую нагрузку выполняет понятие «видимости», а не воображения, которое сопровождается коннотатами поверхностности, несерьезности, лицедейственности, бессмысленности, - значения, гениально подмеченные М.Ямпольским: «распад образа открывает дорогу видимости, почти механически, «бессмысленно» фиксирующей реальность. *Видение и видимость* связаны между собой – и то и другое – пленка на поверхности вещей, но видение дается нам как целостность, а потому как очаг смысла, а видимость – как такая же поверхность, но состоящая из хаотических, случайных фрагментов, а потому как отсутствие смысла» [Ямпольский, 2007: с.588].

**Визуальный диссонанс.** С помощью концепта «визуальный диссонанс» можно попытаться понять, какую роль играет получатель образа в визуальном коммуницировании; какова степень его свободы и влияния на коммуникативный процесс. Может ли человек сопротивляться социальной образности или он вынужден впитывать в себя ее messages как загипнотизированный и безвольный «объект» медиа-суггестии? Попробуем ответить на этот вопрос, проанализировав (и несколько моди-



фицировав) концепцию «когнитивного диссонанса» Л.Фестингера.

По мнению Л.Фестингера, в том случае, если в сознание человека попадают содержательно взаимоисключающие/противоречащие друг другу когнитивные элементы, это порождает психологический дискомфорт и когнитивный кризис, стремясь избавиться от которого, человек может попытаться привести к согласию (синтезировать) контрадикторные тезисы, а также заблокировать поступление новых знаний, которые могут подвергнуть сомнению уже сформировавшуюся систему убеждений/взглядов: «возникновение диссонанса, порождающего психологический дискомфорт, будет мотивировать индивида к попытке уменьшить степень диссонанса и по возможности достичь консонанса; в случае возникновения диссонанса, помимо стремления к его уменьшению, индивид будет активно избегать ситуаций и информации, которые могут вести к его возрастанию» [Фестингер, 1999: с.17].

Попробуем теперь на фоне понятия «когнитивного диссонанса» Л.Фестингера продумать содержание понятия «визуальный диссонанс». В концепции «визуального диссонанса» речь идет об отвержении человеком тех образов, которые чужды его визуальному опыту/культуре/компетенции, которые находятся в дисгармонии с его визуальным мироощущением. К примеру, образы гламурности и сексуальности могут вызвать у религиозного (а также у пожилого) человека резкую неприязнь и отторжение; напротив, те, кто воспитан на «идеалах» обворожительной и соблазнительной внешности, могут «забраковать» образы чистоты и скромности как «немодные», «устаревшие».

Феномен «визуального диссонанса» обосновывает определенную степень коммуникативной свободы социального актора: последний уже не просто «медиум», пассивно заглатывающий любой массмедийный продукт, он - активный соучастник визуальной коммуникации, который, в зависимости от собственных визуальных вкусов, может принять либо отвергнуть увиденное.

Если же отразить второй аспект концепции Л.Фестингера (согласно которому человек всегда пытается «примирить» несовместимые идеи, дабы уменьшить когнитивное напряжение), то можно будет предположить желание любого человека приспособить друг к другу образы, которые на первый взгляд кажутся несочетаемыми (например, образ миллиардера и образ аскета; образ боксера и образ интеллектуала и т.д.), но которые в равной степени желанны/привлекательны для него. В некоторых случаях «консонанс» (сопряжение противоречивых образов) становится достижимым, и в сознании человека формируется более-менее гармонизированный визуальный иконокомплекс. Однако гораздо чаще возникают ситуации, когда несовместимые образы вступают в визуальный поединок друг с другом, стремясь занять лидирующие позиции и вытеснить соперника на периферию визуального поля.

**«Война образов».** Развитие темы «войны образов» можно обнаружить в работах Д.Кампера, Т.Митчелла, М.-Ж.Мондзэн, А.Гостева. Так, Т.Митчелл в монографии «Чего хотят образы? Жизнь и любовь образов» говорит о том, что «война образов» становится неизбежной в современном мире: «различные формы «войны образов» явно становятся составляющей

иконического поворота в наше время» [Mitchell, 2005: p.11]. М.-Ж.Мондзэн в монографии «Образ, икона, экономия» также тематизирует концепт «войны образов»: «образы могут сосуществовать друг с другом, пока не решено сделать их оружием в битве исключения одного образа ради другого» [Сосна, 2011: с.91]. Д.Кампер говорит о том, что «медиальное примирение не наступило. На его месте идет «война образов», которая еще не достигла своей высшей точки» [Кампер, 2008: с.107]. А.Гостев предостерегает, что «война образов» может «открыть путь к психоманипулятивному тоталитаризму» [Гостев, 2008: с.323], подспудному навязыванию современному человеку образов, с помощью которых можно будет модифицировать его поведение в нужном (для властных субъектов) направлении.

«Война образов» в современном медиа-пространстве осуществляется в двух режимах. Во-первых, происходит «внутренняя» борьба между образами социального происхождения (война внутри социального универсума), в которой побеждают наиболее агрессивные, «плотские» образы, вытесняющие на периферию более сложные, интеллектуализированные иконокомплексы (к примеру, «женская модель», пропагандирующая культ тела и сексуальности, значительно потеснила в современном массмедийном пространстве такие модели гендерного поведения, как «феминистическая», «андрогиная», модель «заботливая мать» [Батаева, 2010: с.146]).

Во-вторых, в современном мире можно наблюдать «внешнее» противостояние образов, принадлежащих к разным тематическим планам, например, социальных и религиозных икон. Так, образы поп-звезд и топ-моделей стали зани-

мать привилегированные места в квартирах социальных акторов (если принять во внимание тот факт, что главный экран, транслирующий эти образы, - телевизор, - занял «красный угол» в современных гостиных: «телевизионное место - угол у окна в общей комнате. ... Угол у окна является традиционным «красным углом» жилища, это высокостатусная часть пространства, где и подобало стоять новой, но уже незаменимой вещи» [Сергеева, 2009: с.180]). Напротив, церковные иконы, которые традиционно помещались в «красный угол» (и именно поэтому эта часть пространства исторически стала «высокостатусной») переместились в неприметные ниши, серванты, полки и другие пространственные «закоулки», дабы они были как можно менее заметны и не вызывали подозрения в «средневековой темноте» хозяина квартиры. Подобные метаморфозы стали видимым знаком тайной «войны образов», которая в современном мире оборачивается победой мирских, профанных образов, свидетельствуя о «визуальной секуляризации» общества. Если современные исследователи (к примеру, С.Хантингтон) говорят о возрождении религии, о де-секуляризации общества, которая проявляется в появлении все большего количества людей, называющих себя верующими, то в визуальном пространстве происходят более сложные процессы, скорее свидетельствующие о тайной неуверенности современного человека в крепости своей веры.

Опасность феномена «войны образов» заключается в ее внешней невидимости, латентности, что затрудняет возможность ее идентификации и отмены. Основное поле сражения образов - человеческое подсознательное, в котором





подспудно вызревает образ-победитель (как было выше сказано, победителями чаще всего становятся профанные образы, поскольку они – более яркие, нарядные, обольстительные, поощряющие духовную расслабленность, тогда как духовные образы «напрягают», требуют от человека «духовных усилий», ежедневной работы над своей душой). В войну образов вовлекается каждый современный человек, который вынужденно или добровольно воспринимает социальные образы, демонстрируемые по ТВ, в Интернете, на билбордах (абсолютно застраховать себя от их влияния можно лишь в том случае, если «закрыть глаза» и ничего не видеть). «Любой образ, извне попавший в душу, – через сознание или минуя его, не исчезнет. Он оседает в неосознаваемых областях психики, взаимодействуя с различными ее структурами и влияя на человека. Это связано с тем, что: а) образы проникают в сферы, недоступные рациональному познанию; б) неосознаваемое выражает себя на языке образов символического содержания; в) существующие в глубинах души прототипические образные формы обладают энергоинформационным потенциалом. Влияние образов может быть и незаметно, но оно есть, и потому все образы способны участвовать в изменении реальности» [Гостев, 2008: с.422-423]. Именно поэтому возрастает роль визуальных социологических исследований, осуществляющих диагностику качества образной медиа-информации, а также предлагающих прогнозы относительно возможных траекторий визуального развития социальности.

### Заключение

Социальная иконография как новое направление в визуальной социологии и философии должна

развиваться не только в прикладном направлении (она должна не только заниматься конкретными исследованиями медиа-образности), но и в теоретическом (необходимо углублять теорию социального образа, теорию его восприятия социальными акторами, – задача, которая была поставлена в данной статье, но которая, безусловно, требует дальнейшего развития). Социальная иконография должна быть дополнена социальной иконологией<sup>9</sup> или теорией понимания/интерпретирования содержания конкретных социальных образов, целью которой является выявление более сложных, явных или латентных, социальных тенденций, отражающихся в социальной иконосфере. Элементы социальной иконологии можно обнаружить в «Визуальной социологии. Фотография как метод исследования» П.Штомпки, в которой представлены четыре метода интерпретирования фотообразов (их можно использовать и в ситуации анализа видео-образов): герменевтический, семиотический, структурный и дискурсивный. Хотя можно констатировать, что социальная иконология (визуально-герменевтическая теория), так же, как и социальная иконография, пока что находится в стадии становления и требует дальнейшей разработки.

### Литература

1. Батаева Е.В. Гендерная визуальность современной рекламы // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2010. – № 3. – С.136-154
2. Бодрийяр Ж. Америка / Жан Бодрийяр; [пер. с франц. Д. Калугина]. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 208 с.
3. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Жан Бодрийяр; [Пер. с франц. Д. Краlechкина]; – М.: Академический

проект, 2007. – 335 с. – (Фило-софские технологии)

4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Жан Бодрийяр; [пер. с франц., послесл. и примеч. Е.А.Самарской]. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.

5. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Жан Бодрийяр; [перевод с франц. Л.Любарской, Е.Марковской]. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.

6. Бодрийяр Ж. Симулякри і симуляція / Жан Бодрийяр; [Пер.з франц. В.Ховкуна]; – К.: Вид-во Соломії Павличко «ОСНОВИ», 2004. – 230 с.

7. Бодрийяр Ж. Система вещей / Жан Бодрийяр; [пер. с франц. С.Зенкина]. – М.: Рудомино, 1995. – 172 с.

8. Боннелл В. Иконография рабочего в советском политическом искусстве / Виктория Боннелл // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е.Ярской-Смирновой и П.Романова. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. – С.183-214

9. Быкова С. Советская иконография и «портретные дела» в контексте визуальной политики, 1930-е годы / Светлана Быкова // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е.Ярской-Смирновой и П.Романова. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. – С.105-125

10. Вирильо П. Машина зрения / Поль Вирильо; [Пер. с франц. А.Шестакова под ред. В.Быстровой]; – СПб.: Наука, 2004. – 139 с.

11. Вышеславцев Б. Этика преобразованного зрелого / Борис Вышеславцев; – М.: Республика, 1994. – 368 с. – (Б-ка этической мысли)

12. Гостев А. Психология и метафизика образной сферы человека / Андрей Гостев; – М.: Генезис, 2008. – 484 с.

13. Гройс Б. Под подозрением. Феноменология медиа / Борис Гройс; [Пер. с нем. А.Фоменко]. – М.: Художественный журнал, 2006. – 199 с.

14. Кампер Д. Взгляд и насилие. Будущее очевидности / Д. Кампер / Флюссер В. За философию фотографии / [Пер. с нем. Г.Хайдаровой]; – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – С.102-108

15. Луман Н. Общество как социальная система / Никлас Луман; [Пер. с нем. А.Антоновского]; – М.: Изд-во «Логос», 2004. – 232 с. – (Серия «Образ общества»)

16. Луман Н. Реальность массмедиа / Никлас Луман; [Пер. с нем. А.Антоновского]; – М.: Праксис, 2005. – 256 с. – (Серия «Образ общества»). ISBN 5-901 574- 46 – X

17. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Маршалл Маклюэн; [Пер. с англ. В. Николаева]; — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. — 464 с. (Приложение к серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).

18. Сергеева О. Как мы стали телезрителями / Ольга Сергеева / Визуальная антропология: настройка оптики / Под ред. Е.Ярской-Смирновой, П.Романова (Библиография Журнала исследований социальной политики). – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. – 296 с. – С.175-188

19. Сосна Н. Фотография и образ: визуальное, непрозрачное, прозрачное / Нина Сосна; – М.: Ин-т философии РАН; Новое литературное обозрение, 2011. – 200 с.

20. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / Леон Фестингер; [Пер. с англ. А.Анистратенко]; – СПб.: Ювента, 1999. – 317 с.

21. Флюссер В. За философию фотографии / [Пер. с нем. Г.Хайдаровой]; – СПб.: Изд-во С.-Пе-



терб.ун-та, 2008. – 146 с. /ISBN 978-5-288-04266-9

22. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию/ Умберто Эко; [Пер. с итал. А.Погоняйло и В.Резник]; — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

23. Ямпольский М. Ткач и визионер. Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. – М.:НЛЮ, 2007. – 616 с.

24. Mitchell W.J.T. Iconology. Image, Text, Ideology. –Chicago: The University of Chicago Press, 1986. – 226 p.

25. Mitchell W.J.T. Picture theory: Essays on verbal and visual representation.- Chicago: The University of Chicago Press, 1994. – 445 p.

26. Mitchell W.J.T. What do Pictures want? The Lives and Loves of Images/ Chicago: The University of Chicago Press, 2005.- 380 p.

27. Nancy J.-L. The Ground of the Image/ New York: Fordham University Press, 2005. – 161 p.

### Ссылки:

1 Слово «иконография» произошло от греческих *eikōn* (изображение, образ) и *gráphō* (писать).

2 В теории Э.Паносского иконографический метод дополнен иконологией или теорией понимания и структурно-культурологического интерпретирования художественных иконограмм.

3 См. подробнее: Батаева Е.В. Об «умной иконографии» новозаветного мифа/ СПб.: Алетейя, 2008. – 224 с

4 М.Маклюэн предложил концепт «групповой или корпоративной иконы» для обозначения новой формы образности, используемой в массмедиа. На групповой иконе изображается не отдельная личность/событие, а смешанный образ абстрактных форм массово-

го поведения, предназначенный для массового же подражательства: «Некоторые утверждали, что Графическая Революция переключила нашу культуру с частных идеалов на *корпоративные образы*. Это по сути означает, что фотография и телевидение соблазняют нас уйти от *письменной* и частной «точки зрения» в сложный и инклюзивный мир *групповой иконы*. Именно это и делает реклама. Вместо представления частного аргумента, или частной перспективы, она предлагает образ жизни для каждого или ни для кого» [Маклюэн, 2003: с.263].

5 «С точки зрения онтологии традиционные образы означивают феномены, тогда как технические образы означивают понятия» [Флюссер, 2008: с.14].

6 «Фотоуниверсум – это средство программировать общество на магическое поведение, программировать с железной необходимостью, но каждый раз случайно (то есть автоматически), а также средство автоматически перепрограммировать общество в игральную кость, в шахматные фигуры, в функционалов» [Флюссер, 2008: с.82].

7 «Переворот в функции образа можно назвать «идолопоклонством», и сегодня мы можем наблюдать, как он происходит: вездесущие технические изображения, окружающие нас, логически переструктурируют нашу «действительность» и переворачивают глобальный образный сценарий» [Флюссер, 2008: с.9].

8 Принципиально важным для понимания содержания термина во-ображение является именно дефисное написание, изобретенное Б.Вышеславцевым (1877-1954).

9 Концепция иконологии была предложена Э.Паносским и получила дальнейшее развитие в трудах Т.Митчелла.

## Российской корпоративный лоббизм в ЕС

Каневский П.С.

В статье рассматривается состояние и перспективы российского (корпоративного) лобби в ЕС, как важнейшего торгового и политического партнера России, а также его результативность и эффективность с точки зрения развития российской политической системы и общества в целом. Продемонстрирована важность европейского направления для российских лоббистов с точки зрения возможностей раскрытия социально-экономического и политического потенциала РФ.

*Ключевые слова:* международный лоббизм, корпоративное представительство, регулирование лоббизма, политическая система, транснациональные корпорации, группы интересов, национальная стратегия

Kanevsky P.S.

Russian corporate lobbying in the EU

Current article is dedicated to the analysis and perspectives of Russian (corporate) lobby in the EU, as a key trade and political Russian partner, its impact and effectiveness in terms of development of Russian political system and society in general. Author demonstrates the importance of European direction for Russian lobbyists, considering the possibilities for development of social-economic and political potential in Russian Federation.

*Keywords:* international lobbying, corporate representation, lobbying regulation, political system, transnational corporations, interest groups, national strategy

Международный лоббизм является сложным и малоизученным процессом в политической теории. Во многих аспектах международный лоббизм является еще более сложным и многофакторным явлением, чем внутренний лоббизм. Внутрисистемный лоббизм, независимо от того, институционализирован он в политической системе или нет, регламентируется ли нормами права, так или иначе строится на традициях политического процесса и политической культуры, которые складываются в обществе в течении долгого эволюционного процесса. Международный же лоббизм не имеет четких границ, так как здесь все зависит от юридического статуса и национальной принадлежности субъектов и объектов лоббизма. Задача индивидов и групп, лоббирующих интересы за рубежом, является особенно сложной, так как они должны учитывать не только юридический и экономический факторы, но и дипломатический фон процесса, нюансы международного права и наднациональных правил игры.

Чем сильнее государство с финансово-экономической точки зре-



ния, тем более разветвленной является сеть его международных лоббистов и тем более привлекательным оно является для внешних групп давления. Чтобы представить себе структуру международного лоббизма в самом простом виде, мы можем условно разделить его субъектов на *первичные* и *вторичные*. Первичными субъектами выступают сами государства, вторичными же субъектами являются организации, ассоциации и объединения, отстаивающие как свои, так и государственные интересы на международной арене. В качестве конкретных вторичных субъектов лоббизма в большинстве случаев выступают транснациональные корпорации (ТНК), общественные и культурные объединения, а в ряде случаев – религиозные и этнические группы. Разница между первичными и вторичными субъектами заключается в том, что государства, действуя от своего собственного имени, вынуждены следовать дипломатическим правилам и, как следствие, заметно ограничены в политических маневрах. Если же государства отстаивают свои интересы через вторичные организации, будь-то общественно-политические или экономические, уровень влияния заметно возрастает. В качестве известного примера можно привести американо-израильский комитет по общественным связям (АИРАС), через который Израиль не просто отстаивает свои интересы в американском истеблишменте – в Конгрессе, администрации президента, финансовых и промышленных кругах – но, как утверждают многие политики, во многом формирует политику США на Ближнем Востоке. Согласно Н.Хомски, со времен президентства Дж.Ф.Кеннеди, «АИРАС является наиболее влиятельным официальным внешним

лоббистом в США, отстаивая как политические, так и экономические интересы»<sup>1</sup>.

Однако в статье большее внимание будет уделено не общественно-политическим, а хозяйственно-промышленным вторичным субъектам лоббизма – ТНК и финансово-промышленным группам (ФПГ), действующим поодиночке, либо ассоциативно. Хозяйственно-промышленный интерес в международном лоббизме является достаточно неоднозначным явлением с точки зрения его объективного анализа. Надо понимать, что в международном масштабе хозяйственно-промышленный интерес нельзя приравнять исключительно к интересу экономическому, так как данный феномен обладает сложной внутренней структурой и практически всегда включает в себя политические интересы, а зачастую выступает вторичным по отношению к первичным политическим целям тех государств, которые эти субъекты представляют. Более того, при анализе международного лоббизма исследователи абсолютно упускают из вида еще один важнейший фактор – взаимосвязь данного феномена с социальной структурой государств и существующей в них культурой (политической, экономической, правовой). В этом, в частности, заложено одно из отличий лоббизма от коррупции. Чем результативней является лоббизм с точки зрения социального развития того государства, которое осуществляет данную деятельность, чем более открытым он является для общественности, тем скорее мы будем говорить именно о социально значимом лоббизме, а не о продвижении частного интереса в угоду узкого круга лиц, что будет неизбежно приближать данное понятие к коррупции.

Прежде чем переходить к конкретным формам и механизмам международной лоббистской деятельности ТНК и ФПГ, следует отметить, что транснациональный рынок лоббизма весьма неоднороден. В мировой лоббистской практике нет установленных правил игры, ведь все зависит от объектов, на которых осуществляется давление. Чем сильнее развит внутренний суверенитет государства, чем прочнее и стабильнее его законодательная база – тем сложнее субъектам транслировать свои интересы. Чтобы обладать внешним влиянием в центрах принятия решений наподобие структур Европейского Союза нужны не просто ресурсы, а четкое понимание нормативной базы и умение встраиваться в сложные внутренние правила игры. И, напротив, чем менее развитым является государство, тем проще применяемая методика лоббизма. Так, крупным ТНК, вроде алмазодобывающих гигантов (например, бельгийской компании De Beers) и нефтяных корпораций (Royal Dutch Shell, British Petroleum, Total и пр.), гораздо проще отстаивать свой интерес в богатых ресурсами странах Африки, потому что там достаточно установления плотных экономических связей с местными заинтересованными элитами, которые и являются основными фильтрами для выхода на местный рынок или к местным ресурсам, в то время как законодательная база отсутствует, либо ее роль сведена к минимуму. В этом и заключается разница лоббистского потенциала и лоббистской привлекательности между государствами. Чем более развитой является система, тем больше там существует институциональных, групповых и личностных фильтров, без учета которых сложно добиться необхо-

димого решения. Следовательно, тем больше вероятность развития социального значимого и цивилизованного лоббизма в мировых масштабах.

Однако даже с этой точки зрения нельзя говорить о том, что лоббизм бывает цивилизованным и нецивилизованным. Лоббизм скорее бывает в большей или в меньшей степени встроенным в правовые рамки. С одной стороны, международный лоббизм изначально практически всегда инициируется межэлитным взаимодействием, когда представители элит (экономических, правящих, медийных и пр.) одного государства различными способами стараются повлиять на центры и лица, принимающие решения в другом государстве. Таким образом, ТНК владеют и пользуются инструментами влияния на национальные правительства, попадающие в зону их интересов, и выступают ключевыми игроками лоббирования внешнеполитических и внешнеэкономических вопросов<sup>2</sup>. С другой стороны, вопрос здесь в том, кого в реальности представляет лоббисты. Скажем, если мы говорим о представителях отрасли полупроводников, либо представителях автомобильной промышленности, то мы автоматически должны ставить вопрос – действуют ли они ассоциативно, стремятся ли представлять в реальности интересы всей отрасли, либо заинтересованы лишь в отстаивании своего узко-корпоративного интереса. Это одна из наиболее острых дилемм, который встает перед государствами в условиях сложного глобализированного рынка.

В данной статье нас интересуют особенности лоббирования интересов российских компаний в Евросоюзе – наиболее важном для России центре с точки зрения раз-



вития инфраструктуры и продвижения хозяйственно-промышленных интересов в мировом масштабе. Исключительность Европы заключается еще и в том, что Старый Свет и Россия – это схожее историческое, культурное и географическое пространство, с которым Россию объединяет намного больше, чем с другим мировым центром – США.

Еще раз подчеркнем, что из всех форм международного лоббизма мы не случайно выделяем именно хозяйственно-промышленный фактор. В условиях глобализации рыночных отношений, крупные международные экономические проекты являются прерогативой не только ТНК, но и частью национальной международной стратегии. Зачастую они являются логичным продолжением внешней политики государства, т.к. практически никогда ТНК не действуют без оглядки на правящие элиты. В большинстве случаев речь идет о единой стратегии внешнего влияния и национальной безопасности. В современном мире экономическое влияние по своему потенциалу если не опережает, то как минимум соседствует с дипломатическим и военно-политическим влиянием, а вопрос экономической безопасности становится одним из важнейших для обеспечения целостности государственного суверенитета. Но при этом лоббизм нельзя приравнивать к дипломатии, потому что дипломатия является средством осуществления внешнеполитического курса государства и, в отличие от лоббизма, это официальная и формализованная деятельность, осуществляемая на основании Венской конвенции о дипломатических сношениях от 1961 г. Международный лоббизм, как уже было сказано, – это понятие более широ-

кое, не имеющее единой правовой базы. Основа регулирования международного лоббизма – это отдельные межгосударственные (зачастую межэлитные) соглашения, которые и придают этому явлению конкретные очертания.

В качестве примера можно рассмотреть наднациональные процессы взаимодействия между правящими и экономическими элитами разных стран. Так, накануне саммита Большой Восьмерки на острове Хоккайдо в Японии в 2008 г., Федерация немецких промышленников (BDI) провела бизнес-саммит, целью которого было создание регулирующих норм относительно взаимодействия крупнейших промышленников G8. Саммит объединил ведущие ТНК, ФПП и бизнес-ассоциации стран Восьмерки. По его итогам была подготовлена совместная декларация, определявшая некоторые права и взаимные обязательства крупного бизнеса в странах G8<sup>3</sup>.

Правящие элиты современной России всячески позиционируют страну как ведущего игрока мировой экономики, однако если говорить о международной лоббистской деятельности, то здесь страна достигает лишь локальных успехов в отдельных отраслях, но целостная стратегия продвижения российского бизнеса на ассоциативной основе находится на относительно низкой стадии развития.

Страны Европейского Союза в настоящий момент являются одним из наиболее перспективных направлений для российских хозяйственно-промышленных субъектов. В совокупности, ЕС – это крупнейший в мире рынок, составляющий 23% от мирового ВВП. Однако, при выходе на рынки стран ЕС, российские лоббисты сталкиваются с множеством юридических проблем, вызванных

недостаточной его интегрированностью как в существующую правовую базу, так и в отсутствие налаженных механизмов диалога. В отличие от развитых форм и методов лоббистской деятельности в самом ЕС, Россия все еще находится на начальной стадии институционализации данного процесса. В настоящее время, направления российского лобби в ЕС можно разделить на три категории: а) Взаимодействия предпринимательских объединений России и ЕС; б) Прямое давление на политические структуры внутри ЕС; в) Привлечение консалтинговых и PR компаний, специализирующихся на лоббизме в странах ЕС, как, например, GPlus – проводника интересов Газпрома и российской энергетической отрасли. Что касается взаимодействия между ассоциациями, то здесь наибольших успехов достиг Российских союз промышленников и предпринимателей (РСПП), который в 2005 г. наладил прямой контакт с крупнейшей общеевропейской ассоциацией «Бизнес-Европа». И хотя предполагалось, что это станет первым шагом к подписанию более широкого двустороннего соглашения между Россией и ЕС, достижение РСПП так и не было развито.

Можно предположить, что российские элиты и представители отечественных ТНК порой не готовы воспринимать сложную организационную структуру консультативных механизмов, которые являются частью общего механизма лоббизма в ЕС. С другой стороны, данная структура объективно является достаточно сложной. Следовательно, только изучая внутренние правила можно стать инсайдером и получить возможность выстраивать эффективную внешнеэкономическую (а следова-

тельно и внешнеполитическую) стратегию.

Рассмотрим более подробно структуру лоббистских структур Европейского Союза. Совецательные и консультативные органы создавались в Европе с момента зарождения ЕС и Совета Европы. На уровне ЕС наиболее влиятельными лоббистскими органами являются интергруппы, существующие в Европарламенте, которые привлекаются к согласованию и разработке проектов актов как самого парламента, так и Еврокомиссии. В настоящее время в Европарламенте действуют 28 интергрупп, занимающихся самыми различными вопросами – от защиты окружающей среды и прав животных до социального обеспечения и финансового регулирования<sup>4</sup>. Членами интергрупп могут быть не только европарламентарии (ЕП), но и представители коммерческих и некоммерческих структур, что установлено правилом №32 Европарламента. Именно интергруппы во многом задают вектор работы Еврокомиссии и формируют единую политику ЕС, в том числе в области международного экономического взаимодействия.

Нужно понимать, что интергруппы различны как по своему составу, так и по политической направленности. Например, Россия сталкивается с этой неоднородностью, когда речь заходит о принятии ключевых решений, касающихся интересов российских энергетических компаний на территории ЕС. Даже будучи способной перетянуть на свою сторону одну интергруппу, можно столкнуться с сопротивлением в другой. Скажем, путем двухсторонних консультаций Россия-ЕС можно добиваться локальных успехов в интергруппе «Торговый союз», однако встречать при этом ожес-





точное сопротивление со стороны наименее дружественной к России интегруппы «Балтийская Европа», в которой ведущее слово принадлежит трем балтийским государствам, а также евроэкологов, которые контролируют две интегруппы. Так, при лоббировании проектов Северного и Южного потока, основная критика в Европарламенте исходила из этих трех интегрупп. По словам В.Ландсбергиса, представителя интегруппы «Балтийская Европа» и европейского энергетического аналитического центра «Европейский диалог», «расширение российского энергетического влияния в Европе является прямой угрозой международной безопасности»<sup>5</sup>.

Однако интегруппы – это лишь вершина айсберга, приоткрывающая механизмы лоббистской деятельности в ЕС. Интегруппы являются официальными образованиями, а потом строго регламентируются: количество интегрупп не может превышать порога, установленного действующим созывом Европарламента; члены интегрупп обязаны отчитываться об источниках своего дохода. Но помимо интегрупп, в ЕС существует значительное количество лоббистских структур, которые носят теневой и полутеневой характер.

Так, существует значительное количество комитетов и консультативных советов, которые имеют узкую специализацию и создаются под конкретные законодательные и административные акты. По приблизительным оценкам при Еврокомиссии действуют около 1800 экспертных комитетов, в состав которых включено 80 тыс. человек<sup>6</sup>. Доступом к Еврокомиссии и Европарламенту обладают европейские федерации, объединяющие коммерческие организации по отраслям, транснациональ-

ные корпорации, национальные компании и ассоциации. Они осуществляют свою лоббистскую деятельность либо напрямую, либо через профессиональных посредников. В Брюсселе существуют сотни консалтинговых и юридических компаний, PR и GR агентств, аналитических центров, которые имеют прочные связи с европейскими чиновниками и членами Европарламента. Данные субъекты не только влияют на процесс принятия решений, но также занимаются количественными и качественными исследованиями, способствуют формированию общественного мнения. Из огромного множества подобных организаций можно выделить около 40, которые имеют наибольший потенциал влияния.

Эти организации имеют свои собственные постоянные представительства в Страсбурге или Брюсселе. В настоящее время Европарламент и Еврокомиссия активно стараются внедрить систему регистрации лоббистов, которая сделает процесс более прозрачным. В частности, Еврокомиссия обязалась автоматически извещать лоббистов о проведении публичных консультаций, которые затрагивали бы их интерес – такой механизм рассматривается как поощрения для тех организаций, которые соглашаются официально отчитываться о своей деятельности. Несмотря на то, что процесс регистрации является добровольным, при предоставлении неполной или ложной информации, нарушители рискуют быть исключенными из реестра лоббистов. Такая участь постигла, в частности, главного представителя интересов Газпрома в ЕС, одну из ведущих лоббистских структур в Брюсселе – Gplus. В 2009 г. компания не смогла полностью отчи-

таться о своих источниках доходов и была показательно исключена из реестра лоббистов<sup>7</sup>. Правда спустя всего две недели компания снова вернулась в реестр, что, впрочем, прошло практически незамеченным в мировых СМИ.

Надо сказать, что хотя на уровне ЕС лоббизм и регулируется, ему далеко по степени прозрачности от англо-американской модели, которая отличается гораздо более четкой регламентацией лоббистской деятельности. Поэтому в ЕС на первое место выходят ресурсы, которые готовы вложить субъекты лоббизма в продвижение своего интереса. В первую очередь в этой ситуации страдают представители некоммерческого сектора, неспособные в связи с недостатком организационных и финансовых ресурсов конкурировать с бизнес-структурами в сфере продвижения частных интересов<sup>8</sup>.

Однако даже, несмотря на то, что российские компании обладают серьезной ресурсной базой, их лоббистская деятельность в ЕС нельзя назвать скоординированной и плодотворной. Речь идет скорее о ряде локальных успехов, которые не складываются в единую систему российского лобби в Евросоюзе. Первичная причина тому – отсутствие четких двусторонних рамочных соглашений, что сильно затрудняет доступ российского бизнеса в Европу. Наиболее эффективным способом внешнеэкономической интеграции по-прежнему остается создание дочерних предприятий, действующих поодиночке и весьма далеких от выработки единой политики, не говоря о создании единого лоббистского органа, наподобие Американской торговой палаты в ЕС. В 2010 г. в интервью немецкой газете *Süddeutsche Zeitung* В.В.Путин выдвинул идею создания единого

с Европой экономического альянса. Но главным препятствием на пути к достижению данной цели является отсутствие эффективных инструментов диалога между Россией и ЕС. Формально эту функцию сейчас выполняет «Круглый стол промышленников Россия – ЕС», однако за 14 лет своей деятельности данная забюрократизированная структура не достигла каких-либо ярких результатов.

Россия пока не ищет системных основ, предпочитая задействовать отдельных агентов влияния – крупные корпорации, либо идет по пути межличностных отношений, обходя стороной размытые правовые рамки европейского лоббизма. Впрочем, именно межличностные связи в последнее время также подвергаются серьезной критике со стороны общественности и ряда ведущих политиков. Показательным в этом смысле стал громкий скандал 2011 года, получивший название «Законы за деньги» (*Laws for money*), в котором оказались замешаны 14 членов Европарламента, согласившиеся на встречах с подставными журналистами *The Sunday Times* изменить некоторые законы за \$100.000<sup>9</sup>. Россия также оказалась замешана в аналогичном скандале, когда британской прессе стало известно о том, что бывший еврокоммисар по торговле Питер Мэндельсон согласился повысить тарифы на импорт алюминия, продвигая таким образом интересы алюминиевой группы компаний своего давнего друга Олега Дерипаски. Однако последовавшие за скандалами призывы ужесточить внутренние правила Европарламента пока не привели к каким-либо серьезным нормативным сдвигам, из чего можно сделать вывод, что лоббизм на уровне Евросоюза остается в значительной мере непрозрачным и слабо регу-



лируемым процессом, в отличие от национального уровня некоторых стран-членов ЕС. Это, к слову, является одним из аргументов евроскептиков, утверждающих, что институты Евросоюза являются гораздо более непрозрачными и девальвируют национальные правовые нормы.

Основная проблема здесь заключена в том, что ЕС – надгосударственное образование и, следовательно, лоббизм также носит надгосударственный характер. Поэтому порой сложно проследить цепочку национальных и международных интересов. Для лоббистов же одной из главных задач становится влияние на общественное мнение через СМИ. Например, нанятая руководством «Северного потока» (51% акций в котором принадлежит Газпрому) компания Hill and Knowlton во главу угла своей пиар-стратегии поставила тесное взаимодействие с британскими СМИ, которые активнее других выступали против продвижения российских энергетических интересов в Европе<sup>10</sup>. Компания также организует закрытые встречи между российскими бизнесменами, представителями газовой и нефтяной промышленности с депутатами европейского парламента.

Подобная схема является классическим примером взаимодействия между национальными (российскими) и наднациональными элитами. Учитывая, что энергетические вопросы в Европе важны для России не только с экономической, но и с геополитической точки зрения, здесь можно говорить о целостной национальной стратегии лоббирования. Перефразировав слова президента американской корпорации «General Motors» Ч.Вильсона можно сказать, что «то, что хорошо для Газпрома, хорошо и для России». Это

является консолидированной точкой зрения руководства Газпрома и тесно аффилированной с компанией российской правящей элиты.

Влияние Газпрома в ЕС действительно крайне высоко. Стратегию российского газового гиганта можно разделить на три составляющие: 1. Корпоративное влияние на уровне инстанций Евросоюза; 2. Корпоративное влияние на национальном уровне; 3. Установление тесных межличностных связей с отдельными представителями политической и промышленной элиты в конкретных государствах. Используя такой комплексный подход, Газпром создал прочную лоббистскую сеть в Европе, которая, хоть и подвергается критике со стороны ряда европейских СМИ, политиков, общественных деятелей, но имеет относительно стабильное влияние при формировании повестки дня в энергетической отрасли. Даже смена политических курсов отдельных государств неспособна кардинально изменить ситуацию. Так, Ангела Меркель в ходе своей первой предвыборной кампании 2003–2004 годов сделала акцент на критику межличностных отношений бывшего канцлера Герхарда Шредера с руководством Газпрома и российских правящих элит – еще в бытность канцлером Шредер открыто лоббировал интересы Газпрома и амбициозный газовый проект «Северный поток». В 2005 г. Меркель выступила с требованиями диверсификации поставок энергоносителей в Европу и выработки единой энергетической политики. Однако все последующие годы, уже ставшая новым канцлером, Меркель и ее правительство планомерно меняли свои первоначальные взгляды и в итоге к 2008 г. была сформулирована стратегия новой Ostpolitik (Восточной политики), которая гласила, что Россия дол-

жна быть частью европейского пространства, в том числе и экономического<sup>11</sup>. В итоге Меркель не только перестала препятствовать продвижению российских энергетических интересов, но и усомнилась в успехе про-атлантической геополитики, выступив против продвижения НАТО на Украину и в Грузию. Это было внушительной победой российских лоббистов как на национальном уровне Германии, так и в Евросоюзе, без мнения властей которой в единой Европе не принимается практически не одно важное решение.

Однако, несмотря на такой показательный успех, наиболее эффективным способом продвижения интересов бизнеса все же продолжает оставаться прямое давление на лиц, принимающих решения. Значительные результаты были достигнуты в Германии и Италии, где часть правящих и экономических элит активно поддерживают крупные российские корпорации. Тем не менее, данные методы продвижения интересов хороши для каких-либо отдельных проектов (например, энергетических), но они не способны наладить целостный межсистемный диалог. Россия должна стараться диверсифицировать свое экономическое присутствие в странах ЕС, развивая не только энергетический сектор, но и сектор инновационных технологий, причем делать это не на узкокорпоративной, а на ассоциативной основе. В настоящий момент РФ является больше импортером, чем экспортером инноваций, а без модернизации научно-технической инфраструктуры невозможно стать весомым игроком на рынке, все больше ориентирующегося на высокие технологии.

С другой стороны, говоря о внешнем лоббизме, России нельзя

забывать и о собственном законодательстве. В то время как страна с трудом подстраивается под европейские правовые стандарты, зарубежные компании легко получают доступ к российскому рынку, пользуясь системой неформальных связей, т.е. скорее коррупционными механизмами, а не лоббистским – при этом речь идет не об отдельных проектах, а о повсеместной практике. И здесь главной проблемой является скорее не отсутствие закона о лоббизме как такового, а отсутствие прозрачных экономических механизмов в целом. Показателен пример Южной Кореи, заключившей недавно с ЕС договор о Едином экономическом пространстве, – там также нет закона о лоббизме, однако в Корею действуют сильные антикоррупционные структуры, которые позволяют рынку развивать как внутренний, так и внешний потенциал. Именно относительная прозрачность корейского бизнеса помогла стране создать системное лобби в ЕС, которое продвигалось на самом высоком уровне.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что лоббирование российских интересов в политико-экономическом пространстве Запада является долгим и поступательным процессом. Россия сталкивается на этом пути с большим количеством трудностей, вызванных объективными проблемами. ЕС – это достаточно закрытая система, доступ к которой является не просто средством реализации конкретных корпоративных процессов, а должен быть частью общенациональной стратегии. В условиях глобального рынка, информационного общества российское государство должно ставить перед собой задачу планомерной интеграции в мировые социально-экономические процессы. Здесь существует мно-



жество дилемм. С одной стороны, продвижение российских интересов все еще встречает настороженность со стороны западных элит и общественного мнения. С другой стороны, российские элиты пока сами далеки от выработки единой стратегии продвижения национальных интересов. Это видно даже на таком ярком примере как отстаивание интересов российского бизнеса, которое отвечают потребностям отдельных корпораций, однако не создает почвы для более всестороннего системного партнерства. В российской практике международного лоббизма отсутствует элемент ассоциативности, иными словами, отдельные корпорации действуют в лучшем случае от имени правящих элит, но не от имени отраслей, отсутствует единое внутреннее согласие и сплоченная координация.

Другой важнейший момент – это работа с информационным пространством. Когда речь идет о партнерстве с Западом, надо помнить, что Россия находится в неблагоприятном информационном окружении, настроенном настороженно, а порой и враждебно по отношению к нашей стране. Поэтому России нужно вести активную пиар-работу, направленную не просто на установление межличностных связей для продвижения конкретного интереса, а системно работать с политиками и общественными деятелями, ведущими СМИ, лидерами общественного мнения над созданием нового информационного фона.

Наконец, с третьей стороны, все эти меры будут беспочвенными до тех пор, пока Россия не установит четких правил ведения бизнеса внутри страны. Пока в угоду цивилизованному лоббизму будет развиваться коррупционная составляющая, это будет сказываться и на

международном уровне, что будет продолжать настораживать зарубежных партнеров и потенциальных объектов лоббизма.

Феномен международного лоббизма показывает насколько тесно переплетаются здесь внутренние проблемы с внешним влиянием государства. Чем скорее российские элиты поймут, что развитие внутреннего потенциала развивает целостность системы и ее позиции на мировой арене, тем быстрее будут созданы возможности для межсистемного взаимодействия и лоббирования российских интересов в ведущих государствах и деловых структурах.

### Литература

1. Бинецкий А.Э. Лоббизм в современном мире. М., 2004.
2. Боров А.В. Регулирование корпоративного лоббизма в Евросоюзе // Советник Президента. Март. 2008.
3. Всемирный российский форум – накал страстей по сценарию «холодной войны» // Голос Америки. 30.03.2011 / <http://www.golos-ameriki.ru/content/ys-russian-forum-discussion-2011-03-30-118935359/229834.html>
4. Клинова М. Глобализация и инфраструктура: новые тенденции во взаимоотношениях государства и бизнеса // Вопросы экономики. 2008. № 8.
5. Сеттлз А. Роль транснациональных корпораций в достижении целей «Группы восьми»: вовлечение частного сектора в систему глобального управления // Вестник международных организаций. 2008. № 5 (20).
6. Шохин А.Н. Взаимодействие бизнеса и власти в Европейском Союзе. М., 2008.
7. Baltic Europe Intergroup Statement // European Dialogue. July 2009 / [/http://](http://)



eurodialogue.org/Baltic-Europe-Intergroup

8. Chomsky N., Pappé I. Gaza in Crisis. Reflections on Israel's War Against the Palestinians. London, 2010.

9. Feifer G. Too Special A Friendship: Is Germany Questioning Russia's Embrace? / Radio Liberty. 03.06.2012 / [http://www.rferl.org/content/germany\\_and\\_russia\\_too\\_special\\_a\\_relationship/24262486.html](http://www.rferl.org/content/germany_and_russia_too_special_a_relationship/24262486.html)

10. Fourth Euro MP named in lobbying scandal // BBC News corp. 28.03.2011 / <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-12880701>

11. Gazprom lobbyist suspended from EU // Financial Times. 23.01.2009 / <http://www.ft.com/cms/s/0/06c4fd02-e8b3-11dd-a4d0-0000779fd2ac.html#axzz1wk6M3T00>

12. List of European Parliament Intergroups (2012) / <http://www.europarl.europa.eu/aboutparliament/en/00c9d93c87/Intergroups.html>

13. Lobby Planet. Brussels: The EU Quarter. Corporate Europe Observer. Brussels, 2011.

### Ссылки:

1 Chomsky N., Pappé I. Gaza in Crisis. Reflections on Israel's War Against the Palestinians. London, 2010. P. 38-39.

2 См.: Клинова М. Глобализация и инфраструктура: новые тенденции во взаимоотношениях государства и бизнеса // Вопросы экономики. 2008. № 8. С.81.

3 См.: Сеттлз А. Роль транснациональных корпораций в дости-

жении целей «Группы восьми»: вовлечение частного сектора в систему глобального управления // Вестник международных организаций. 2008. № 5 (20). С.43.

4 List of European Parliament Intergroups (2012) /

<http://www.europarl.europa.eu/aboutparliament/en/00c9d93c87/Intergroups.html>

<sup>5</sup> Baltic Europe Intergroup Statement // European Dialogue. July 2009 / <http://eurodialogue.org/Baltic-Europe-Intergroup>

6 См.: Шохин А.Н. Взаимодействие бизнеса и власти в Европейском Союзе. М., 2008. С. 35, 44-45.

7 Gazprom lobbyist suspended from EU // Financial Times. 23.01.2009 / <http://www.ft.com/cms/s/0/06c4fd02-e8b3-11dd-a4d0-0000779fd2ac.html#axzz1wk6M3T00>

8 Боров А.В. Регулирование корпоративного лоббизма в Евросоюзе // Советник Президента. Март. 2008. С.8,9.

<sup>9</sup> Fourth Euro MP named in lobbying scandal // BBC News corp. 28.03.2011 / <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-12880701>

10 Lobby Planet. Brussels: The EU Quarter. Corporate Europe Observer. Brussels, 2011. P. 30.

11 Feifer G. Too Special A Friendship: Is Germany Questioning Russia's Embrace? / Radio Liberty. 03.06.2012 /

[http://www.rferl.org/content/germany\\_and\\_russia\\_too\\_special\\_a\\_relationship/24262486.html](http://www.rferl.org/content/germany_and_russia_too_special_a_relationship/24262486.html)



## Смысловой подход к изучению общества как русская социологическая парадигма

Матвеева Н.Ю.

В статье ставится вопрос о возрождении особой традиции русской социологической мысли – социологии смысла. Характеризуется процесс развития социологической науки в целом, из чего делается вывод о перспективности данного подхода для современной социологии. Анализируется одно из ключевых понятий смысловой социологии – понятие соборности. Даются ориентиры для понимания основных принципов и возможностей развития данного направления в социологии, как направления, сочетающего традиционные основы с инновационными методами и результатами. Ключевые слова: русская социология, западная социология, рационализм, постмодерн в социологии, социальная солидарность, соборность, смысл, ценностная идея, социальная идея.

Matveeva N.Y.

A meaning approach to understanding of society as Russian sociological paradigm

It's considering the question of revival of specific Russian sociological tradition – sociology of meaning in this article. There is characteristic of the developing sociological science process as whole, and making deduction about this approach has prospects in contemporary sociology. One of key concepts of sociology of meaning is analysed is a concept of conciliarism. Reference-points are given for understanding of basic principles and possibilities of development of this direction in sociology, as direction combining traditional bases with innovative methods and results.

Key words: Russian sociology, Western sociology, rationalism, postmodernity in sociology, social solidarity, conciliarism, sence, value idea, social idea

### 1.

Быстрота перемен в современном обществе, утрата смыслового содержания жизни, целостного видения истории и культуры, с одной стороны, русская дореволюционная социологическая мысль, взыскующая смысл в годы, не только сопоставимые с современностью по уровню «турбулентности», но критические для судеб страны и мира, с другой. Эта идея, опередившая свое время по проникновению в суть событий, прогностической силе, методологическим подходам, оказывается не нужной в наше время из-за его смыслового опустошения. Однако «ненужность» лишь внешняя. Очевидно, что во времена разложения всякого целостного мировоззрения, разложения самой рациональности, о чем прямо заявили теоретики постмодерна, живой источник нового собирания смыслов жизненно необходим как обществу, так и науке о нем.

И такой источник мы находим у нас на родине. То, что западная мысль не открыла для себя это теоретическое русло, есть лишь свидетельство того, что оно про-

тивостоит западной рациональной ментальности. У западной интеллектуальной традиции свои особенности и недостатки, которые в наше время проявляются с особенной четкостью, если научиться смотреть на явление (в данном случае, на западную социологию) в его целом, а не разглядывать фрагменты. Рационализм западной мысли подвергся основательной критике отечественными мыслителями XIX – начала XX столетий, начиная еще со славянофилов и В.С. Соловьева. Идеи и идеалы, шедшие в мир с Запада, также получили надлежащую оценку со стороны русских ученых – П.И. Новгородцева, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева и многих других. Эти идеи социального характера (например, о правах личности, гендерном неравенстве, национальном государстве, глобализации и т.д.) сами по себе явились плодом западного рационализма, пытающегося познать общество и выстроить социальные отношения на началах разума, логики, научности. Идеалы, или цели развития человеческого общества, воплощающиеся в определенные идеологии, такие, как социализм, либерализм, гуманизм, также являются плодами западной рациональности.

В тот исторический момент, когда рационализм, казалось бы, может праздновать победу в человеческих умах, как констатировал победу либерализма Ф. Фукуяма, когда наука и технология завоевали весь мир, когда их достижения входят буквально в плоть и кровь каждого человека с рождения, вдруг наступает момент истины. Западная мысль, в лице своих самых передовых представителей, заявляет о распаде рациональности. Она говорит об изменении мира в сторону, не под-

дающуюся рациональному подходу. Симуляция действительности в повседневной жизни людей, непредсказуемость социальной жизни, риски, сосуществование множества истин и распад морали, распад даже самого общества как определенного единства и замена его неким безликим «социумом» – все это, по мнению теоретиков постмодерна, есть признаки новой исторической эпохи. Отныне передовые мыслители должны не изобретать новые идеи, а только интерпретировать их, делая понятными для всех. Традиционные же социологические теории, оказывается, утратили свое значение в современном мире и не могут применяться для анализа новых социальных реалий.

Западная мысль, таким образом, пришла к отрицанию самой себя в основе – идее разумного устройства человечества на Земле без Бога. Следствием этого отрицания явилось и отрицание собственной социологической традиции. Этот факт, казалось бы, лишь доказывает правоту старых русских мыслителей и открывает простор для развития принципиально новых основ построения общественной жизни и науки о ней. Сам постмодерн в социологии не открывает никаких новых перспектив для человеческой мысли. Он есть печальное признание западной идеи социального развития в своем банкротстве. И великое значение постмодерна именно в этом. Но способ мышления теоретиков постмодерна не изменился, – они так же рациональны в самом отрицании рациональности, как и их предшественники – в надежде на торжество разума. Они смотрят на все сквозь призму рациональности, и, видя ее поражение, рационализировать его в новых категориях.





## 2.

Чтобы понять истинное, объективное значение русской социологической традиции для мировой социологии, следует увидеть процесс развития этой науки в его целостности, а также подвести некий итог ее развития на настоящей момент.

Социология родилась как плод эпохи Просвещения и Нового Времени, с их идеей о разуме, которому все доступно и подвластно. Познать общество рациональными методами, в которых почетное место занимают методы эмпирические, изучение фактов, но в которых нет места всему иррациональному, сверхразумному, - так ставилась сверхзадача этой науки, так она понималась в позитивизме от О. Конта до Э. Дюркгейма. И многое в этом отношении было сделано, пока мыслители не дошли до определенного рубежа в познании общества рациональными методами. Этим рубежом стала личность - простая человеческая личность, с ее чувствами, эмоциями, смыслами, с ее нерациональными поступками, наконец, с ее подсознанием. Открытия многих мыслителей, близких к психологизму, например, создателей «психологии толпы» Г. Тарда и Г. Лебона, «психологии народов» В. Вундта, М. Лацаруса, Х. Штейнтала поставили под вопрос весь замысел социологии как самостоятельной науки. В этом отношении чрезвычайно показательна теория В. Парето, доказывавшая, что корни человеческих поступков, идей и идеологий лежат не в сфере разума, а в сфере слабо рационализируемых подсознательных инстинктов - «осадков».

Мощный отпор психологизму в социологии был дан Э. Дюркгеймом, который, однако, ввел ряд основополагающих категорий, до

конца не поддающихся рациональному анализу. Это «социальная солидарность», «коллективные представления», «священное и светское», «социальная ценность», наконец, сам «социальный факт», являющийся, по мнению ученого, в сущности, идеей, воплощенной в действительность в форме социальных институтов. Теория Дюркгейма, спасавшая социологию от иррационализма личности, показала, что иррационализм свойственен и самому обществу, если проникнуть в его суть.

Так или иначе, позитивистская парадигма, в лице Э. Дюркгейма, дошла до своей высшей точки, с которой стала видна ее ограниченность. Социологии были необходимы новые познавательные горизонты, и она их нашла в лице понимающей социологии М. Вебера, а затем и феноменологической социологии А. Шюца. В этих моментах - моментах возникновения новых социологических парадигм при обнаружении ограниченности прежних, - четко прослеживается логико-диалектическая взаимосвязь процесса развития этой науки, необходимость такого развития. Гегелевские законы саморазвития понятия оказываются четко применимыми к процессу развития социологии, как мысли об обществе.

Не случайно новые подходы к пониманию общества возникли именно в Германии. Германская мысль сочетает в себе высшее развитие рационализма с проникновением в иррациональные глубины мироздания. Принципиально не рационализируемые категории воли, смысла, Абсолютного духа, понятие тождества субъекта и объекта рождены именно германской традицией. Не случайно и то, что в ней возникло разделение науки на «науки о природе» и «на-

уки о культуре». Восхождение на высоты рациональности ведет к пониманию того, что есть и иррациональные глубины бытия. За полнотой воплощения рациональных идей диалектически следует возникновение задач, не укладывающихся в рамки рационализма.

Понимающая социология Вебера стала рациональной попыткой познать духовные основы общественной жизни и свести их к категориям и методам, позволяющим оперировать ими в рамках рационального знания, иными словами, включить их в спектр научности. Сама задача стояла перед социологией именно так, ведь социология оставалась и должна остаться объективной наукой, а не превратиться в метафизику. Уже тот факт, что о социологии Вебера можно говорить как о теории познания духовных основ общества, свидетельствует о важном шаге вперед, к признанию определяющего значения духовной составляющей в жизни общества и приближении Вебера к проблемам, поставленным русской социологической мыслью.

Задачи, стоящие перед социологией, Вебер решает при помощи *метода понимания смысла социальных действий индивидов*, понимания как рационального метода, а не как субъективного «вживания», предлагаемого В. - Дильтеем. Для этого Вебер вводит следующие категории: «социальное действие», основу которого составляет заключенный в нем смысл; «ценность» или «ценностная идея», связующая смыслы с миром ценностей; «идеальный тип» как логико-смысловая конструкция изучаемого явления [1]. В результате Вебер получает способ доказательства того, что духовная составляющая социальной жизни, осмысленная в форме ценностных

идей, отнюдь не вторична; что она может определять способы действий индивидов в обществе, и, в итоге, социальные институты, процессы, сам социальный строй. Это было значительным открытием, перевернувшим представления многих о социологии как науке и ее методах. Однако в социологии Вебера главенствующую роль категории «ценность» для анализа общественной жизни, заложенную его предшественниками – неокантианцами, заменила категория «инструментальной рациональности» и целерационального действия, как ее основы. Вебер, вопреки собственным исследованиям смыслов и ценностей мировых религий и их влияния на социальные действия, прямо говорит о том, что целерациональные действия наилучшим образом поддаются научному изучению и что роль таких действий в современном мире неуклонно возрастает. Таким образом, оставалось неясным, что же все-таки важнее для социологического исследования – смыслы, связанные с ценностными идеями людей, или смыслы, связанные с их инструментальными целями.

Феноменологическая социология углубила представления о структуре индивидуальных смыслов и их соотношении в процессе общения. Она открыла, что мир смыслов – это мир духовных феноменов, явлений духовного мира, в отличие от психологических переживаний и реакций (что, разумеется, не имеет ничего общего с какой-либо мистикой). Смыслы предстают как общие понятия, соответствующие онтологическим основам бытия и извлекаемые нашим разумом из явлений реального (внешнего) мира. Смыслы – это идеи явлений. Совокупность взаимосвязанных смыслов образует жизненный мир личности. Здесь на поверхность социоло-



гической проблематики поднялся старый вопрос о взаимоотношениях индивида и общества. Уникальный «жизненный мир» индивида с его субъективными смысловыми «конструктами» вошел в логическое противоречие с устойчивыми принудительными социальными структурами, ограничивающими и формализующими этот жизненный мир.

Проблематика феноменологической парадигмы занимала на протяжении XX века и до сих пор занимает умы социологов. Этнометодология, теория коммуникативного действия, герменевтика, концепция «габитуса» и даже идея «симулякров», – все это результаты дальнейшего развития данной парадигмы.

Теория структурного функционализма Т. Парсонса и Р. Мертона, основанная на идеях М. Вебера и П. Сорокина, была попыткой обойти феноменологическую проблематику с помощью классических концепций. Выстроенная четко, с ее институциональными системами «ролей», «норм», «ценностей», «функций», теория структурного функционализма создала устойчивую иллюзию рациональной «понятности» социального мира, возможности его описать при помощи позитивно-научной методологии. Несмотря на включение веберовского «социального действия индивида» в эту концепцию, структурный функционализм, по своему характеру, есть позитивистская парадигма, восходящая, по своей духовной преемственности, к Г. Спенсеру и Э. Дюркгейму. Эти две парадигмы – феноменология и структурный функционализм – стали основой для размышлений и построений ведущих социологов последующего этапа развития науки об обществе.

Несмотря на значительные усилия, предпринятые теоретиками XX столетия по объединению этих парадигм, поставленная ими цель не была достигнута. И дело тут не в несовершенстве социологических теорий, а в изначально неправильной постановке вопроса. Эта постановка заключалась в противопоставлении доведенного рационализмом до крайности субъективизма «жизненного мира» и объективной социальной структуры. Данное противопоставление стало аксиоматической предпосылкой теоретической социологии, поскольку каждая из сторон этой антиномии казалась незыблемой и доказанной с точки зрения научной логики. Аксиоматизм, по сути, вера ученых в некоторые основы теоретических построений, мешал устранению этой проблемы из фокуса социологического теоретизирования.

По сути дела, если представить в схематическом виде основную логику сформировавшихся социологических парадигм, примирить которые пытались лучшие умы второй половины XX века, получается следующая картина (табл. 1).

Таблица 1

Парадигма	Позитивизм	Понимающая социология
<i>Задача</i>	Анализ внешних по отношению к индивиду социальных структур и процессов	Анализ субъективных смыслов индивида и основанных на смысле социальных действий
<i>Уровень теоретизирования</i>	Макросоциология	Микросоциология
<i>Итоговая концепция, полученная в результате логического развития исходных предпосылок</i>	Структурный функционализм	Феноменология

Конечно, реальное богатство социологических теорий не вписывается в данную схему. Это есть идеальная логическая реконструкция основного хода развития социологической теории, а не результат рассмотрения тех или иных теорий в их конкретных воплощениях. Она необходима для понимания проблем, возникших перед этой наукой в настоящее время и способов их преодоления.

К сожалению, западная социология кажется не способной преодолеть возникшие проблемы. Для западного способа мышления здесь возникает некий предел, высшая точка, после достижения которой можно или остаться на месте, или броситься вниз с непредсказуемыми последствиями. Второй путь избрали теоретики, считающие правильным отказ от рационального целостного постижения социального мира, от самой категории «общество». Исчезает ли общество как реальный факт или исчезает теория о нем, по сути дела, не имеет значения. Это лишь свидетельство конца западной мысли. Конечно, «конец» здесь подразумевается в том же смысле, что «конец истории» у Фукуямы, - в смысле достижения некоторого предела, дальше которого идти некуда. Но конец - «это что-то начало». Русская социология, имеющая такие же по временному развитию социологические традиции, хорошо знающая западную философию и социологию и умеющая ценить по достоинству достижения этих наук, находится, тем не менее, не внутри, а во вне западной традиции мысли. За это не принимает ее эгоцентричный Запад. Но только такая традиция, хорошо знающая западную мысль, но в тоже время, способная посмотреть на нее со стороны, может правильно оценить создавшуюся ситуацию.

Однако для принципиального ее изменения требуется создание новых парадигмальных подходов, а, значит, новое понимание того, *чем является общество и что есть предмет социологии*. Есть ли в нашей социологии теоретическая альтернатива западным парадигмам, способная укрепить социологическую науку, дать ответы на стоящие перед ней вопросы и построить новый фундамент социологического знания, не разрушая созданного учеными прошлого и настоящего? Представляется, что такая альтернатива есть, и ее воплощение в жизнь - принципиальная задача российской социологии. Теоретические основы для реализации этой задачи заложены нашими предшественниками в области социальной мысли, и в настоящее время необходимо тщательное изучение этих основ.

### 3.

Русская социально-философская мысль представляет собой замечательное и самобытное явление в мировой культуре. В ней содержатся установки и выводы, концептуальные положения и категории, преодолевающие познавательные границы западной мысли. Это не означает игнорирования научности или логичности в целях, выходящих за пределы науки, скажем, в целях утверждения той или иной идеологической или мировоззренческой системы. Наука, безусловно, строится с помощью некоторых допустимых ею приемов мышления и оперирования с элементами реальности, а также с общими понятиями и научными категориями. Наука должна иметь критерии научности и пределы компетенции. Продвижение идеологических систем или религиозных постулатов под флагом научности, конечно, ничего



общего с истинной наукой не имеет.

Хотя относительно критериев научности могут вестись и ведутся споры, наука давно уже вышла за пределы рационализма и позитивизма Нового времени. Полностью рациональным может быть только философское умозрение, любое же исследование, базирующееся на реальных фактах, а не на абстрактной логике мысли, не будет удовлетворять критериям чистой рациональности. Тогда на смену приходят критерии эмпирические, то есть опыт, практика. Однако, кроме логики и опыта, есть третий метод научного познания – интуиция. И в научном исследовании эти три метода неразрывно связаны. Применение только одного из них никогда не приводило к научным открытиям или серьезным результатам. Интуиция в науке – это особое восприятие реальности, ее внутренних взаимосвязей. Это определенная человеческая способность видения действительных внутренних соотношений объектов реальности. Но интуитивное ощущение реальности требует особого подхода и обоснования, оно не может использоваться само по себе – я так ощущаю, и все. Впрочем, ни эмпирический метод, ни рациональная логика также не могут использоваться сами по себе, вне включенности в целостный процесс познания.

Русская социальная мысль того направления, о котором здесь ведется речь, – смысловой социологии, – научна по своему характеру, задачам, методам и полученным результатам. Она органично сочетает в себе все три указанных метода. Ее достоинством является умение логически и эмпирически обосновать интуитивные данные. Западная социология так-

же использует все три метода познания действительности. Все высшие ее достижения и открытия не есть результат чистого рационализма, или бы их не было. Однако в сфере общих теоретических положений и разработки соответствующих методов в западной традиции резко преобладает рационализм, тогда как в русской – интуитивное умозрение. При этом нередко можно наблюдать, что западная мысль от рационализма переходит к иррационализму, к допущению чего-то, необъяснимого научными методами. Такое сочетание иногда бывает в одной и той же теории. Например, оно наблюдается в марксизме, что неоднократно доказывалось его критиками. Это явление свидетельствует о слабости именно интуитивного начала в западной мысли, ибо *интуиция состоит не в допущении недоказуемых моментов, а в умении мысленно увидеть внутренние связи бытия и перевести их на язык строгой научной логики.*

В качестве примера рассмотрим понимание в русской и западной традициях основополагающего свойства общества – социальной солидарности. Утверждение данного понятия в социологии было несомненной заслугой Э. Дюркгейма, констатировавшего, что социальная солидарность есть основной социальный факт. В дальнейшем он углубил понимание социальной солидарности в своих исследованиях религии, показав, что единство общества носит сакральный, священный характер. На наблюдении этого явления – ощущения священности социального, основаны теории, названные религией человечества, О. Конта и Л. Фейербаха.

Русская социология обосновала понимание другой категории,

значение которой включает понятие социальной солидарности, но выходит за ее рамки. В русской традиции глубинное понимание социальной солидарности получило название *соборности*, то есть определенного качественного единства во множестве. Основы этой категории были заложены еще славянофилами и затем развиты в смысловой социологии С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Б.П. Вышеславцева и других мыслителей. Так, в теории С.Н. Булгакова центральное место занимает идея реального единства человеческого рода. «Человечество признает себя солидарным и чувствует себя единым, – вот чудесный и загадочный факт, лежащий на самом дне человеческого сознания. Речь идет не о внешней причинной зависимости, но о гораздо большем... В ней утверждается нравственная солидарность и единство человеческого рода, общая совесть, общее достоинство, общие задачи и идеалы... Мы обладаем способностью гордиться и стыдиться за человека, т.е. чувствовать от имени человечества... Приходится поневоле признать, что, кроме личной ответственности индивида за свои индивидуальные поступки, есть еще родовая совесть, родовое чувствилище, не выдуманное, а реальное общечеловеческое сознание, живущее во всяком индивиде», – пишет мыслитель [2, с. 211]. На этих же идеях строится и теория хозяйства как общечеловеческого феномена, общечеловеческого дела, в котором развитие отдельных экономик напрямую связано с хозяйством как целостным явлением, в котором определенным образом проявляется единство человеческого общества. Речь в теории Булгакова идет не о чисто причинных, механических взаимо-

связях отдельных экономик и экономических систем в масштабах земного шара, а о реальном наличии целостного феномена мирового хозяйства со своими внутренними смыслообразующими характеристиками. Это обнаружение факта реального единства человеческого рода в самых разных явлениях – от моральных до экономических, – ведет к признанию соборности как основы социальной жизни.

Соборность, таким образом, – это не какая-то социальная цель или идеал, и не феномен религиозной веры. Это *факт общественной жизни*, фиксируемый, прежде всего, на ее глубинном, духовно-смысловом, уровне. Категория социальной солидарности указывает на внешнее единство общества, которое может укрепляться или подвергаться распаду, что и послужило основанием для ее исследования Э. Дюркгеймом. Категория соборности отражает общественное единство изнутри, и, при таком внутреннем рассмотрении, единство оказывается реальным свойством общества, не изменяющимся под воздействием внешних обстоятельств.

Общеизвестна концепция Ф. – Тенниса об общности (общине) и обществе, как двух *идеальных типов* устройства социальных отношений, в первом из которых главенствуют органические, внутренние, основанные на взаимопонимании, связи между людьми, во втором – связи механические, внешние, рациональные. Комментируя эту концепцию, С.Л. Франк пишет, что оба типа социальных связей присутствуют в любом обществе, но на разных его уровнях, – внутреннем и внешнем. Согласно теории ученого, общество имеет как бы два слоя, – внутренний, онтологический, слой, харак-



теризуемый как соборность, и внешний, эмпирический слой, характеризующийся как общественность. Соборность – внутреннее органическое единство общества, благодаря которому можно говорить об обществе как о реальном единстве, о *социальной реальности* как особом онтологическом виде реальности. Общественность – это совокупность внешних, механических связей между индивидами как изолированными существами, устанавливаемых в процессе социальной коммуникации и социальной организации.

Внешний слой общественной жизни подвержен разнообразным переменам, скажем, связи на основе общности социальных традиций и веры могут смениться связями на основе разделения труда, как поставлен вопрос о социальных изменениях в классическом труде Э. Дюркгейма [3]. Внутренний же слой общества, как его онтологическая основа, практически не подвержен изменениям. Любое общение основано на внутреннем единстве людей, на чувстве взаимного понимания, на сопринадлежности индивидов соборному единству. В свете такого подхода оказываются несостоятельными утверждения некоторых современных западных социологов о «распаде» социальной общности. Внешнее единство общества может усиливаться или ослабевать, но внутреннее, онтологическое его единство есть величина постоянная, которая не может быть изменена без изменения человеческой природы вообще, т.е. без исчезновения *человека* как такового.

Категория соборности органично обосновывает понятия феноменологической социологии, отражающие свойства взаимоотношения между людьми – «интерсубъективный мир культуры», «взаим-

ность перспектив», «конструирование другого», «идеализация взаимности мотивов» и другие. «Постулат «постижения чужого подразумеваемого смысла» гласит, что переживания alter ego должны быть интерпретируемы для его так же, как их интерпретирует alter ego в ходе истолкования», – пишет А. Шюц в своей работе «Смысловое строение социального мира» [4, с. 804]. Сравним это высказывание со следующими словами С.Л. Франка: «...то, что называется «другим я» и что, точнее, есть для меня «ты», должно быть не *извне* «дано» мне, быть для меня не «объектом», на который наталкивается и который *извне* «воспринимает» мое сознание, а первичным и исконным образом, «изнутри» присуще мне» [5, с. 294]. Налицо общность хода мысли, постановки проблемы двумя теоретиками. Но для Франка исходная категория при обосновании возможности общения есть категория соборности, как реально существующего единства «мы». Это единство – основа общественной жизни: «общество есть подлинная целостная реальность, а не производное объединение отдельных индивидов; более того, оно есть единственная реальность, в которой нам *конкретно* дан человек. Изолированно мыслимый индивид есть лишь абстракция; лишь в соборном бытии, в единстве общества подлинно реально то, что мы называем человеком» [5, с. 300].

Категория соборности есть необходимое логическое звено, служащее как обоснованию сущности межчеловеческого взаимодействия и общения, так и сущности коллективных феноменов, таких, как «общественное сознание», «общественное мнение», «коллективное бессознательное», «народная историческая память», «народный

дух», «групповая сплоченность» и т.д. По сути дела, ни одну из этих и других категорий, в разное время введенных в науку разными учеными, нельзя логически объяснить и обосновать без категории «соборность». Откуда, например, берется «коллективное бессознательное»? Сам Г. Юнг полагает, что оно есть результат исторического опыта и памяти народа. Но это объяснение, по сути, ничего не объясняет. В этом случае «коллективное бессознательное» складывалось бы веками, а мы находим основные его проявления, его «архетипы», ярко выраженными в самом начале исторической жизни народа. Последующее историческое развитие, напротив, лишь искажает и затемняет первичные «чистые» архетипы народного бессознательного. То же можно сказать и об основном понятии теории психологии народов «народный дух». Оно выглядит произвольным допущением, требующим доказательства в процессе исследования, причем терминологически неясным. Народный дух, по мнению М. Лацаруса и Х. Штейнталя, более всего проявляется в языке, народном творчестве, мифологии, традициях, верованиях народа, то есть самых первых социальных феноменах, созданных народом в процессе его исторической жизни. Но откуда он берется в качестве целостного феномена, а именно таким он выглядит в «психологии народов»? Ответом на этот вопрос является допущение о том, что сам народ есть особая целостность, т.е., иными словами, соборное единство.

Современное понятие «менталитет», хотя и звучит более научно-образно, чем «народный дух», также является абсолютно необоснованным с точки зрения научной логики без понятия «соборность».

В самом деле, откуда и почему этот «менталитет» берется? Объяснения обычно те же, что и у Г. Юнга – из исторического опыта и памяти народа. Видимо, предполагается, что тому, что мы помним, предшествует нечто, что мы совсем не помним, иначе логично было бы полагать, что у первых славян, например, никакого менталитета не было, или его формирование находилось в зачаточном состоянии. Но тогда как могло родиться столь яркое и самобытное историческое решение, ставшее на века символом и демонстрацией нашего менталитета, как призвание варягов? И почему древняя Русь вдруг с головой ушла в христианство, если менталитет ее еще только должен был, согласно научной логике, под влиянием этого самого христианства сформироваться, принять четкие очертания? Мы видим, что при оперировании этими понятиями происходит, прежде всего, нарушение научной логики, однако это нарушение происходит в пользу научной истины, потому что наука содержит не только логические элементы. Интуиция, целостное и непосредственное видение проблемы, подсказывает нам, что менталитет и народный дух не только существуют реально, но сильнее всего проявляются в начале народного исторического существования, а также в критические для жизни народа периоды. Об этом свидетельствует и эмпирический опыт. Но логически мы это объяснить не можем без допущения, что народ есть определенное единство, причем единство не механическое, не просто «система», а единство живое и личностное. А это и означает, что мы вводим категорию соборности.

Тут нельзя упустить один важный момент, который часто при-





водит к ложным выводам и, в результате, к отказу народу в личностном существовании. Дело в том, что, когда речь заходит о народах, резко встают этнические проблемы, связанные, прежде всего, с антропологической, а не с социологической, проблематикой. Раз народ есть единство, значит, делается вывод, все, кто этнически, по крови, к этому народу не принадлежит, тот лишь загрязняет его исходную чистоту. Этот нацистский принцип ничего общего с категорией соборности не имеет. *Соборность – единство не по крови, а в духе*. Народ как соборное единство со своим менталитетом и народным духом – это коллективное единство людей, которые своими смыслами и ценностями, т.е. своей культурой, к нему принадлежат. Только в свете такого понимания не случайным будет явление В. Даля и А. Фета, немцев по крови и русских в душе, а также многих и многих других деятелей русской истории, науки и культуры, а также простых русских людей, чья «кровь» не состоит только из крови этнических славянских племен (здесь нет смысла обсуждать вопрос, например, о том, что, по мнению Л. Гумилева, «русь» – племя варяжское, а не славянское).

#### 4.

Концепция соборности, как мы видели выше, подразумевает деление общества на два слоя – внутренний и внешний. На основе этого деления развивается теория С.Л. Франка, содержащая основания русской традиции смысловой социологии. На внешнем уровне общественная жизнь предстает как совокупность материальных фактов эмпирической действительности – событий, перемещений людей и групп, использования

людьми созданных ими продуктов, информационных потоков, встреч и расставаний, уличных демонстраций, указов правительства, преступлений и наказаний, подвигов и наград... Но все это – лишь внешние проявления социальной жизни, которая, по утверждению Франка, «...сама не может принадлежать к миру физических явлений просто потому, что она в своем внутреннем существе, т.е. в тех признаках, которые конституируют явление в качестве *общественного*, вообще чувственно не воспринимается, извне не дана; она познается лишь в некоем внутреннем опыте... Общественная жизнь по самому существу своему *духовна*, а не материальна» [5, с. 317].

Рассмотрим подробнее мнение ученого. Социальное явление, по его указанию, не состоит из эмпирических фактов, а только связано с ними, как с внешними следствиями или спутниками. Подлинное же существо социального явления образует *смысл*, не имеющий никакого отношения к физическим процессам. Познать, что есть социальное явление, например, государство, закон, семья, нация, реформа, революция, мода, религия и т.д., по мнению Франка, невозможно с помощью наблюдения видимых социальных событий и их эмпирического истолкования. Здесь находится абсолютно непреодолимый предел для эмпирической методологии в социологии. Лишь понимание смысла социального явления с помощью внутреннего духовного соучастия и сопереживания внутренней общественной реальности может открыться перед исследователем тайны социального.

Попробуем применить «социологическое воображение» и порассуждать с этой точки зрения о современных проблемах. Напри-

мер, какой социальный смысл стоит за внешним фактом низкого уровня рождаемости в Европе и России? Как определить этот смысл? Для этого не нужно применять никаких сложных методик. Достаточно проникнуть внутренним взором в духовную составляющую общества, из которой происходит желание или нежелание (субъективный смысл) среднего члена данного общества иметь (и в каком количестве) или не иметь детей. При таком проникновении открывается, что рожать и воспитывать детей – сложное, трудоемкое, психоэнергоемкое и затратное дело, которое противоречит нацеленности личности на самореализацию в социальном мире – в карьере, зарплате, общении, культурном развитии, а также ее нацеленности на материальный комфорт и получение разного рода удовольствий. Итак, на одной стороне биологически заложенная потребность, достаточно мощная и связанная с социальной самореализацией в семейной жизни, на другой – весь стиль формирования личности современной культурой, нацеленный на эгоистически-индивидуалистическую самореализацию и получение материальных удовольствий. Поскольку тенденций к принципиально иному направлению в формировании личности пока, очевидно, не прослеживается (какие это могут быть возможные направления и как по ним идти – тематика отдельных исследований), можно прогнозировать дальнейший процесс уменьшения потребности в детях, особенно в двух или нескольких, вопреки всем мерам по экономическому стимулированию рождаемости.

Данный пример есть краткая демонстрация применения метода смыслового постижения социаль-

ной реальности, за которой должны следовать подробные научные исследования, подтверждающие или в чем-то опровергающие общее понимание духовного смысла того или иного процесса. Исследование смыслов не есть дело, доступное здравому смыслу обывателя, напротив, тут необходима высокая научная квалификация. Смысл может открываться с разной степенью глубины и с разных сторон. Необходимо научное установление связей между объективным смыслом социального явления и социальными ценностями; между объективным смыслом и субъективными смыслами социального действия; между смыслами и социальными идеями, стилем культуры, общественным мнением, общественным сознанием, социальными целями, социальными институтами и т.д. Другими словами, исследование объективного смысла социального явления есть научное исследование в классическом понимании.

Таким образом, в русской традиции мысли мы находим основы для принципиально нового направления понимающей социологии, которое можно назвать *социологией смысла*, или смысловой социологией. Основной постулат этого направления состоит в том, что социальное явление имеет смысл. Смысл этот – объективный, в отличие от субъективных смыслов, исследуемых западной традицией. Объективный смысл социального явления не зависит от субъективных смыслов его участников – индивидов и групп. Он характеризуется свойством неизменности, постоянства. Иными словами, у определенного социального явления наличествует неизменный объективный смысл, который не зависит от того или иного протекания социальных процессов, от



перемены мнений субъектов социального процесса, от конкретных обстоятельств реализации данного социального явления. Таким образом, смысл социального явления – это постоянная величина, которая сохраняется при всех изменениях, сопутствующих конкретной реализации социального явления в исторической жизни обществ.

Е.Н. Трубецкой сравнивает смысл с рекой, в которой вода не имеет двух одинаковых состояний [6]. Как говорил Гераклит, «нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Трубецкой замечает, что даже один раз нельзя войти в одну и ту же реку. Однако река остается как данность, нам очевидно единство этой данности во всех его текущих состояниях и проявлениях, будь то наводнение или обмеление, покроется ли она льдом, ускорится ли ее течение или будет создана плотина. Социальные явления подобны реке, они постоянно меняются, при этом сохраняя свой смысл. Например, смысл семьи – в создании микросоциальных «миров», в которых находится в единстве любовь, рождение и воспитание детей, хозяйство, быт, общение. Смысл выборов – в консенсусе общества относительно власти, образуемом путем свободного волеизъявления всех его правоспособных членов. Смысл образования – в передаче знаний и опыта следующим поколениям. И, какие бы конкретные формы ни принимала семья, выборная система, система образования, смысл их существования остается неизменным.

Но смысл социального явления не только постоянен и объективен. *Он имеет силу направлять социальную волю агентов в сторону его реализации.* С.Л. Франк называет это свойство «живой идеей – силой» [7]. Смысл социального яв-

ления выступает в качестве идеи, влияющей на действия участников социального процесса, на их субъективные смыслы. Эта идея живая, потому что она действительна. Таким образом, смысл социального явления – не просто нечто внутреннее, какое-то свойство, которое необходимо познать, но содержащееся в социальном явлении, как во внешней непроницаемой оболочке. Смысл выступает в качестве активного начала, формирующего социальный процесс и направляющего волю его участников.

При этом нельзя понимать категорию смысла социального явления как некоего данного явине человеку и обществу, чего-то такого, что происходит из внешних, по отношению к человеку, начал, например, природы или Бога. Объективность социальных смыслов не равна объективности природных явлений. В социальных явлениях, по указанию Франка, мы сталкиваемся с бытием, принципиально отличным от природного бытия, в котором привычные категории субъект-объектных отношений вообще не действуют. Поэтому при исследовании социального приходится отказаться от естественнонаучной методологии. Мы исследуем то, что и субъективно, и объективно одновременно. А это есть признак особой области бытия, называемой духовной сферой. Духовная действительность дана нам изнутри, присутствует в нас самих, раскрывается нам в нашем внутреннем опыте. При этом общественные явления есть явления сферы духа, воплощающиеся во внешнем мире. Социальная реальность – это объективная реальность, которая вырабатывается человеческим духом и остается неразрывно с ним связанной обратным взаимовлия-

нием. Она выражается в комплексе идей, возникших как результат деятельности человеческого духа. Духовная социальная реальность влияет на человеческую жизнь, ее субъективно осмысливаемые поступки, и направляет их в сторону реализации социальных идей. Поэтому один из ведущих методологических принципов рассматриваемой традиции – выявление социальных идей, их анализ и рассмотрение этапов последовательной реализации в социальной жизни. Такое выявление и анализ социальных идей, иногда явных, иногда латентных, должен быть основным методологическим подходом в социологии. Заметим, что нельзя приравнивать социальные идеи к идеологиям, которые также могут рассматриваться в качестве социальных идей, но как их особая разновидность.

Логическое рассмотрение целостного процесса развития социальной идеи, или смысла социального явления, есть объединение социальной статики и социальной динамики, преодоление противоречия между двумя разделами социологического знания, заложенного ее основателем, Огюстом Конттом. Социальные явления динамичны по своему внешнему проявлению, но имеют постоянную смысловую основу. Только при помощи изучения смыслов социальных явлений и целостного процесса их последовательного воплощения в социальной жизни возможно социальное прогнозирование, научная оценка и диагностика социальных процессов. Таким

образом, творческое развитие направления социологии смысла, заложенного русскими мыслителями, может дать способы решения многих назревших в этой науке проблем, придать новый импульс ее развитию, а, соответственно, разработке новых подходов для ее благотворного воздействия на развитие общества.

### Литература

1. Вебер М. Основные социологические понятия / Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 602-644.
2. Булгаков С.Н. Религия человекобожия у Л. Фейербаха // Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Том 2. Избранные статьи. М.: «Наука», 1993. С. 162-221.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Эмиль Дюркгейм. О разделении общественного труда. Метод социологии. Пер. с франц. А.Б. Гофмана. М.: «Наука», 1991.
4. Шюц А. Смысловое строение социального мира // Альфред Шюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 687-1022.
5. Франк С.Л. Духовные основы общества / В сб. Русское зарубежье. Лениздат, 1991. С. 243-433.
6. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Избранное. Сост., послесловие и комментарии В.В. Сапова. – М.: Канон, 1995. С. 7-298.
7. Франк С.Л. Очерк методологии общественных наук. М.: Берг, 1922.



## Категориальная матрица «содержание–форма» и ее роль в философии искусства Гегеля

Филатова Н.Г.

Предметом рассмотрения данной статьи выступают категории «содержание» и «форма» в эстетической теории Гегеля. Анализ проводится в контексте сопоставления данной теоретической конструкции с эстетической теорией Канта. Особое внимание уделяется методу диалектической логики в построении системы эстетических категорий.

Ключевые слова: искусство, истина, красота, идеал.

Categorial matrix «contents form» and its role in philosophy of art Hegel  
Philatova N.G.

As subject of consideration of given article categories «maintenance» and «form» in Hegel's esthetic theory act. The analysis is spent in a context of comparison of the given theoretical design with the esthetic theory of the Edging. The special attention is given to a method of dialectic logic in construction of system of esthetic categories.

Keywords: art, true, beauty, an ideal.

Гегель одним из первых в философии доказал, что новое понимание сущности художественного творчества невозможно без диалектического метода анализа феномена эстетического. Последующий опыт философского развития убедительно доказал, что прогресс в эстетике, разрешение возникающих в ходе ее развития трудностей напрямую связаны с разработкой эстетики как прикладной логики и теории познания. Заслуга Гегеля в области философской аналитики эстетического заключается прежде всего в обосновании понятий «содержание» и «форма» в качестве важнейших эстетических категорий. Можно утверждать, что вся гегелевская философия искусства разворачивается на основе указанной выше категориальной матрицы. В самом деле: в первой части «Эстетики» внимание автора фокусируется на отношении понятия искусства с формой его воплощения в идеале красоты. Во второй - предметом исследования становятся исторические эпохи развития искусства как его формы, причем в основании каждой из них – своеобразные художественные

содержание и форма, а также определенный, присутствующий только данной исторической эпохе тип связи между ними. В третьей части художественные произведения предстают воплощенными в «материале» разных видов искусства. Универсальная применимость у Гегеля категорий «содержание» и «форма», а также то, что в разных контекстах они используются в многообразных значениях, породили определенные затруднения в их осмыслении и интерпретации. Остановимся подробнее на этих вопросах.

Как известно, учение о понятии «прекрасное вообще» соответствует в философской системе Гегеля «Науке логики», учение о красоте в природе аналогично «Философии природы» и, наконец, учение о красоте в искусстве является аналогом «Философии духа». Система Гегеля в целом воспроизводится в специфической форме в самой структуре его учения об идее красоты. Понятие прекрасного вообще есть красота как идея, или идея, поскольку она прекрасна в единстве со своим внешним явлением: «...Мы, таким образом, должны определить прекрасное как чувственное явление, чувственную видимость идеи»<sup>1</sup>. Определив прекрасное как чувственную видимость идеи, философ-классик тем самым утверждает содержательность искусства. Все мыслимое и существующее квалифицируется в виде единства содержания и формы, причем невозможны бессодержательная форма или бесформенное содержание: у любого содержания есть свои внутренние и внешние формы и, наоборот, все формы помимо содержания, формой которого они являются, внутренне содержательны.

Гегель сумел выйти за рамки вопроса, который обсуждался его

предшественниками, особенно Кантом. Суть последнего сводилась к противоречию между «внеэстетическим» содержанием и эстетической формой; при этом последняя понималась не только абстрактно субъективистски, но и внешне исторически. Эстетика Гегеля исходит из содержания искусства и именно в нем находится основа для последующего определения важнейших эстетических категорий – «прекрасное», «идеал», а также различных эстетических видов и жанров. Можно заключить, что искусство выступает у классика философии как одна из форм отношения человека к миру, как воплощение человеческой сущности во внешних предметах.

Мыслитель считал, что важнейшим свойством каждой из названных сторон искусства является конкретность. «То обстоятельство, – тмечает он, – что конкретность является свойством обеих сторон искусства, свойством как изображаемого содержания, так и формы изображения, как раз и есть та точка, в которой обе стороны совпадают и соответствуют друг другу»<sup>2</sup>. Содержанием искусства является, по Гегелю, идея, а формой – чувственное, образное воплощение. Философ утверждал, что идеал, т.е. прекрасное в искусстве, – это такая идея, которая оформляется в действительности и находится с ней в непосредственном единстве. Можно заключить, что идеал – это действительность, оформленная сообразно своему понятию. Ступени развития идеала задают изменение форм искусства. Они следуют друг за другом в зависимости от соотношения между идеей и ее внешним обликом.

Выдающийся представитель немецкой классики различает символическое, классическое и роман-

тическое искусство. Символическое искусство является первой ступенью развития идеала, первой формой искусства. На этой ступени идея выражается в произведениях искусства лишь внешне. В силу этого она еще не находит в них своего адекватного облика. Символическим, к примеру, является древневосточное искусство. Данному типу искусства наиболее соответствует архитектура – первый по времени вид искусства. Чувственный материал, заимствованный архитектурой из неорганической природы, преобладает над идеей, здесь нет еще, согласно взглядам Гегеля, соответствия между формой и содержанием. Произведения архитектуры лишь намекают на духовное содержание, которое они должны выражать.

Классическое искусство – вторая ступень развития идеала, вторая форма искусства. В произведениях классического искусства идея получает адекватное внешнее выражение; форма и содержание здесь соответствуют друг другу. К классическому искусству Гегель относит античное искусство, в котором идея получает свое совершенное внешнее выражение в скульптуре. Но и здесь истинная идея, «дух» присутствует лишь в зародыше. В скульптуре идея сливается с физической формой человеческого тела, выражающей «дух». Однако в скульптуре, по мнению философа, духовная жизнь, душевные переживания, настроения, чувства людей могут быть выражены только отчасти.

Романтическое искусство является третьей ступенью развития идеала, третьей формой искусства. Здесь истинная идея обретает свою полную реализацию. «Дух» побеждает материю, природу и

является свободным. Однако на этой ступени снова нарушается соответствие между идеей и внешним обликом. Чувственная форма становится уже недостаточной для воплощения развилвшейся, победившей природу идеи. К романтической форме искусства Гегель относит искусство Ренессанса и Нового времени, в том числе творчество таких великих художников, как Шекспир, Гёте, Шиллер, Рембрандт. По мнению философа, в произведениях романтического искусства преимущественно воплощается духовная жизнь. Так, живопись, освобожденная от чувственной полноты физических форм, оказалась способной выразить всю гамму чувств, душевных состояний, изобразить действия, полные драматического движения. В музыке данный процесс приобрел иное направление: достигается полное устранение пространственности и выход за пределы чувственного созерцания, в результате чего музыка имеет дело исключительно с эмоциями внутренней жизни. Материя выступает в музыке уже не как пространственная определенность, а как временная. Несмотря на то, что в целом рассмотрение ступеней развития искусства у Гегеля подчинено его идеалистической схеме, в проведенном им анализе истории искусства как процесса диалектического развития были верно подмечены действительно важные его закономерности: зависимость форм искусства от его содержания, исторический характер видов и жанров искусства.

Чтобы узнать, что такое искусство, каковы его исторические формы, виды и жанры, вовсе нет необходимости анализировать и сравнивать эмпирически существовавшие или существующие ныне

произведения искусства. Даже если бы подобная процедура и могла быть осуществлена и в итоге охватила бы все доступные нам произведения, это вовсе бы не приблизило нас к *философскому* постижению искусства. Метод Гегеля прямо противоположен. Есть объективно существующее – независимо от того, знаем ли мы его, – понятие искусства. Это понятие в процессе самодвижения развертывает собственные предикаты, которые имплицитно в нем содержатся и приводят к разделению, дифференциации общего понятия искусства на содержащиеся в нем более частные определения. Речь, в частности, идет о понятии исторических форм и отдельных искусств (архитектуры, скульптуры, живописи, музыки, поэзии). Каждое из них, в свою очередь, порождает из себя собственные внутренние различия, которые также обособляются и обретают самостоятельные способы существования.

Осуществленное понятие – это уже идея. «Идея», радикально переосмысленная в сравнении со всей предшествующей традицией, стала одной из центральных категорий гегелевской философии, в особенности «Эстетики». Оставляя за скобками длительную, начиная с Платона, историю становления этого понятия, напомним, что после Декарта в новой философии оно стало обозначать «представление» в сознании субъекта. Таковым, осмысленным уже как специфическое понятие *разума*, оно оставалось и у Канта. Что же касается Гегеля, то это понятие преодолевает форму мысли и осуществляется в действительности. Идея – это реально существующее тождество понятия и его объективности или (что то же) «истинная действительность», полностью соответствующая своему понятию. Кон-

кретизация идеи применительно к искусству, в первую очередь «идея красоты», образовала содержательное ядро гегелевской философии искусства. «Идея – это единство понятия и реальности, это понятие, поскольку оно само определяет и себя и свою реальность, другими словами, это действительность, которая такова, какой она должна быть, и которая сама содержит свое понятие»<sup>3</sup>.

В исследовательской литературе «Эстетика» Гегеля обычно трактуется как преодоление кантовского «критицизма», ограничившего область «эстетического» сферой трансцендентальных способностей субъекта, и как возвращение к докантовскому варианту эстетики «объективного» типа. Как известно, родоначальник немецкой классики последовательно реализовал убеждение, что эстетика в качестве науки, т.е. теоретического знания о реально существующей красоте, в принципе невозможна, а возможна только в качестве «критики», исследующей возможности и границы способности человека как субъекта эстетической оценки и продуктивной художественной деятельности. Гегель, напротив, создал философскую *теорию*, преследующую цель познания объективной красоты и искусства. Как видим, в этом пункте их позиции противоположны; однако кантовский опыт «субъективизации эстетики» также не был проигнорирован Гегелем. Красота как предмет философского познания для него вовсе не есть изначально существующее до и вне человека «качество» вещей, аналогичное их другим «природным» качествам. Она «объективна», творится в искусстве конечным человеческим духом и существует только в духе и для духа. Если красота есть качество, объектив-



но присущее вещам (подобно другим их природным или общественным характеристикам), то задача эстетики, а отчасти и искусства, состоит в том, чтобы познать истинным образом объективно существующую красоту. Подобная «познавательная» установка почти безраздельно господствовала в докантовской эстетике.

Средоточие и узловой пункт философии искусства Гегеля образует то, как в его системе понято содержание истины искусства в форме красоты. Признавая, что существенным моментом искусства является то, что оно использует формы, находимые в природе, Гегель резко высказывается против представления об искусстве как о простом подражании природе. Он считает, что «цель искусства должна поэтому состоять еще в чем-то другом, чем одно только формальное подражание существующему, которое во всяком случае может создать лишь технические кунштштюки, а не произведения искусства»<sup>4</sup>. Цель искусства «в том, чтобы будить и оживлять дремлющие в нас всякого рода чувства, склонности и страсти, наполнять сердца и давать человеку, развитому или еще неразвитому, перечувствовать все то, что человеческая душа может носить, пережить и создавать в своих сокровеннейших и таинственнейших глубинах, все то, что способно глубоко волновать человеческое сердце, выявлять его многообразные возможности и стороны, давать чувству и созерцанию наслаждаться всем тем существенным и возвышенным, чем дух обладает в своем мышлении и в идее, давать им наслаждаться великолепием благородного, вечного и истинного»<sup>5</sup>.

Прекрасное, согласно Гегелю, – это полное проявление идеи в

отдельном предмете, оно выражается в единстве идеи и предмета – его образе. Искусство вносит прекрасное в действительность, вернее, истинно прекрасными являются только произведения искусства, в которых дается единство идеи и предметного образа. Философ-классик, говоря об идее как содержании искусства, высказывает прогрессивные суждения. Он говорит, что художественный образ как чувственное выражение идей, как единство идеи и предмета является определенного вида мышлением, образным мышлением. Содержание и форма даны здесь в неразрывном единстве, их взаимопроникновение, собственно, и образует прекрасное. Философ считал, что дух в своем саморазвитии от созерцания (в искусстве) переходит в религии и философии к познанию самого себя. Что же касается романтического искусства, которое приходит на смену античному и классическому, то оно выходит за собственные пределы и знаменует саморазложение художественной формы.

Что же касается имманентной субстанциальной цели искусства вне зависимости от того, насколько она осознана субъективно художником, публикой и обществом, то она состоит, по Гегелю, в познании и воплощении истины, причем истины абсолютной. Религия и философия как формы абсолютного духа также познают абсолютную истину, причем в сравнении с истинами искусства их истины более «высокие» и адекватные общему для них предмету познания – абсолютной мыслящей субстанции. В такой ситуации тем более было необходимо обнаружить в искусстве такую своеобразную истину, которая сделала бы его необходимым и незаменимым органом истины. Все существующее истинно

лишь постольку, поскольку оно есть некое существование идеи. Только идея есть истинно действительное. На основании тождества бытия и мышления Гегель конструирует с позиций объективного идеализма понятие о тождестве красоты и истины. Итак, первое и главное специфическое определение познания, осуществляемого искусством и, соответственно, своеобразия истины искусства введены Гегелем через форму, в которой эта истина дается познающему субъекту: в искусстве она представлена в *чувственных* созерцаниях, тогда как в религии – в *представлениях* и чувствах, а в философии – в чистой *мысли*, в логических понятиях. Можно заключить, что разработка Гегелем вопросов объективности эстетических категорий, идейного содержания искусства как решающего критерия ценности художественного произведения явилась значительным шагом вперед в развитии эстетики как науки.

Будучи объективным идеалистом, Гегель отстаивал понятие об абсолютной истинности эстетических категорий, выступал против абстрактно-субъективистской трактовки эстетических категорий Кантом. Философ был сторонником конкретно-исторического анализа категорий эстетики, проводимого в контексте реального хода исторических событий. Гегель истолковал искусство как определенное

очеловечивание объективного мира. Дело в том, что мыслитель по существу отрицает прекрасное в природе и связывает искусство, прекрасное, с деятельностью человека, с его трудом, представляя последний лишь как духовную деятельность человека. Само искусство, согласно Гегелю, является «самопроизводством» человека, его деянием, творением. Заметим, что и духовная деятельность человека, его «самопроизводство» также выступают проявлением абсолютной идеи. Поэтому Гегель в конечном счете выводил прекрасное из развития духа, абсолютной идеи, созерцающей самую себя.

#### Библиографический список:

1. Гегель, Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2-х т. - Т. 2. - М.: Мысль, 1971. - 630 с.

#### Ссылки:

1 Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2-х т. - Т. 2. - М.: Мысль, 1971. - С. 311.

2 Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2-х т. - Т. 2. - М.: Мысль, 1971. - С. 75.

3 Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2-х т. - Т. 2. - М.: Мысль, 1971. - С.121.

4 Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2-х т. - Т. 2. - М.: Мысль, 1971. - С. 49.

5 Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2-х т. - Т. 2. - М.: Мысль, 1971. - С. 50.



## Этническая идентичность: методологические основания исследования

Хафиятуллина Эльмира Рафаильевна

В статье анализируются теоретические позиции двух господствующих в описании этнических отношений методологических доктрин – примордиализма и социального конструктивизма. Особое внимание уделяется изучению социально-политического контекста протекающих в научном сообществе дискуссий. Приводятся аргументы в пользу синтетического подхода в интерпретации этнической идентичности, который примиряет крайности примордиализма и социального конструктивизма.

Ключевые слова: этническая идентичность, примордиализм, социальный конструктивизм, национализм.

Ethnic identity: methodological basis of research  
Khafiyatullina E.R.

The paper deals with the analysis of theoretical positions of two methodological doctrines dominating in the description of ethnic relations – primordialism and social constructivism. Special attention is paid to studying the sociopolitical context of discussions in the scientific community. Arguments in favor of the synthetic approach in interpretation of ethnic identity which consolidates views of primordialism and social constructivism are given.

Keywords: ethnic identity, primordialism, social constructivism, nationalism.

Начиная с 80-х годов XX века, когда произошло взрывное нарастание межэтнических противоречий и конфликтов во всех многонациональных государствах, исследования этничности и посвященная этому предмету литература стали быстро расширяться. С этого момента в большей части научного сообщества окончательно утвердилась методологическая установка по рассмотрению феномена этничности в качестве природной сущности, записанной в биологических структурах человека. В данной методологической платформе прямо игнорируется факт исторического формирования наций, – этот процесс сводится к изначально запрограммированным данностям, что неизбежно оборачивается сугубо натуралистичным, буквалистским представлением о таком тонком феномене, как нация.

С другой стороны, исследования факторов, формирующих феномен этничности, в рамках примордиалистской школы разделяются на два направления: социобиологическое и эволюционно-историческое. Остановимся на них

подробнее. С точки зрения социобиологии этнос представляет собой сообщество особей, основанное на биологических закономерностях, преобразованных в социальные. Биологический примордиализм был характерен для романтической немецкой философии с ее мифом «крови и почвы», от нее он был унаследован и основоположниками учения марксизма. Известный русский философ С.Н. Булгаков даже склонен был рассматривать мифологему «крови» в качестве далекого наследника ветхозаветных представлений об этничности: «Субстратом расы, как многоединства, для расизма является кровь. Основное учение именно Ветхого Завета о том, что в крови душа животных (почему и возбраняется ее вкушение), в известном смысле созвучно идее расизма. Раса мыслится не просто как коллектив, но как некая биологическая сущность, имманентная роду»<sup>1</sup>.

Представители же эволюционно-исторического направления в примордиализме рассматривают этнос скорее как общность, в которой взаимная привязанность достигается воздействием социальных условий, а не ходом биологического развития. В соответствии с базовой установкой этого направления, этнос определяется как общность людей, самоконституированная по ряду таких признаков, как общие мифы о предках, общая история и культура, ассоциированные со специфической территорией, а также наличие непосредственно переживаемого чувства солидарности в рамках данной группы. В целом, наиболее последовательная примордиалистская трактовка феномена этничности (с сильным креном в социобиологию) может быть сведена к интерпретации этноса как пре-

имущественно биосоциального явления, объединяющего природу и социум. При этом указывают на тот факт, что общности, из которых возникают этносы – род и племя, – представляют собой «расширенные семьи», продукт развития кровнородственных связей. Отсюда вытекает, что этнос – это кровнородственное сообщество и потому соединяющие его связи имеют биологическую природу.

В соответствии с конструктивистскими постулатами, этническая идентичность или принадлежность к этносу есть произвольно, но не обязательно свободно, выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом/народом/национальностью/нацией. Понятия этноса в разных концепциях конструктивистов признаются в той или иной степени произвольными академическими («кабинетными») абстракциями, обслуживающими существующий политический строй в виде доктринальной научной теории.

Важная проблема, которая встает в данном случае перед конструктивистской школой – проблема демаркации между этнографической группой (с ее локальными ценностями) и всеобщими ценностями того или иного этноса как более крупной таксономической единицы. Ученых и управленцев, как известно, всегда интересует вопрос, а сколько «на самом деле» живет в той или иной стране или регионе народов. В особенно острой форме этот вопрос задается в обществах, где этнокультурным различиям придается первостепенный смысл и институциональная форма.

По мнению представителей конструктивистской школы, процессуальность должна стать предме-

том внимания ученых и тогда обнаружится, что именно *процедура* (т.е. классификации ученых, сам механизм переписи, государственная бюрократия) определяет номенклатуру народов, а в некоторых странах даже устанавливают ее официально. Видный представитель конструктивистского подхода в нашей стране, В.А. Тишков, по этому поводу замечает: «Стоило мордовским идеологам и госчиновникам сдать свои позиции под влиянием этнических активистов из числа главным образом эрзя, а ЦСУ России включить в официальный список переписи 1994 г. два названия (кстати, по рекомендации Института этнологии и антропологии РАН), как исчез один из российских народов (этносов) – мордва и появились два новых, как это было в переписи 1926 года»<sup>2</sup>.

Если принять описанные выше предпосылки за аксиому, перед нами разворачивается достаточно пестрая картина, в которой исчезают одни этнофоры и появляются новые, исчезает («вымирает») этнос и имеет место новый этногенез, а вместо «ложного», «сфальсифицированного» (в терминологии этой школы), возрождается этнос, которому было отказано в признании. Методологическая тупиковость подобной дискуссии становится все более очевидной; ее не спасают различные слова типа – «суб», «мета» или «супер»-этносов, а тем более термин «переходные этнические группы». Вместо возрождения, формирования, перехода, исчезновения этносов имеет место совсем другой процесс – это *трансформация* индивидуальной/коллективной идентичности в перечень доступных в данный конкретный момент культурных конфигураций или систем. Иначе говоря, имеет место *смысловая* си-

туация, которая обозначается в науке как нестабильность этнической субстанции, – своеобразный «*дрейф*» идентичности.

Таким образом, в полном согласии с рассматриваемой парадигмой, этническая идентичность – это не только постоянно меняющиеся представления о том, что есть группа, но это есть всегда борьба за контроль над данным представлением, за саму процедуру дефиниции, за то, что составляет главные черты и ценности группы. Несложно догадаться, что данная борьба имеет политический характер, причем в самом широком смысле, включая сюда и научную, и религиозную сферу, а также область идеологических представлений, символики, исторических, языковых и геополитических ценностей. Всё изложенное выше, свидетельствует о главенствующей роли государственной власти в поддержании этого процесса. Основываясь на изложенном выше, можно заключить, что начиная с 70-х годов прошлого столетия наблюдается определенный сдвиг традиционной примордиалистской парадигмы в исследовании вопросов этноса и переориентация большей части научного сообщества в сторону конструктивистских взглядов.

И на то имеются серьезные основания. Дело в том, что примордиализм построен на ряде проблематичных (а иногда и прямо ложных) предпосылок, что особенно явно проявляется в весьма слабом прогностическом потенциале данной парадигмы. Речь идет об исторической несостоятельности идеи модернизации как факторе ослабления этнических связей. Инновационный элемент, способный к радикальной бифуркации социальных процессов, всегда кроется в живых, только еще разво-

рачивающихся, интерпретативных процессах, которые как раз и составляют предмет интереса конструктивистского подхода. Конструктивизм не объясняет, но типизирует - демонстрируя веер возможных стратегий, практикуемых социальными акторами, оставляя их с большей мерой свободы, чем примордиалистские объяснения. В этой связи никакая примордиалистская концепция не может рассчитывать на эвристическую мощь, игнорируя необходимость проследить, как именно «изначальное» обнаруживается в социальной практике индивида.

Как уже было отмечено выше, основной конструктивистский постулат - несколько упрощая - можно свести к тому, что этнические доктрины «изобретаются» интеллектуальной элитой, затем внедряются в сознание потенциальных членов этноса через средства массовой коммуникации. Именно так членам общности задаются их социальные роли, осуществляется «этническая мобилизация» населения. Нередко в качестве активных «этнических предпринимателей» выступают представители теневых политических или даже преступных групп, преследующих конъюнктурные цели, не отвечающие интересам общности. «Психологически важная для нации национальная история, над составлением которой работало немало выдающихся интеллектуалов, сплошь и рядом оказывается «изобретенной традицией». Социальная среда постоянно изменяется, поэтому история время от времени должна переписываться<...> Именно ученые (историки, археологи, лингвисты, этнологи), или «контролеры коммуникации», снабжают сегодня как этнические группы, так и нацию желательной ис-

торической глубиной<...> Прошлое, создающее важную основу идентичности (включая территориальные пределы), не является раз и навсегда установленным. Оно подвергается постоянным проверкам, реинтерпретации и переписывается местными интеллектуалами. Такая ревизия прошлого происходит, например, во вновь образовавшихся государствах, стремящихся освободиться от колониального наследия»<sup>3</sup>.

Помимо названного выше, целый ряд современных исследователей, работающих в русле конструктивизма, склонны видеть элементы искусственности националистского строительства государств Восточной и Центральной Европы. Нации этого региона возникли в результате деятельности интеллектуалов, чья сознательная деятельность в XIX веке была направлена на формирование национальных языков и самосознания. В некоторых случаях подготовленные интеллектуалами языковые реформы требовали стандартизации и модернизации языков с уже сложившимися литературными традициями, в других же - требовалось создание письменного языка на основе одного из местных диалектов. В результате этих процессов число языковых стандартов (диалект с определенной языковой нормой) выросло в Европе от 16 в 1800 г. до 30 в 1900 г. и до 53 в 1937 г.<sup>4</sup>

Практика создания этнических символов и этнической идеологии показывает, что речь идет не о научно-исследовательской деятельности, а именно о конструировании, о прикладной «опытно-конструкторской разработке», которая завершается «внедрением». Те историки, археологи и лингвисты, которые ведут эту работу, используют свои знания и умения в практических целях, далеко

выходящих за рамки науки, как это бывает и во всех других областях науки и техники. В то же время здесь имеет место использование авторитета науки и образования, очевидно, не вполне законное.

Для проводимого исследования особое значение имеет существование в современных научных исследованиях синтетического подхода, примиряющего крайности обоих описанных выше интерпретаций. Речь идет об инструменталистском (в более широком смысле этот подход можно назвать этносоциологическим) подходе. Отметим при этом, что здесь уместнее говорить не о некоей автономной исследовательской парадигме, но о более узком и специальном толковании этничности. В этой связи сформулируем три методологические предпосылки этносоциологической интерпретации феномена этничности:

1. Исследовательская единица социологического анализа межэтнических вопросов – вовсе не доминирующие народы в полиэтничных государствах, а так называемая «этническая группа», представляющая часть какой-либо национальности. Именно к этому, более узкому и конкретному, смысловому образованию ученые, работающие в поле этнической проблематики, относят все свои социально-политические и психологические выводы.

2. Из инструменталистской парадигмы исследователь заимствует социально-психологические подходы к объяснению этничности, тем самым переводя их на специальный язык обществоведения. Конструктивистская же парадигма значима для этносоциологии прежде всего в плане прояснения роли идеологий и мифологем в процессе формирования этнической

солидарности.

3. Понятие «этнической идентичности» для этносоциологии является важнейшим понятием для выделения группы как единицы анализа и, соответственно, для дальнейшего сравнения ее с другими группами.

Интересно, что с чисто терминологических позиций, и бурят в Бурятии, и татар в Башкортостане, и русских в Саха (Якутии), и хантов корректно будет отнести к той или иной «этнической группе». Однако в среде самих национальностей, а чаще – среди этнологов, бурят и хантов в Бурятии называют «народами», татар в Башкортостане – «национальным меньшинством», относительно русских в Саха (Якутии) могут затрудниться с определением, поскольку русских в этой республике больше, чем якутов<sup>5</sup>.

Подведем определенные итоги. Основываясь на изложенном выше можно выделить общее, концептуальное ядро в исследованиях вопросов этничности, существующее еще до разделения на различные подходы к данной проблематике. Речь идет о поиске устойчивых воспроизводимых форм, через которые этничность формируется (в соответствии с конструктивистскими предпосылками) или проявляется (в соответствии с постулатом примордиализма). Ориентация на вычленение, анализ и описание этих форм является общей для двух указанных выше подходов, линии «водораздела» между ними начинаются уже на уровне содержательного наполнения таких форм. Классификации и обнаружение устойчивых комбинаций сразу увеличивают возможности предвидения сценариев развития событий и диагностики скрыто зарождающихся и становящихся процессов. «Фобии, как

и образы врага, также конструируются, но для того, чтобы эти конструкции социально состоялись - то есть были "общественно звучными", - они должны быть встроены в жизненный мир обыденных "реципиентов". Эти контексты позволяют говорить о вероятностном потенциале политического (сверхуниз) конструирования. Без анализа этих реалий мы рискуем игнорировать то, что, во-первых, существует некоторый веер возможных траекторий, и, во-вторых, траектории различаются степенью своей вероятности»<sup>6</sup>. При этом нетрудно заметить, что примордиалистская парадигма побуждает к политизации этничности и тем самым инициирует широкое поле для идеологической и политической риторики, апеллирующей к этносу как ценности, тогда как конструктивистская парадигма, напротив, вырабатывает серьезный научный инструментарий для де-политизации этничности и де-этнизации политики.

### Библиография

1. Булгаков, С.Н. Расизм и христианство // Протоиерей Сергей Булгаков. Христианство и еврейский вопрос. - Paris: YMCA-Press, 1991.
2. Здравомыслов А.Г., Цуциев А.А. Этничность в постсоветском пространстве: соперничество теоретических парадигм // Социологический журнал. - 2003. - № 3.
3. Кисс, Э. Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы. // Этничность и власть в полиэтничных государствах. - М.: Наука, 1994.
4. Мухаметшина, Н.С. Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. - Самара: Изд-во СГАСУ, 2003. - 292 с.
5. Тишков, В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. - М.: Наука, 2003. - 544 с.
6. Шнирельман, В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. - М., 2005. - 696 с.

### Ссылки:

- 1 Булгаков С.Н. Расизм и христианство // Протоиерей Сергей Булгаков. Христианство и еврейский вопрос. - Paris: YMCA-Press, 1991. - С.98.
- 2 Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. - М.: Наука, 2003. - С. 123.
- 3 Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. - М., 2005. - С. 295.
- 4 См.: Кисс Э. Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы. // Этничность и власть в полиэтничных государствах. - М.: Наука, 1994.- С. 147.
- 5 См. также: Мухаметшина Н.С. Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. - Самара: Изд-во СГАСУ, 2003. - С. 112-114.
- 6 Здравомыслов А.Г., Цуциев А.А. Этничность в постсоветском пространстве: соперничество теоретических парадигм // «Социологический журнал» - 2003. - № 3. - С. 98.





# РЕЦЕНЗИИ

Полураспад СССР. Как развалили сверхдержаву. М.: Яуза-пресс, 2011.  
Преступный режим. «Либеральная тирания» Ельцина. М.: Яуза-пресс, 2011.  
Иллюзии величия. Катастрофа лидерства. М.: Яуза-пресс, 2012.

Трилогия Р.И. Хасбулатова, вышедшая в 2011–2012 гг. и посвященная самым острым и злободневным вопросам новейшей истории России, представляет собой глубокое политологическое исследование, созданное человеком, который в период коренного перелома в судьбе нашего государства, будучи главой российского Парламента, находился в самом центре описываемых событий.

Первая книга трилогии «Преступный режим. «Либеральная тирания Ельцина» интересна тем, что она развенчивает мифы, созданные в российском обществе адептами либеральной идеи. Идеи, провалившейся на практике, но под её обломками оказалось измученное бесчисленными экспериментами население огромной евразийской страны. И разрушенный гигантский по своим масштабам её экономический комплекс, и брошенный в нищету и криминалитет многонациональный народ, и бесчисленные потоки мигрантов в российские города и веси с территорий бывших союзных республик, - это всё, по большому счёту, жертвы этого безумного и беспрецедентного по своей жестокости надругательства над собственным народом. По сути своей – это преступление, которое совершили люди, потерявшие совесть и обуреваемые неслыханной жадой власти и наживы.

Некоторые исследователи объясняют произошедшее различными конспирологическими теориями. Но Р.Хасбулатов довольно

убедительно показывает примитивность мышления и вопиющий непрофессионализм людей, в силу случайных обстоятельств оказавшихся на вершине российской государственности. Уничтожающие характеристики Ельцина, Гайдара, Бурбулиса, Чубайса и иже с ними вполне отвечают сложившемуся в нашем народе абсолютно отрицательному отношению к этим персонам.

Восприняв ряд разрушительных экономических идей у своего бывшего патрона и предшественника на постах министра финансов и премьера СССР, «коммунистического бонзы» Валентина Павлова, Егор Гайдар, при попустительстве ничего не смыслившего в экономике Ельцина, привёл страну к тому, что, как пишет автор, «за один год потери Российской Федерации только в сфере сельского хозяйства были сравнимы с потерями в период Великой Отечественной войны (1941-1942 гг.), когда большая часть Европейской России была оккупирована немецкими войсками».

Так Гайдар «спас» народ от «голода», делает вывод Р.Хасбулатов. Именно тогда страна оказалась привязанной к продовольственному импорту. А отечественное аграрное хозяйство, задохнулось в тот же год, не имея доступа к кредитам.

Сегодня экономисты и политики разных мастей, как «Отче наш» повторяют слова о том, что наша экономика посажена на сырьевую экспортную иглу. Что совершенно отвечает действительности. Но приведённые Р.Хасбулатовым данные свидетельствуют о том, когда это произошло. Если «в 1980 – 1991 гг. в структуре российского экспорта на сырьё и полуфабрикаты приходилось 65%, на готовые изделия, включая изделия

машиностроения – 35%, то за год «безраздельного царствования» правительства Ельцина – Бурбулиса – Гайдара указанное соотношение стало следующим: вывоз готовых изделий сократился до 11%, сырьё – возрос до 89%».

Интересными представляются соображения, высказанные в книге о том, что во многом ошибки ельцинских младореформаторов объясняются тем, что они оказались в плену так называемого «Вашингтонского консенсуса» профессора Уильямсона, который они бездумно попытались навязать российской экономике.

Особую ценность книга представляет потому, что в ней содержатся свидетельства человека, который был непосредственным участником трагических событий 1991 – 1993 гг. в судьбе нашего государства, который в силу своего понимания происходящих процессов и своих возможностей пытался демпфировать жестокие эксперименты ельцинской команды. Она написана страстно, содержит глубокий экономический анализ учёного-экономиста с мировым именем, читается легко и интересно.

Попытки Верховного совета, виднейших российских экономистов аргументировано доказать ошибочность политики правительства, направленной на грабительскую приватизацию любой ценой, блокировались обанкротившимися ультра-радикалами. В то же время автор убедительно показал, что только благодаря твёрдой позиции Парламента и его руководства в тот период удалась предотвратить распад России как суверенного и единого государства, к чему настойчиво подталкивали радикалы-демократы: Юрий Афанасьев, Галина Старовойтова, Гавриил Попов, ряд других «теоретиков» и



сепаратистски настроенные руководители некоторых субъектов Федерации, в частности, Муртаза Рахимов и отставной генерал Дудаев.

В этот период, по свидетельству Р.Хасбулатова в Россию следовали разного рода международные авантюристы, прихватывая наиболее «жирные куски» от могучей некогда национальной экономики. Да разве могло это случиться без того, чтобы наши доморощенные авантюристы, обладающие безграничными властными полномочиями в условиях вакханалии развала, не способствовали бы этому?

В приведённом Р.Хасбулатовым материале из американской прессы рассказывается о соратниках «комиссара приватизации» Чубайса сотрудниках Гарвардского университета Андрее Шлейфере и Джонатане Хэе, которые предстали в американском штате Массачусетс перед судом за махинации и финансовые злоупотребления. Ущерб, нанесённый ими американскому бюджету, исчислялся в 136 миллионов долларов. Но тот ущерб, который они нанесли России при содействии Чубайса, не поддаётся учёту. С попустительства этой «рыжей бестии», как его прозвали в народе, в возглавляемом им Госкомимуществом (ГКИ) работали 32 сотрудника американских фирм, имевших доступ к компьютерному центру ГКИ. Несмотря на настойчивые предложения нашей контрразведки удалить из ГКИ Джонатана Хэя как кадрового разведчика ЦРУ, Чубайс этого не сделал. Напрашивается вопрос: почему? В приведённых материалах Р.Хасбулатова вскрывается подоплёка этого. «Дж. Хэй с помощью Чубайса купил 30% акций Московского электронного завода и действовавшего с ним

в кооперации НИИ «Графит» – единственного в стране разработчика графитового покрытия для самолётов типа «Стелс».

Тот же Хэй заблокировал заказ военно-космических сил на производство высоких технологий».

Небезынтересным будет добавить, что созданные названными фигурантами коммерческие структуры возглавляли их жёны. Эти структуры при содействии главы Госкомимущества и его заместителя Дмитрия Васильева, а также экономического советника Михаила Бойко нанесли российской экономике колоссальный ущерб. Закономерно возникает вопрос: почему высшее российское руководство при наличии материалов американских властей и нашей Счётной палаты позволило Чубайсу затем возглавить РАО ЕЭС, которое он также «благополучно» разгромил, а после этого допустило его к руководству РОСНАНО? Любому здравомыслящему человеку понятно, что за все свои «художества» он давно должен был бы находиться «в местах не столь отдалённых», а не руководить стратегическими отраслями российской экономики.

Подобно захватывающему детективу читаются свидетельства Р.Хасбулатова о схватке Ельцина с высшей законодательной властью, пытавшейся ограничить президентский беспредел в основных сферах жизни государства. А когда потерявший авторитет в народе и в Верховном совете зарвавшийся глава государства понял, что демократическим путём он может быть отстранён от власти, он пошёл на расстрел Парламента. Ну, прямо-таки российский Пиночет!

Автором показаны и тайные пружины: влияние «заграницы»,

двигавшие Ельцина к этому. Это был очередной международный заговор, пишет Р.Хасбулатов, с целью оказать прямую поддержку Ельцину в его действиях по насильственному уничтожению парламентской демократии для того, чтобы получить Россию с её неисчислимыми природными ресурсами в качестве марионетки – своего рода «приз» в мировой «шахматной игре» за глобальное господство.

Наиболее активную роль при этом играли Г.Коль и Б.Клинтон. В книге показана неблагоприятная деятельность и других западных политиков, которые плели «заговор с целью свержения конституционного строя и установления диктатуры марионеточного правительства в России». В нём, наряду с названными лидерами США и ФРГ, активно участвовали премьер Великобритании Мэйджор и президент Франции Миттеран.

Р.Хасбулатов не обходит анализом и трагических событий в Чечне. Им объективно показана деструктивная роль «фактора Дудаева», который был «командирован Главным разведывательным управлением (ГРУ) в Грозный, как стратегический резидент для выполнения «грязной работы». Совершённое им в Чечне автор сравнивает по своим последствиям для чеченского народа со сталинской депортацией 1944 – 1945 гг.

Вот как характеризует Р.Хасбулатов Ельцина в дни расстрела российского парламента: «хам по природе, человек жестокий, ошалевший от страха, прибегает к любой форме насилия – только для того, чтобы удержаться у власти, распорядиться которой он не умел... Отсюда готовность перебить хоть весь мир, стать союзником самому дьяволу, ... совершить любое преступление, убий-

ство, расстрел, клятвопреступление, обмануть кого угодно. Предельно законченный тип дегенерата от власти, опасного в своей тупой ограниченности и склонности к насилию в силу психологической предрасположенности, патологический врун. Такие люди исключительно опасны, когда они трепещут в страхе. Ельцин был все эти дни охвачен паническим страхом поражения. Он пьянствовал...»

Результатом этих трагических событий стала «пиррова победа» Ельцина и его сотоварищей – этого «коллективного Распутина», по словам Р.Хасбулатова.

Немаловажную роль в разгроме только что начавшихся складываться демократических институтов автор отводит печатным и электронным СМИ, которые находились под контролем «откровенных авантюристов – Полторанина и Бурбулиса».

Карательные органы самоутвердились в ходе расправы над Парламентом и почувствовали себя «не только полицейской, но и политической силой, опорой усиливающегося репрессивного режима».

В выигрыше оказалось и московское чиновничество и криминальные кланы, которые срослись в один преступно-олигархический организм.

Выиграли и радикальные элементы в окружении Ельцина. Всё это породило стремительную криминализацию всей внутренней жизни страны и невиданных масштабов коррупции, от которых она страдала все последующие годы вплоть до нынешних времён.

А новый карманный Парламент создал такой правовой механизм, который позволил сырьевым ресурсам огромными потоками уходить из России за рубеж, оставляя вырученные за них финансы



в оффшорных зонах. Таким образом, и материальные, и денежные богатства нашей страны работают не на благополучие народов России, а на мировую олигархию.

В книге приведены слова Владимира Максимова, который пишет, что «режим, восторжествовавший сегодня в России, хуже, бессовестней и беспросветней прежнего, потому что предлагает обществу игру без правил, существование вне закона и являет собой власть уголовной олигархии». («Правда» 1993 года 31 марта).

Во второй книге своей трилогии, названной «Полураспад СССР. Как развалили сверхдержаву», Р.Хасбулатов воссоздаёт драматические события недавнего прошлого, которые президентом Путиным были названы «великой геополитической катастрофой» и обернулись страшной народной трагедией, колоссальными людскими и экономическими потерями. С характерной для него искренностью автор рассказывает о судьбоносных моментах в перестроечный период нашей страны. Он не замалчивает ни собственных ошибок, как одной из ключевых фигур на российском политическом небосклоне, ни деяний «закулисы» и его «кукловодов», которые и подвели гигантскую страну к полураспаду.

Лишь ценой огромных жертв и неимоверных усилий истинных патриотов удалось сохранить Российскую Федерацию.

Особая ценность этой книги в том, что Р.Хасбулатов, будучи не просто свидетелем, а одним из главных участников описываемых событий, показывает, как началась «перестройка», инициированная М.Горбачёвым, приведшая к самоубийственному «параду суверенитетов», какую роль сыграл преступный заговор КГБ и орга-

низованный им государственный переворот в развале СССР. Он раскрывает преступные деяния «беловежских мошенников», последствия от предательства которых сказываются не только на нынешнем, но будут сказываться и на нескольких будущих поколениях людей, живущих на территории бывшего Советского Союза.

Анализируя объективные и субъективные факторы гибели СССР, автор утверждает, что в этом «никакой исторической предопределённости не было». Он «был глубоко убеждён в жизнеспособности социализма как Системы. Считал и считает, что гибель этой Системы – это одно из поражений современной Цивилизации. В частности, она лишилась альтернативы современному мошенническому глобальному капитализму». Совершенно справедливы выводы учёного о том, что множество нерациональных действий союзного и республиканского руководства и нерешительность властей «предпринять эффективные решения в условиях, когда сами действия властей привели к разбалансированности Системы, создали кумулятивный эффект огромной разрушительной силы, который разнёс в клочья СССР».

В третьей книге этой серии «Иллюзии величия. Катастрофа лидерства» Р.Хасбулатов даёт политико-философский анализ причин и следствий исторических трансформаций, произошедших с Российской империей, Советским Союзом и постсоветской Россией. За неполные сто лет в нашей стране произошли гигантские социально-экономические катастрофы, жертвами которых стали многие миллионы людей некогда единого многонационального государства.

При рассмотрении процессов генезиса российского государства,

к сожалению, автором упущен такой важный аспект, как роль духовного, религиозно-культурного фактора, без которого невозможно представить себе формирование русского этноса как главного государства образующего элемента.

В главе, посвящённой постсталинским трансформациям в СССР, Р.Хасбулатов акцентирует внимание на том, что при становлении сталинского предельно преступного репрессивного режима, наряду с другими причинами, прежде всего, содействовали последствия многолетней Гражданской войны, сопровождавшейся неслыханными жестокостями с обеих сторон. Люди привыкли «решать проблемы» уничтожением противника. Так происходило всегда после длительных войн, констатирует автор. «Последний такой случай – это уже из истории современной России, которая вела длительную войну в Чечне».

В ходе этой бойни и после неё произошёл взрыв уголовной преступности по всей стране. А сращивание правоохранительных органов с криминальным миром, добавим от себя, ещё более обострило проблему и вызвало во всём обществе неверие в возможность нормализации ситуации в близкой и даже среднесрочной перспективе.

Со знанием многих потаённых подробностей в становлении и разложении ельцинского режима Р.Хасбулатов анализирует процессы последних десятилетий в нынешнем государстве. Он убедительно раскрывает причины того, почему российская власть оказалась подвержена продажности и такому закоренелому в российской государственной системе явлению, как фаворитизм. В результате этих процессов она превратилась в игрушку в руках абсолютно аморальных авантюристов-олигархов

и их марионеток на вершине властной пирамиды. «А коррупция, – напоминает автор слова Софокла, – съедает государство».

Говоря о возможных вариантах общественно-политического развития в ближайшей перспективе, Р.Хасбулатов выражает определённый пессимизм относительно возможности нынешней власти справиться с существующими вызовами, стоящими перед Россией. В частности, он отмечает, что «попытка заменить профессиональных специалистов, превосходно знающих свои профессии, на неких «менеджеров» – это выдавать желаемое за действительное, поскольку таких «всезнающих менеджеров» во всей огромной стране не существует вообще как явления».

Уместно в этой связи привести слова Аристотеля, сказанные много более двух тысяч лет назад о том, что задача политики – дать как можно более благополучия для возможно большего числа людей. И людям, по большому счёту, неважно при этом, какую форму будет иметь государственная власть. Важно, чтобы она была в гармонии с нравственными началами, справедливостью и добродетелью. И пока российские политики не усвоят этих истин и не начнут всемерно воплощать их в жизнь, положение дел в нашем государстве не улучшится.

Книги Р.Хасбулатова, без сомнения, являются вкладом в современную политологическую науку. Они будут весьма полезны специалистам – учёным, экономистам, историкам, студентам и широкому кругу читателей, которым не безразлично прошлое, настоящее и будущее нашего Отечества.

**А.В. Щелкунов**, канд. филос. наук, посол  
**М.Н. Кулапов**, д-р экон. наук, проф., лауреат премии  
Правительства РФ в области образования



# АВТОРЫ

- Алдабергенова Алина Садыховна** — студентка Астраханского Государственного Университета.  
alina\_aas@mail.ru
- Артемова Татьяна Сергеевна** - студентка кафедры истории и теории социологии Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.  
artemova.ts@gmail.com
- Батаева Екатерина Викторовна** - кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия».  
bataevaekaterina@yahoo.com
- Бубнов Юрий Михайлович** - доктор социологических наук, Могилёвский институт региональных социально-политических исследований, г. Могилёв, Беларусь.  
bubnov\_juri@tut.by
- Гайдт Анна Юрьевна** - аспирантка кафедры Политологии и социологии политических процессов, социологический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова.  
gaidt.anna@mail.ru
- Голиков Николай Алексеевич** - кандидат педагогических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Тюменский государственный нефтегазовый университет».  
nikgol2004@mail.ru
- Григорьева Алина Александровна** - студентка социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.  
agrigoreva7@gmail.com
- Грищенко Екатерина Владимировна** - студентка кафедры социологии института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета.  
k.grishenkova@yandex.ru
- Грудина Татьяна Николаевна** - аспирант кафедры социологии семьи социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.  
grudina-tatyana@yandex.ru
- Грызунова Елена Аркадьевна** - аспирант кафедры Связей с общественностью факультета Международной журналистики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России.  
Mail2.elena@mail.ru
- Гуськов Дмитрий Вячеславович** - аспирант кафедры социологии и социальных технологий управления, Уральский Федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина.  
Collectioner132008@yandex.ru
- Жилкин Владимир Владимирович** - кандидат философских наук, доцент, заведующий Лабораторией прикладной культурологии и медиакультуры, ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».  
v-zhilkin@narod.ru
- Жилкина Наталия Владимировна** - кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
- Журавлева Людмила Анатольевна** - кандидат философских наук, профессор кафедры социологии, ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург.  
zhuravleva08@gmail.com
- Идрис Омар Мустафович** - студент кафедры адаптивной физической культуры, Лаборатория прикладной культурологии и медиакультуры, ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».



**Каневский Павел Сергеевич** - кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

baggio-18@yandex.ru

**Клочкова Анна Валентиновна** - кандидат социологических наук, зав. лабораторией социально-правовых исследований и сравнительного правоведения, юридический факультет, МГУ имени М.В.Ломоносова.

a.klotchkova@rambler.ru

**Макаренкова Наталья Юрьевна** - аспирантка кафедры социологии, ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный университет».

Nataly\_light@mail.ru

**Мартинкевич Антон Вацлавович** - студент факультета философии и социальных наук, отделение социологии, Белорусский государственный университет.

antonvidok@gmail.com

**Матвеева Наталья Юрьевна** - кандидат социологических наук, доцент кафедры теории, истории и методологии социологии, Московский государственный социальный университет, социологический факультет.

rmatveyev@yandex.ru

**Монахов Данила Никитич** - кандидат педагогических наук, Московский государственный гуманитарный университет имени М.А.Шолохова.

MonahovDN@yandex.ru

**Немова Ольга Алексеевна** - кандидат социологических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет им Козьмы Минина».

nhl\_@list.ru;

**Свадьбина Татьяна Владимировна** - доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет им Козьмы Минина».

tsvadbina@mail.ru

**Симонов Александр Андреевич** - аспирант кафедры Региональной экономики и управления территориями, экономический факультет, Омский государственный университет имени Ф.М.Достоевского (ОмГУ), начальник сектора социологических исследований, «Региональный центр по связям с общественностью» (г. Омск).

simonov.post@gmail.com

**Титова Елена Николаевна** - аспирантка, Белорусский государственный университет.

Tit.len@mail.ru

**Трофимова Ирина Николаевна** - доктор политических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

itnmv@mail.ru

**Филатова Наталия Геннадьевна** - доцент кафедры дизайна ФГБОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет»

arbuze@yandex.ru

**Хафиятуллина Эльмира Рафаильевна** - ст. преподаватель кафедры лингвистики, межкультурной коммуникации и социально-культурного сервиса ФГБОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет»

dek.fispos2009@yandex.ru

**Шарович Раде Светозаревич** - магистр, философский факультет, кафедра социологии, университет Черногории, г. Никшич.

sarovicrade@gmail.com

**Шашков Дмитрий Александрович** - студент социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

shv-dmitry@yandex.ru

**Яковлева Анастасия Александровна** - аспирантка кафедры эмпирической социологии и конфликтологии социологического факультета, Алтайский государственный университет.

assya@inbox.ru

